

ЭВР

ДЖОН ГЕНРИ
ПАТТЕРСОН

С ИУДЕЯМИ
В ПАЛЕСТИНСКОЙ
КАМПАНИИ

Санкт-Петербург
2014

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Межфакультетский центр «Петербургская иудаика»

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(5Изр-6Пал)
П 20

Перевод выполнен по изданию: *With the Judeans in the Palestine Campaign*, by Lieut.-Colonel J. H. Patterson, D.S.C. New York: The Macmillan Company, 1922.

Паттерсон, Дж. Г.

П 20 С иудеями в Палестинской кампании / Джон Генри Паттерсон; [пер. с англ. А. Глебовской; вступ. ст. и коммент. В. Кельнера]. — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. — 254 с. ; 12 [с.] ил. — (Эпоха войн и революций; вып. 4)

ISBN 978-5-94380-165-5

Вышедшие в свет в 1922 г. мемуары Дж. Г. Паттерсона — редкий источник по истории не только Первой мировой войны и еврейского национального движения, но и мировой политики на Ближнем Востоке. Подполковник британской армии Джон Генри Паттерсон выпустил воспоминания по горячим следам прошедших сражений. Путешественник, искатель приключений и литератор, сын протестанта и католички, он, волею судеб, был поставлен во главе необычного воинского подразделения — Еврейского легиона. Детище сионистского движения, Легион не только стал участником боевых действий против турецкой армии и освобождения территории Палестины, но и оказался в центре сложной дипломатической игры между странами Антанты и даже фактором внутренней политики в самой Великобритании. Дж. Г. Паттерсон скрупулезно описывает перипетии борьбы за создание Легиона как в высших военно-политических кругах Великобритании, так и в самом еврейском национальном движении. Он детально восстанавливает историю участия еврейского отряда в сражениях 1917–1918 гг. Автор дает портреты бойцов и командиров этого подразделения, состоявшего из представителей российского, британского и американского еврейства. Впервые переведенная на русский язык, снабженная вступительной статьей, комментариями и иллюстрациями, найденными в архивах Израиля и Великобритании, эта книга способна пролить свет на одну из малоизвестных страниц Первой мировой войны.

УДК 94(569.4)
ББК 63.3(5Изр-6Пал)

Перевод с английского осуществлен при финансовой поддержке
~~Российского Еврейского Конгресса~~

ISBN 978-5-94380-165-5

- ⊕ Европейский университет в Санкт-Петербурге, издание на русском языке, 2014
- © А. Глебовская, перевод на русский язык, 2014
- © В. Кельнер, вступительная статья и комментарии, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

С Библией и винтовкой. Мемуары полковника Джона Генри Паттерсона — сиониста и христианина (<i>В. Кельнер</i>)	7
Основные источники и литература, относящиеся к истории создания Еврейского легиона (сост. <i>В. Кельнер</i>).	25
Предисловие	28
Введение	29
Глава I. Декларация Бальфура	32
Глава II. Санаваллаты.	36
Глава III. Формирование еврейского батальона	39
Глава IV. Обучение в Плимуте	45
Глава V. Кошерная пища	51
Глава VI. Отправка в Палестину	54
Глава VII. Снова в земле египетской	60
Глава VIII. Пасха	67
Глава IX. Отправка на фронт.	71
Глава X. Наблусский фронт.	78
Глава XI. Переход в Иорданскую долину	86
Глава XII. Наша позиция на Меллахе	94
Глава XIII. Жизнь на Меллахе	99
Глава XIV. Наши первые награды	104
Глава XV. Захват борда Ум-эш-Шерт	109
Глава XVI. Пропавший обоз	113
Глава XVII. Переброска в Рамот-Гилеад.	117
Глава XVIII. Победный венец	121
Глава XIX. Стратегическое значение Палестины	125
Глава XX. Скандал с иерусалимским госпиталем	129
Глава XXI. Жизнь в Лоде	135
Глава XXII. В Рафе	139
Глава XXIII. Возвращение анзаков	143
Глава XXIV. Выдающийся день	147
Глава XXV. Запрет на вход в священный город	152
Глава XXVI. Чемпионат по боксу	156
Глава XXVII. Захватывающая скачка	159
Глава XXVIII. Дамаск	164
Глава XXIX. Среди филистимлян.	169
Глава XXX. Падение Голиафа	174

Глава XXXI. Жалобы	176
Глава XXXII. Путешествие к Галилейскому морю	181
Глава XXXIII. Странные методы египетского экспедиционного корпуса.	187
Глава XXXIV. Первый иудейский	194
Глава XXXV. Иерусалимский погром	196
Глава XXXVI. Рассвет	203
Комментарии.	205
Приложение I	243
Приложение II.	245
Указатель имен	246
Указатель географических названий	251

С БИБЛИЕЙ И ВИНТОВКОЙ. МЕМУАРЫ ПОЛКОВНИКА ДЖОНА ГЕНРИ ПАТТЕРСОНА – СИОНИСТА И ХРИСТИАНИНА

Скажи сынам Израиля, пусть идут!
Встань иди, ибо не это пристанище твое!
Исход. 14:15

Что случится, что случится,
Когда Мессия придет?
Жареных голубей будем собирать на улицах.
Из бумаги будем строить мосты,
Покатимся, покатимся в нашу страну назад.
«Во свет зайн» (*Что будет*). Еврейская
народная песня¹

Первая мировая война привела к крушению трех империй: Российской, Австро-Венгерской и Османской. На их развалинах возникли новые национальные государства и были легитимизированы национальные движения как в Европе, так и на Ближнем Востоке. Одним из таких движений стал сионизм. Организационно оформившись в самом конце XIX в., политический сионизм не только венчал многовековые чаяния еврейского народа, но и полностью вписывался в контекст подъема национальных движений того времени, охвативших народы Европы, которые входили в состав различных империй.

Идея возрождения на исторической родине сопровождала всю историю еврейского народа, пребывавшего в диаспоре (галуте) в результате римского и последующих завоеваний. Веками религия являлась единственной силой, скреплявшей еврейский народ в рассеянии. «В будущем году в Иерусалиме» — это не просто красивые слова, это часть религиозного ритуала. Этими идеями был проникнут весь духовный мир народа. В известной степени ими питались многие мистические, мессианские и социальные движения, на протяжении веков охватывавшие мировое еврейство.

К Сиону были обращены религиозный ритуал и литургическая поэзия. Собственно говоря, евреи никогда полностью не покидали

---

¹ Благодарю Николь Муравскую за то, что она обратила мое внимание на эту песню. — В. К.

землю предков. Ишув — еврейские общины — всегда существовали в Иерусалиме, Хевроне, Цфате, Тивериаде и в ряде других мест, считавшихся святыми для всех, кто исповедовал иудаизм. До конца XIX в. это были, как правило, небольшие религиозные поселения, стихийно создававшиеся для сохранения ритуальной памяти. Их жизнедеятельность поддерживалась на средства, собираемые в еврейских общинах всего мира (т. н. налог на Святую Землю). В большей или меньшей степени с ними мирились все, кто владел этой территорией: византийцы, арабы, турки. Численность этих общин была предельно мала²; состояли они из сугубо религиозного, консервативного и ни на что не претендовавшего еврейства. Положение начало меняться в 1880-е гг. Сначала небольшими группами, а затем все более увеличивавшимся потоком в Палестину, ставшую для них Эрец-Исраэль (Землей Израиля, Землей Обетованной), с территории Российской империи стала прибывать еврейская молодежь. Самая крупная в мире на то время еврейская община находилась в России. Российское еврейство оказалось захвачено теми же глобальными социальными процессами, что и все народы империи. К тому же положение российского еврейства усугублялось репрессивным законодательством и расцветом антисемитизма — как государственного, так и социального. Погромы начала 1880-х гг. привели к подъему палестинофильства. В направлении к Эрец-Исраэлю осознанно устремились молодые люди, увидевшие возможность на земле предков воплотить свои, во многом заимствованные в русском народническом движении, социальные идеи и приоритеты. Приезжая в тогдашнюю Палестину, они создавали преимущественно сельскохозяйственные коммуны. Старый ишув встретил их неприветливо. Они нарушили давно сложившийся баланс во взаимоотношениях с турецкой властью и местным арабским населением. Более того, прибывающая молодежь в своей массе была нерелигиозна и несла с собой социалистические и народнические идеи.

Во второй половине 1890-х гг. в Европе под воздействием общего подъема национальных и националистических движений, а также вследствие возрождения различных форм агрессивного антисемитизма и юдофобии были сформулированы идеи политического сионизма. На политическую арену вышло сионистское дви-

² Более или менее точно говорить о численности ишдува на всем протяжении его существования невозможно. Но, например, известно, что при землетрясении 1837 г. только в Цфате погибло 4 тысячи евреев.

жение, ставящее в конечном итоге своей целью создание в Эрец-Исраэль полноценного еврейского государства. И хотя основной человеческий потенциал нового государства, естественно, могло составлять наиболее угнетаемое в мире российское еврейство, во главе движения первоначально стояли европейские интеллектуалы, представители германского, британского, французского и австро-венгерского еврейства. Но уже в первое десятилетие XX в. заявило о своих правах и молодое, стремительно развивающееся сионистское движение в России. Его представители вошли во все директивные и организационные структуры и быстро стали задавать тон в мировом сионизме.

Начало Первой мировой войны вынудило руководство сионистским движением объявить о нейтралитете. По его мнению, этого требовала сложившаяся в мире обстановка и только это могло спасти движение от репрессий со стороны правительств воюющих стран. Часть руководящих структур движения была выведена в нейтральные страны. Тем более что из Эрец-Исраэль приходили сведения о репрессиях, которым подверглись со стороны турецкой власти «россияне». Подавляющее большинство нового ишува — это молодежь, приехавшая из Российской империи и сохранявшая российское подданство. Они были высланы из пределов Османской империи в основном в находившийся под британским контролем Египет. Вскоре стало ясно, что это был некий «щадящий» вариант — в Турции начался геноцид армян³.

На протяжении всей войны, точнее до победы Февральской революции, перед российскими сионистами стояла сложная дилемма: с одной стороны, в русскую армию призвали до 500 тысяч евреев, но, с другой стороны, власть сохранила в неприкосновенности антиеврейское законодательство. Более того, уже в 1915 г. поднялась волна массовых выселений евреев из прифронтовой полосы, начались погромы и обвинения в шпионаже.

Среди руководителей сионистского движения оказались два человека, которые с первых дней заняли совершенно определенную позицию по отношению к этой войне: Хаим Вейцман и Владимир (Зеев) Жаботинский. Они однозначно призывали к поддержке стран

³ Среди выходцев из Российской империи оказалось некоторое число молодых людей, главным образом исповедовавших наряду с сионизмом и идеи социализма, которые на первых порах были даже готовы вступить в турецкую армию. В их числе был и будущий лидер государства Израиль Д. Бен-Гурион. Правда, турецкие власти быстро отказались от подобной услуги. Позднее все они присоединились к Ерейскому легиону.

Антанты. Х. Вейцман к тому моменту был уже авторитетным деятелем мирового сионизма. Ученый-химик, он уже несколько лет жил и работал в Великобритании. В. (З.) Жаботинский, несмотря на свою относительную молодость, стал, особенно в России, заметной фигурой — так сказать «возмутителем спокойствия» не только в сионистском, но и во всем еврейском национальном движении. Талантливый и плодовитый журналист, драматург, писатель и переводчик, он в декабре 1914 г. стал работать в Египте в качестве корреспондента либеральной газеты «Русские ведомости».

Вейцман и Жаботинский были убеждены в том, что война завершится победой стран Антанты, а поражение Османской империи неизбежно приведет к развалу этого многонационального государства и каждый народ станет претендовать на собственную государственность. По их мнению, при дележе «турецкого наследства» страны победители будут «чрезвычайно разборчивы» и к своему «столу» допустят только те народы, которые внесут свой посильный вклад в общую победу. Эти «тезисы» легли в основу совместной работы обоих политиков в деле создания в составе британской армии специального еврейского легиона. По их замыслу, это подразделение должно было принять самое деятельное участие в освобождении Эрец-Исраэль.

С этими мыслями Жаботинский посетил лагеря выселенных в Египет жителей Палестины. По словам Жаботинского, первыми людьми, оказавшими ему поддержку в реализации этого замысла, стали консул России в Александрии А. М. Петров и Иосиф Трумпельдор. Петров — кадровый дипломат, знаток восточных языков и культуры — принял большое участие в судьбе высланных из Палестины евреев, формально являвшихся русскими подданными⁴. Трумпельдор — сионист из России, участник русско-японской войны, полный георгиевский кавалер, практически один из первых евреев, оставшийся в иудаизме и, несмотря на это, получивший офицерское звание. С 1912 года он жил в Эрец-Исраэль, где руководил созданием сельскохозяйственных поселений.

⁴ Собственно говоря, по воспоминаниям Жаботинского, основной вклад А. М. Петрова в дело создания первого еврейского подразделения состоял в том, что он пригрозил «русским подданным», как военнообязанным, отправить их из Египта в русскую армию. Видимо, не без содействия Петрова и других работников консульства в Департаменте полиции МВД России была составлена специальная справка «Сообщения о создании Еврейского легиона». В ней говорилось о настроениях русских подданных в отношении участия в войне, а также приводились добытые агентурным путем персональные данные лидеров этого дела (см.: HM2/9891.3. Archive of the History Jewish people. Jerusalem).

На призыв Жаботинского и Трумпельдора откликнулось несколько сот человек, и в лагерях беженцев началось их обучение военному делу. Вскоре еврейская делегация, в составе которой среди других были Жаботинский и Трумпельдор, явилась на прием к командующему британскими силами в Египте генералу Дж. Максвеллу. Делегация изложила ему план по формированию специального еврейского подразделения, которое должно было бы присоединиться к британским войскам, воюющим против Турции. В ответ было получено предложение создать лишь специальный транспортный отряд, который в составе британских вооруженных сил должен будет заниматься снабжением сражающихся на фронте частей боеприпасами и продовольствием. Иного варианта Максвелл и не мог предложить, так как, по закону, в вооруженных силах Великобритании не могли служить иностранные подданные. Жаботинский, в отличие от Трумпельдора, не принял это предложение и выехал в Италию, а затем во Францию с тем, чтобы поискать там возможности создания еврейского национального подразделения.

В итоге из высланных турками из Палестины в Египет евреев, как и предлагал генерал Максвелл, все же был сформирован отряд, вошедший в историю как «Корпус погонщиков мулов». Он принял участие в Галлиполийской операции. Во главе этого подразделения был поставлен профессиональный военный, подполковник Дж. Г. Паттерсон.

Джон Генри Паттерсон даже для Англии был фигурантой экстравагантной. Он родился 10 ноября 1867 г. в маленькой деревушке Баллимахон графства Уэстмит в Ирландии, причем его отец был протестантом, а мать католичкой⁵. Подобное сочетание в Ирландии было в те годы не частым и не могло не сопровождаться некими религиозно-моральными коллизиями. Домашнее воспитание в семье было исключительно религиозным, и Библия — настольной книгой. В 17 лет он, следуя семейной традиции, вступил в британскую армию, где прошел соответствующий курс обучения и стал офицером. Жизнь военного бросала его то в Индию, то в британские колонии в Африке. Он участвовал в англо-бурской войне. В 1911 году в звании подполковника Паттерсон вышел в отставку⁶.

⁵ Биограф Паттерсона П. Стрите в книге «Сумасшедший для Сиона: Биография полковника Дж. Г. Паттерсона» дает иную, более аристократическую и романтическую версию его происхождения.

⁶ Возможно, причиной отставки стало трагическое происшествие на сафари, когда участвовавший в нем один из сослуживцев Паттерсона застрелился. Это произошло в присутствии его жены. Инцидент стал быстро обрасти слухами и сплет-

К этому времени он уже получил известность как литератор. В книгах «Со львами-людоедами в Цаво» и «Схватка в Нуике»⁷ он рассказал о своих приключениях в Африке, где ему пришлось вступить в борьбу со львами-людоедами, терроризировавшими местное население⁸.

С началом Первой мировой войны Дж. Г. Паттерсон вернулся на службу. Вот именно этому человеку и поручили возглавить столь экзотическое, с точки зрения командования, подразделение, как состоящий из евреев «отряд погонщиков мулов». Нельзя исключить и того, что этот шаг был сделан генералами не без определенной доли издевки.

Но Паттерсон то ли не понял этого, то ли сделал вид, что его вполне устраивает подобное применение его опыта и таланта. Вскоре отряд под его командованием высадился в Галлиполи и принял деятельное участие в этой неудачной операции британской армии⁹. После возвращения в Египет еврейское подразделение было распущено. Однако среди еврейства воюющих стран не осталось незамеченным появление впервые, чуть ли не за 2 тысячи лет, еврейского воинского подразделения. Этот факт получил освещение не только в британской, но и в русской прессе¹⁰.

Жаботинский, проехав через Италию и Францию, прибыл в Великобританию. В Лондоне его ждал единомышленник — Хаим Вейцман.

Этому ученому и активному политику была присуща полная убежденность в конечной победе Антанты, а также в том, что решающую роль в ее достижении сыграет Великобритания. Как член руководства Всемирной сионистской организации, он сразу же вы-

---

нями, что бросало тень на его репутацию. Много лет спустя это событие стало основой рассказа Эрнеста Хемингуэя «Недолгое счастье Фрэнсиса Макомбера».

⁷ Годы спустя на эти произведения обратил внимание и кинематограф. В США по ним сняли несколько фильмов: «Дьяволы из Бвана» (1953), «Убийцы из Килиманджаро» (1959) и «Призрак и Тьма» (1996).

⁸ В 1924 году Паттерсон продал шкуры и черепа львов-людоедов чикагскому Музею естественной истории Филда (The Field Museum of Natural History) за внушительную по тем временам сумму в 5000 долларов.

⁹ Историю «Отряда погонщиков мулов» рассказал сам его командир, подполковник Дж. Г. Паттерсон, в мемуарах (см.: *Паттерсон Дж. Г. С еврейским отрядом в Галлиполии / Пер. М. П. Благовещенской; Под ред. и с предисл. К. И. Чуковского; С прил. ст. В. Е. Жаботинского. М., 1917*).

¹⁰ Об этом подразделении в самых превосходных тонах рассказали в своих статьях К. Чуковский (Под знаменем Сиона // Речь. 1916. 26 июня) и А. Амфитеатров (Судьба Палестины // Русское слово. 1915. 10 марта; Еврейский легион // Там же. 2 апреля).

ступил против принципа нейтрализма и практически вышел из состава Исполнительного комитета этой организации. Все свои силы и связи он направил на то, чтобы оказать максимальное влияние на британский истеблишмент в деле будущего решения палестинской проблемы.

Создание полноценного еврейского воинского подразделения было для него важной, но отнюдь не главной задачей на пути к воссозданию еврейской государственности. Первоначально в этом деле он, по его собственному признанию, был почти одинок. Сионистское движение в Англии не считало нужным отвлекаться на такие «мелочи», а сионисты из России и слышать не желали о какой-либо помощи союзнице Англии — России. Поначалу лишь единицы соглашались с идеями Вейцмана. В первую очередь это были недавно приехавшие в Лондон Жаботинский и П. Рутенберг¹¹. Моральную поддержку он имел и от известного национального мыслителя, отца так называемого духовного сионизма — Ахад Гаама (Ашер Гирш Гинцберг), который уже несколько лет как перебрался из Одессы в Лондон.

Первый прорыв на пути к созданию еврейского воинского подразделения в составе британской армии Вейцману удалось совершить лишь весной 1916 г. Его открытие в области химии оказалось огромную помошь британской военной промышленности. После внедрения этого открытия Вейцмана приняли тогдашний лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль и министр боеприпасов, а позднее глава Военного кабинета Дэвид Ллойд Джордж, который вспоминал: «Я... встретился с ним, я понял, что это был человек замечательный. Широкий лоб свидетельствовал об уме, а его открытое лицо создавало у собеседника уверенность в его полной искренности». В ответ на вопрос о том, какую награду за сделанное им открытие Вейцман желает получить: орден или титул, Ллойд Джордж

¹¹ Пинхаса Рутенберга можно охарактеризовать, скорее всего, как революционного авантюриста. Инженер по образованию, он был деятельным членом Боевой организации Партии социалистов-революционеров. В первую очередь в историю русского революционного движения он вошел как человек, казнивший обвиненного в связях с Охранным отделением Григория Гапона — человека, бывшего чуть ли не духовным вождем петербургских рабочих в период революции 1905 г. Эмигрировав из России, Рутенберг вскоре увлекся идеями сионизма. Позднее, после Февральской революции, он вернулся в Россию, где вновь присоединился к Партии социалистов-революционеров, участвовал в сопротивлении большевикам. Эмигрировав в Палестину, Рутенберг в 1920–1930-е гг. сыграл большую роль в экономическом преобразовании страны (см.: Хазан В. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту. Опыт идентификации человека, который делал историю: В 2 т. Иерусалим; М., 2009).

услышал: «Я ничего не хочу для себя... я хотел бы просить Вас сделать кое-что для моего народа». Далее Вейцман якобы изложил ему план по привлечению к участию в войне представителей еврейства. Спустя некоторое время, по словам Ллойда Джорджа, он свел Вейцмана с министром иностранных дел А. Дж. Бальфуром¹².

Конечно, идеи о привлечении мирового еврейства к участию в мировой войне уже давно циркулировали в британских министерских кабинетах. Членом кабинета министров с 1909 г. являлся Герберт Сэмюэль, первый в истории Великобритании член правительства иудейского вероисповедания. До 1914 года Сэмюэль не принимал участия в сионистской деятельности, считая сионизм утопией. В октябре 1914 г., когда на заседании кабинета министров проблему Палестины поднял тогдашний министр финансов Д. Ллойд Джордж, Г. Сэмюэль не только поддержал его, но и заговорил об идее создания еврейского государства. С Вейцманом он был знаком с декабря 1914 г. В январе–марте 1915 г. Сэмюэль распространял среди членов кабинета министров меморандум, в котором предлагал установить над Палестиной британский протекторат¹³. Теперь, используя старые и новые связи в правительственные кругах, Вейцман начал энергично продвигать свои идеи. Определенным практическим шагом к их осуществлению должно было стать формирование Еврейского легиона. Непосредственно этим делом и занялся Жаботинский.

Наверное, направляясь в Лондон, Жаботинский не думал о том, что там ему придется столкнуться с таким количеством недоброжелателей. Причем основное сопротивление идеи создания еврейской воинской части в составе вооруженных сил страны ему оказалось местное еврейство — и не только старое, но и недавно прибывшие в страну эмигранты из России, Польши и Австро-Венгрии.

В 1913 году только в Лондоне проживало 150 000 евреев, из них 125 000 в Ист-Энде. По многочисленным воспоминаниям и описаниям, в то время это был один из самых криминогенных районов столицы. Значительная часть евреев Ист-Энда была занята в мелкой розничной торговле, в частности в деле продажи подержанной

¹² Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1–2. М., 1934. С. 396–397. Следует отметить, что к тому времени между сионизмом и правящими кругами Великобритании был уже «старый роман». Еще в 1902 г. отец-основатель этого движения Т. Герцель встречался с тогдашним министром по делам колоний этой страны Дж. Чемберленом.

¹³ Позднее Г. Сэмюэль получил пост первого Верховного комиссара Палестины (1920–1925).

одежды. Здесь находилось также большое, не подлежащее исчислению, количество портняжных и сапожных мастерских. На улицах и в домах звучал идиш или в лучшем случае неимоверно искаженный английский язык. Вся эта масса новых «англичан» была пропитана всевозможными социалистическими идеями, вывезенными ими из стран Восточной Европы. Агитация Жаботинского встретила яростное сопротивление еще и потому, что сама идея хоть в чем-то помогать самодержавной России воспринималась как предательство по отношению к российскому еврейству. Да и по отношению к Англии эти люди не испытывали особого пietета¹⁴. На созываемых Жаботинским собраниях и митингах он подвергался обструкции со стороны приверженцев различных социалистических и анархистских организаций¹⁵. Некоторые пытались объявить его чуть ли не агентом царской охранки¹⁶.

Не менее упорное сопротивление Вейцман и Жаботинский встретили и со стороны «коренного» британского еврейства. Многие из них уже давно вошли в состав английской политической и деловой элиты, даже заседали в Парламенте и занимали министерские посты. В основном это были представители старых «аристократических» семей: Давид Александр, Клод Монтефиоре, Люсиен Вольф, Эдвин Монтею¹⁷. Теперь они испугались того, что новые, привнесенные с «востока» идеи осложнят их жизнь, могут подвергнуть сомнению их британский патриотизм. Лидер этой группы, будущий министр по делам Индии Э. Монтею, заявлял о том, что он «считает евреев религиозной общиной, а себя англичанином еврейского происхождения». Позднее Дж. Г. Паттерсон писал: «Я, разумеется, сознавал, что мнения евреев по этому вопросу расходятся, однако никак не ожидал столкнуться со столь откровен-

¹⁴ Еще совсем недавно в самой Великобритании произошли еврейские погромы в шахтерских городках Южного Уэльса. В 1917 г. еврейский погром произошел и в крупном промышленном центре — Лидсе.

¹⁵ После одного из таких собраний кто-то из присутствовавших на нем сказал Жаботинскому, что вся его деятельность в этой аудитории совершенно бесполезна и бессмысленно призывать евреев Ист-Энда к исполнению долга по отношению к еврейскому и английскому народам, так как «мы не евреи. Мы не англичане. Мы не люди. А кто мы? Портные» (Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). Тель-Авив, 1985. С. 145).

¹⁶ Среди тех, кто особенно боролся с влиянием Жаботинского «на еврейской улице», были жившие в ту пору в Лондоне будущие видные советские наркомы и дипломаты: Г. Чичерин, И. Майский, М. Литвинов.

¹⁷ В основном они представляли Anglo-еврейскую ассоциацию, многие члены которой заявляли о том, что современные евреи не составляют единый народ, а являются лишь религиозной группой.

ными неприятием и враждебностью. Я не мог взять в толк, почему евреи не понимают, что эта возможность послана им самим небом, почему не делают всего от них зависящего, дабы поддержать усилия британского правительства по защите дела еврейского народа. Вообразите себе мое удивление, когда многие из числа оппозиционно настроенных евреев во всеуслышанье заклеймили создание еврейского батальона и столь же громогласно прокляли чаяния сионистов!»¹⁸ Однако в итоге борьба против создания еврейского подразделения в целом не увенчалась успехом. В августе 1917 г. было официально объявлено о существовании в рядах британских вооруженных сил первого еврейского батальона (названного 38-м батальоном королевских стрелков).

Подполковник Паттерсон находился в Англии уже с лета 1916 г. После возвращения из Галлиполи, он некоторое время лечился, а затем вернулся на службу. Вскоре состоялось его личное знакомство с Жаботинским, который позднее так описал эту неординарную личность: «Высокий, тонкий, стройный человек с умными и веселыми глазами — воплощение того, что англичане полуторчливо, полуносхищенно называют “ирландским шармом”...». Отметил Жаботинский и еще одну особенность этого человека, бесспорно сыгравшую в дальнейшем большую роль в его жизни: «...есть у него изумительное знание Ветхого Завета. Гидеон и Самсон для него — живые образы, приятели, чуть ли не члены его же кавалерийского клуба на Пикадилли». Судя по мемуарам Жаботинского, именно он сыграл решающую роль в назначении Паттерсона командиром этого подразделения. Он считал наилучшей кандидатурой того, «...кто не постыдился стать во главе “погонщиков” мулов и сумел сделать из них боевую единицу». Первоначально Паттерсон отказался, сообщив из Дублина: «По моему глубокому убеждению, вам нужен полковник-еврей. Я был бы счастлив опять вести в огонь еврейских солдат; но и справедливость, и интересы нашего дела требуют, чтобы честь эта досталась еврею»¹⁹. Но Паттерсон явно не учел одного: в то время даже в британской армии фактически нельзя было найти еврея-офицера в таком звании. Тем более что все попытки отозвать с фронта в этот батальон офицеров-евреев закончились неудачей. В итоге военное министерство утвердило в должности командира «The Jewish Regiment» (букв. «Еврейский полк») именно подполковника Дж. Г. Паттерсона.

¹⁸ Patterson J. H. *With the Judeans in the Palestine campaign*. London, 1922. P. 7–8.

¹⁹ Ibid. P. 12. См. об этом также наст. изд., с. 31.

2 ноября 1917 г. министр иностранных дел Великобритании А. Дж. Бальфур направил главе еврейской общины Англии лорду Л. У. Ротшильду письмо, позднее названное «Декларацией Бальфура»²⁰.

Принятию этого документа предшествовала долгая и упорная борьба между pragmatичными членами британского руководства, сионистами и антисионистами. Для руководителей Великобритании принятие этого документа было в первую очередь частью дипломатических маневров: борьба за скорейшее вступление в войну США, укращение ближневосточных аппетитов Франции и участие в разделе Османской империи. Одновременно они вели тонкую игру и с представителями арабского национального движения, подталкивая их всевозможными обещаниями к более энергичным действиям против их бывшего суверена — Турции. По словам премьер-министра Великобритании Д. Ллойда Джорджа, «...декларация Бальфура не является простым актом милосердия. Следует понять, что речь идет о сделке в обмен... на поддержку евреями всего мира дела союзников». В свою очередь, А. Д. Бальфур позднее признавался, что принятие декларации — «это лучшее, что я сделал в своей жизни». В данном случае важным является то, что большинство тогдашних руководителей Великобритании были людьми верующими, преимущественно протестантами, воспитанными на Ветхом Завете. Многие из них были убеждены в том, что еврейский народ, судьбу которого они решали в тот момент, — суть потомки древних евреев и имеют все права на возвращение на родину своих предков.

К этому моменту в целом изменилось настроение и на «еврейской улице» Лондона. Осенью 1916 г. огромные потери на фронте привели к тому, что правительству пришлось отказаться от принципа добровольной службы в армии и ввести воинскую повинность. Это привело к тому, что еврейская молодежь Ист-Энда вполне логично решила, что уж если служить, так в «своем» еврейском полку. Несколько позднее, уже после Февральской революции, Временное правительство России вдруг озабочилось проблемой призыва на военную службу эмигрантов, в немалом количестве скопившихся в разных странах воюющей Европы. Все эти обстоятельства привели к тому, что дело формирования Еврейского легиона встало на прочную почву. На вербовочный пункт Легиона под воздействием агитации, начали приходить добровольцы, в том числе

²⁰ Patterson J. H. With the Judeans in the Palestine campaign, P. 4 Гм. также гл. I, с. 34.

и с трудом добравшиеся из Египта бойцы бывшего «Отряда погонщиков мулов». Вскоре в казарме собралась довольно пестрая компания. Как вспоминал также вступивший в батальон Жаботинский, «тут были и грузинские евреи с именами, кончавшимися на “шили”, и плотные хлопцы с Молдаванки и Подола, и футболисты из яффской гимназии, и приволжские геры»²¹. 38-й батальон королевских стрелков был первым из постепенно создаваемых батальонов, которым суждено было объединиться уже в Эрец-Исраэль²².

2 февраля 1918 г. на улицах Лондона состоялось настоящее театральное и в то же время трогательное действие: Еврейский легион перед отправкой на фронт промаршировал по Ист-Энду. Вот как описал это событие такой скептик и даже циник, как В. Жаботинский: «Бело-голубые флаги висели над каждой лавочкой; женщины плакали на улицах от радости; старые бородачи кивали сивыми бородами и бормотали молитву “благословен давший дожить нам до сего дня”; Паттерсон ехал верхом, улыбаясь и раскланиваясь, с розою в руке, которую бросила ему барышня с балкона, а он подхватил на лету; а солдаты, те самые портные, плечо к плечу, штыки в параллельном наклоне, как на чертеже, гордые, пьяные от гимнов и массового крика и от сознания мессианской роли, которой не было примера с тех пор, как Бар-Кохба в Бетаре бросился на острие своего меча, не зная, найдутся ли ему преемники...»²³.

В Каире и Александрии, куда это подразделение было вскоре переправлено, местное еврейское население также встретило батальон с восторгом. В то же время командование Египетским экспедиционным корпусом, мягко говоря, было не в восторге от появления в их составе еврейского подразделения. В Великобритании давно и прочно существовало противостояние между военной эли-

²¹ В создании этого подразделения некоторую помощь оказал и посол России в Лондоне К. Д. Набоков.

²² В общей сложности было сформировано три батальона: 38, 39 и 40-й. Первоначально они назывались Royal Fusiliers. Позднее, уже в конце палестинской кампании, военное министерство, согласно своему старому обещанию и к неудовольствию английского командования, объединило их под единым названием — *Judean Regiment*. 38-й батальон состоял из солдат и офицеров, рекрутированных в Англии, и ими командовал Дж. Г. Паттерсон; 39-й батальон под командованием Э. Марголина состоял из добровольцев, прибывших из США и Канады; 40-й батальон формировался собственно из представителей ишува и действовал под командованием Ф. Сэмюэля. В его составе было немало недавних выходцев из России. Среди них и сын М. Бейлиса, «героя» знаменитого процесса по обвинению в ритуальном убийстве, который после оправдания, незадолго до начала войны, со всей семьей перебрался в Эрец-Исраэль.

²³ Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). 1985. С. 206–207.

той и политическим руководством страны. Разногласия включали в себя как проблемы военного планирования, так и политические проблемы. Палестинский вопрос также входил в перечень этих разногласий. С октября 1914 г. британский Верховный комиссар в Египте Г. Мак-Магон вел переговоры с шеилем (эмировом) Мекки и Хиджаза Хусейном и его сыном Фейсалом. Целью британцев была организация восстания против Турции ее арабского населения. В свою очередь, вожди арабских племен рассчитывали с помощью британцев создать свои собственные национальные государства. Посредником между британцами и арабскими вождями служил полковник Т. Э. Лоуренс (Лоуренс-Аравийский). Арабские племена снабжались оружием и деньгами. Партизанские действия арабов против турецких коммуникаций начались в 1915 г., а открытые военные действия с 1916 г. Исходя из этого, британское руководство в Египте гораздо больше надеялось на арабское национальное движение, чем на «какой-то еврейский батальон». Появление еврейской воинской части на театре военных действий могло, по их мнению, лишь осложнить отношения с арабами, рассматривавшими Палестину как часть южной Сирии.

Медленное и нерешительное ведение боевых действий на «палестинском фронте» обусловливалось главным образом тем, что Генеральный штаб во главе с генералом У. Робертсоном не желал отвлекать силы от основного — западного — театра военных действий. В этом его поддерживал и командующий Египетского экспедиционного корпуса генерал А. Мюррей. Они считали, что на тот момент Великобритании достаточно лишь охранять свои интересы только в зоне Суэцкого канала. В свою очередь, новый премьер-министр Д. Ллойд Джордж был убежден, что перелома в войне можно добиться, решительно действуя против Турции. Тем самым он стремился вывести эту страну из войны и таким образом лишить Германию основного союзника.

В декабре 1916 г. глава военного кабинета Д. Ллойд Джордж, преодолевая сопротивление военного министерства, потребовал расширения наступления на Синайский полуостров и далее на Иерусалим. В марте 1917 г. английские войска, выполняя требования Лондона, предприняли наступление на Газу, но фактически потерпели поражение, что привело к смене командующего британскими вооруженными силами в этом регионе. В апреле правительство провело специальное заседание по «палестинскому вопросу». Ллойд Джордж вспоминал: «Мы ясно представляли себе все моральные и политические выгоды, которые может нам дать наступ-

ление на этом фронте и особенно занятие Иерусалима»²⁴. В июне 1917 г. английские войска возглавил генерал Э. Алленби. Решительная тактика Алленби привела к тому, что в ходе палестинской наступательной операции (сентябрь 1917 г.) британские дивизии прорвали фронт на линии Газа — Бер-Шева у западного подножия Иудейских гор. Не давая туркам закрепиться на новых оборонительных рубежах, Алленби продолжал наступать. Противник был полностью выбит из сектора Газы. Вскоре британские войска захватили также города Ашкелон и Яффа (Яффо) и начали наступление на Иерусалим. Войска генерала Алленби вошли в Иерусалим 9 декабря 1917 г. Ллойд Джордж писал, что «эта победа произвела очень сильное впечатление на наших американских союзников, а для великого международного братства, каким является еврейская раса, эта победа была залогом осуществления декларации Бальфура от 9 ноября 1917 г., в которой мы обещали содействовать созданию в Палестине национального убежища для еврейского народа»²⁵.

Следующее наступление войск под командованием Э. Алленби, т. н. сражение у Мегиддо, длилось с 19 по 21 сентября 1918 г. и завершилось полным разгромом турецкой армии. В итоге турецкое правительство было вынуждено выйти из войны. 30 октября 1918 г. Турция признала себя побежденной.

Еврейский батальон под командованием Паттерсона активно участвовал в наступлении британских войск. Судя по мемуарам Паттерсона, британское командование на протяжении всего периода боевых действий не отказывалось от своей, в целом недоброжелательной, политики в отношении еврейского подразделения. Его порой совершенно безосновательно «гоняли» с одной позиции на другую, задерживали снабжение продовольствием. Но главное — командование упорно старалось «не замечать» особого еврейского характера батальона, вплоть до запретов на отличительные знаки. В немалой степени генералов раздражало то, что Паттерсон постоянно подчеркивал особое положение своей части. Памятую о том, что Еврейский легион создавался под покровительством правительства, он неоднократно обращался, минуя непосредственное начальство, к своим политическим союзникам в Лондоне. Это не могло не выводить из себя высшую британскую администрацию в Палестине.

²⁴ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. М., 1935. Т. 4. С. 80.

²⁵ Там же. С. 86.

Как только англичане захватили Иерусалим — через месяц после оглашения Декларации Бальфура, — местные британские власти стали практически открыто демонстрировать свое недовольство «просионистскими» обязательствами Уайт-Холла²⁶. Они не скрывали своего желания завоевать симпатии местного арабского населения. Так, губернатор Иерусалима Р. Сторрс, призывая к проведению более сбалансированной политики, предупреждал Лондон о том, что «в противном случае мы вызовем у арабов вечную неприязнь к Британии»²⁷. Дело дошло до того, что генерал Э. Алленби отказался опубликовать Декларацию Бальфура на территории Эрец-Исраэль. И это притом, что лидеры арабского национального движения, используя появление в регионе нового «игрока» — Франции, все решительнее выдвигали свои требования. Жаботинский назвал подобную политику по умиротворению арабов со стороны Британии «извинением перед арабами за обмolvку мистера Бальфура». В итоге при явном попустительстве местной британской администрации в Иерусалиме в пасхальные дни 1920 г. произошел еврейский погром, в ходе которого было убито 211 евреев, главным образом представителей беззащитного старого ишува. Часть легионеров под руководством Жаботинского, видя полное равнодушие (если не злорадство) со стороны властей, выступили на защиту мирного еврейского населения. В ходе отражения атаки погромщиков был убит 21 араб. Паттерсона в этот момент уже не было в стране, и Жаботинский, как лидер еврейского отряда, был арестован и приговорен к длительному сроку заключения. Узнав об этом, Паттерсон начал увенчавшуюся вскоре успехом кампанию по освобождению своего подчиненного. В марте 1920 г. Еврейский легион был расформирован. Значительная часть его солдат и офицеров осталась в Эрец-Исраэль²⁸.

²⁶ В данном случае они, в отличии от части тогдашних руководителей внешней политики страны, оказались более стойкими последователями известного британского принципа, некогда изложенного еще лордом Пальмерстоном в середине XIX в.: «У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг следовать им» (цит. по: Виноградов В. Н. Лорд Пальмерстон в европейской дипломатии // Новая и новейшая история. 2006. № 5. С. 90).

²⁷ Это не помешало тому же Сторрсу в своих мемуарах уже в 1930-е гг. написать: «Мы верили (и надеюсь, что верим и сейчас), что не было в мире стремления более благородного и идеалистического, чем возвращение евреев на землю, увековеченную духом Израиля» (Storrs R. Orientations. London, 1937. P. 355).

²⁸ Среди них будущие известные политические и государственные деятели Израиля, выходцы из Российской империи Д. Бен-Гурион, И. Бен-Цви, Б. Кацнельсон, Л. Эш科尔.

Многие из них вступили в «Хагану»²⁹ — отряды еврейской самообороны. В основном это были выходцы из ишува. Другие разъехались по разным странам³⁰.

Позднее, анализируя политику местной британской военной и гражданской администрации, Жаботинский писал: «Иерусалимский погром был, в значительной мере, неизбежным последствием всей политики главного штаба. До погрома политика эта ярче всего проявлялась в отношении властей к еврейскому легиону; но это — деталь. Просто оказался под рукою проект, который легче было толкать и дразнить, чем гражданское население. Но пинки, сыпавшиеся на легион, предназначались не ему, а всей еврейской Палестине и больше того — сионизму...

Я уже говорил, что ни Алленби, ни даже Больса (в его управление произошел погром) я бы не назвал антисемитами... Нетрудно себе представить раздражение этого военного кружка — касты над кастами, когда в самый разгар войны им вдруг заявили: извольте насаждать сионизм; мы посылаем вам еврейские батальоны; посылаем сионистскую комиссию. Ставка возмутилась. Как можно сделать такой шаг, не спросясь у нас? И как можно осложнить нашу военную задачу «политикой», да еще такою политикой, которая очень не по вкусу арабам... Англия вот уже 40 лет хозяйствует в Египте, имеет интересы в Месопотамии, владеет несколькими точками на всех побережьях Аравийского полуострова; выработался огромный опыт, как управлять арабами...

Для этой школы Декларация Бальфура была ударом ножа в самое сердце — или в спину...»³¹

Для Паттерсона подобная политика, направленная против его детища — Еврейского легиона, была неприемлема вдвойне. Во-первых, он считал это выражением вопиющей несправедливости по отношению к его солдатам и офицерам, а, во-вторых, будучи человеком имперских взглядов, Паттерсон рассматривал территорию Палестины как важнейший стратегический пункт для распространения британского влияния на весь Ближний Восток. В этой ситуации евреи, имевшие естественное историческое право на

²⁹ «Хагана» (ивр. — оборона, защита) — еврейская военная подпольная организация в Палестине, существовала с 1920 по 1948 г. во время британского мандата в Палестине.

³⁰ В 1932 году бывшие солдаты Еврейского легиона из США, Канады и Аргентины основали недалеко от Нетании сельскохозяйственное поселение (мошав) Авихайил, где в 1961 г. был создан Музей Легиона.

³¹ Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). С. 278–280.

Эрец-Исраэль, должны были стать опорой для продвижения британских интересов. Он писал: «Евреи — единственный народ, отвечающий этим условиям. Они всегда считали Палестину своим исконным достоянием, и хотя две тысячи лет назад их безжалостно изгнали с этой земли, все страшные годы изгнания они лелеяли надежду когда-нибудь вернуться в Землю Обетованную. Они всегда испытывали к нам дружеские чувства, и если сейчас Англия обойдется с народом Израиля по справедливости, чувства эти умножатся многократно. Некоторое время евреи не смогут существовать в Палестине самостоятельно, соответственно, цель их и задача будет состоять в том, чтобы с открытой душой сотрудничать с державой, которая не только вернула им землю их предков, но которая сильной рукой защищает их от посягательств и агрессии соседей. Я убежден — они пойдут в будущее рука об руку с Англией. Интересы британцев и евреев столь схожи и так тесно переплетены, что их можно сравнить с рукой и перчаткой. Короче говоря, когда дружественное нам еврейское государство сделается свершившимся фактом, жизненно важные интересы Британской империи в этой части мира станут неколебимы»³².

Паттерсону были чужды сомнения в праве евреев на возрождение собственной государственности на своей исторической родине. Своих бойцов и командиров он считал передовым отрядом потомков воинов древнего Израиля. Даже в самом названии настоящей книги заложено понимание автором сути происходившего в глобальном, историческо-миссианском смысле — ведь он употребляет по отношению к своим братьям по оружию термин «Иудеи».

Вступив на землю Израиля и затем путешествуя по ней сразу же по окончании военных действий, Паттерсон демонстрирует редкое для военных историческое чутье и знания. Складывается впечатление, что он пользовался не штабными картами, а картой Ветхого Завета. Все, что происходило на этой земле тысячи лет тому назад, он переживал как события вчерашнего дня. Военные действия, в которых он принимал участие, происходили точно там же, где сражались библейские герои, и как «музыка» звучат для него названия: Галилея, Меггидо, Газа, Иерихон, Цур-Орив...

Мемуары Паттерсона написаны по горячим следам, тотчас по окончании войны. Их отличает предельная искренность, подчас граничащая с наивностью. Между тем в них скрупулезно рассказывается о боевых действиях на палестинском фронте, о жизни сол-

³² Patterson J. H. With the Judeans in the Palestine campaign. P. 265–266.

дат и офицеров и о сложных политических интригах, сопровождавших всю историю Ерейского легиона.

Джон Генри Паттерсон вышел в отставку в 1920 г. все в том же звании подполковника. До конца жизни он был связан с мировым сионистским движением. В 1930-е годы он переехал в США. Во время Второй мировой войны агитировал за создание еврейских воинских подразделений. Паттерсон всю оставшуюся жизнь поддерживал дружеские отношения со многими деятелями сионистского движения. Среди них был и секретарь В. (З.) Жаботинского историк Бенцион Нетаньягу. Первого своего сына Нетаньягу назвал в честь Паттерсона — Йонатан. Пройдут годы, и Йонатан Нетаньягу станет героем Израиля и погибнет, командуя отрядом израильского спецназа при проведении знаменитой операции Энтебе в Уганде, в ходе которой были спасены израильтяне, захваченные арабскими террористами³³.

Создание Ерейского легиона в составе британских войск — яркая страница в истории Первой мировой войны. Конечно, в военном смысле это подразделение, численность которого даже в лучшие времена достигала всего лишь 5 000 бойцов, не имело особого значения. Но оно оставил свой след в истории Эрец-Исраэль и всего региона, а главное — продемонстрировало политические и дипломатические усилия Великобритании по достижению своих целей в этой войне.

Сионист и христианин, Джон Генри Паттерсон ушел из жизни 18 июня 1947 г., и его прах захоронен в Калифорнии, в Лос-Анджелесе, на кладбище *Angelus Rosedale*.

БЛАГОДАРНОСТИ

В работе над составлением комментариев к мемуарам Дж. Г. Паттерсона неоценимую помощь мне оказали друзья и коллеги: П. Вахтина, А. Иванов, А. Массов, О. Новикова, А. Соколова, В. Федченко (Россия); А. Мак-Миллан, С. Мак-Миллан (Великобритания); А. Бадо, Б. Бар-Закай, М. Гончарок, В. Каплан, В. Хазан, Н. Ширбан (Израиль); М. Воробьева-Сорока (Канада), М. Глантс, Б. Натанс, Б. Хоровец, Г. Эстрайх (США). Всем им я приношу свою искреннюю благодарность.

В. Кельнер

³³ Второй сын Бенциона Нетаньягу Биньямин — политический и государственный деятель, в настоящее время премьер-министр Израиля. Интересно также, что значительная часть высшего командования Армии Обороны Израиля в 1940–1970-е гг. — сыновья бойцов Ерейского легиона: генералы И. Ядин, И. Рабин, М. Гур, Р. Эйтан и др.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО ЛЕГИОНА (Сост. В. Кельнер)

Источники

Вейцман Х. В поисках пути. Т. 1–2. Тель-Авив, 1990.

Жаботинский В. (3.). Слово о Полку: История Еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора / Повесть моих дней. Тель-Авив, 1985. (Последнее переиздание этой книги см.: *Жаботинский В.* Слово о Полку: История Еврейского легиона по воспоминаниям его инициатора / Вступ. ст. и коммент. А. Локшина. М., 2013.)

Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: В 6 т. М., 1935.

Arnold E. London Men in Palestine. London, 1919.

Beit Hagdudim Museum — Jewish Volunteers to the British Armed Forces during World Wars I and II. Beit Hagdudim Museum. Archive.

Ben-Zvi I. The Hebrew Battalions. Letters of Izhak Ben-Zvi. London, 1969.

British Jewry Book of Honor / Ed. by M. Adler. London, 1922.

Cyril F.; MacMunn G. Military Operations Egypt and Palestine from the outbreak of war with Germany to June 1917 // Official History of the Great War Based on Official Documents by Direction of the Historical Section of the Committee of Imperial Defence. London, 1930. Т. 1–2.

Gilner. War and Hope: A History of the Jewish Legion. New York, 1969.

Rothschild M. L. Dear Lord Rothschild. Hutchinson, 1983.

Samuel H. Unholy memories of the Holy Land. London, 1930.

The Letters and Papers of Chaim Weizmann: August 1898–1931. London, 1934.

We are Coming, Unafraid: The Jewish Legions and the Promised Land in First World War / ed. by M. Keren and Sh. Keren. New York; Toronto, 2012.

Исследования

Kaufman III. Одинокий Волк: Жизнь Жаботинского: В 2 т. Тель-Авив, 2000.

Bleifeld M. The historic march of the Jewish Legion // American Zionist. 1978. N 68(6).

Bloom C. Colonel Patterson: soldier and Zionist // Jewish Historical Studies: Trans. of the Jewish Hist. Soc. of England. 1990. N 31.

Brian D. The Seven Lives of Colonel Patterson: How an Irish lion hunter led the Jewish Legion to victory. New York, 2008.

Freulich R. Soldiers in Judea: Stories and Vignettes of the Jewish Legion. New York, 1964.

Gilner E. War and Hope: a History of the Jewish Legion. New York, 1969.

Gouttmann R. An Anzac Zionist Hero: The Life of Lt.-Colonel Eliazer Margolin. Melburn, 2006.

- Judd D.* Balfour and the British Empire. London; New York, 1968.
- Kedourie E.* England and the Middle East: The Distruption of the Ottoman Empire, 1914–1921. London, 1987.
- Keren Sh., Keren M.* The Jewish Legions in the First World War as a Locus of Identity Formation // *Journal of Modern Jewish Studies*. 2007. Vol. 6(1), March.
- Levene M.* War, Jews and the New Europe: The Diplomacy of Lucien Wolf, 1914–1919. Oxford, 1992.
- Pollins H.* The Jewish Legion and the First World War // *Jewish Journal of Sociology*. 2005. Vol. 47, N 1–2.
- Schechtman J. B.* The Life and Times of Vladimir Jabotinsky. Tel-Aviv, 1986. Vol. 1–2.
- Shukman H.* War or Revolution: Russian Jews and conscription in Britain, 1917. London, 2006.
- Sillitoe A.* Patterson the Zionist // *Jewish Quarterly*. 1980. Vol. 28 (4), N 105.
- Streeter P.* Mad for Zion: A Biography of Colonel J. H. Patterson. Harlow, 2004.
- Watts M.* The Jewish Legion and the First World War. London, 2004.
- Young K. A. J.* Balfour. London, 1963.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Создание еврейского батальона в составе Британской армии — событие, которое не имело прецедентов в наших анналах, и сыгранная этим подразделением роль, вне всякого сомнения, обеспечила ему особое место в истории, прежде всего благодаря тому факту, что батальон этот сражался в Палестине не только за интересы англичан, но и за то, чтобы вернуть еврейскому народу Землю Обетованную. Цель этого очерка — достоверно изложить историю еврейского батальона за тот период, когда он находился под моим командованием.

Я признателен сестре милосердия Кук, капитану Холдену Дэвису, достопочтенному Л. Х. Фальку, а также господину Бендову¹ из Иерусалима за позволение воспроизвести в этой книге в виде иллюстраций сделанные ими фотографии.

*Дж. Г. Паттерсон
Лондон, 1922*

ВВЕДЕНИЕ

В самые тяжелые дни великой Мировой войны Британский кабинет счел целесообразным создать еврейское воинское формирование; в результате в августе 1917 г. был сформирован первый еврейский батальон. С этого дня долг и лояльность перед королем и родиной вменяли всем лицам, облеченным властью, относиться к этому новому формированию по справедливости и всячески содействовать его успехам.

К прискорбию, отношение к еврейскому батальону, этому дивному детищу Израиля, в то время, когда он находился на активной военной службе в Святой Земле, никак нельзя назвать «честной игрой». Как и подавляющее большинство моих соотечественников, я обладаю сильно развитым чувством «честной игры». Мне свойственно вставать на сторону того, кто проигрывает, — особенно когда я вижу, что беднягу пинают куда сильнее, чем ему по-хорошему причитается. Увы, в Палестине мне постоянно приходилось отражать эти самые незаслуженные пинки, которыми пытались наградить вверенный мне еврейский батальон некоторые тамошние чиновники из Египетского экспедиционного корпуса (ЕЭК)². По большей части я терпел выпадавшие на нашу долю страдания молча, и в этой книге вы не найдете рассказа о них, однако, боюсь, они оставили несмыываемое клеймо в мыслях и в душе каждого, кто служил под моим началом в Ерейском батальоне, и, как это ни прискорбно, отзвуки зла, причиненного местной военной администрацией, еще долгие годы будут слышны по всей Палестине.

Прежде чем приступить к рассказу, хочу прояснить раз и навсегда, что сам я нееврей — собственно, когда разразилась Великая война, я почти ничего не знал об этом древнем народе, за исключением разве что того, что читал в Библии и в других еврейских книгах. Впервые мне пришлось соприкоснуться с евреями во время Галлиполийской операции, куда меня отправили командовать отрядом, сформированным из сионистов, бежавших из Палестины в начале войны и поступивших в британскую армию³. Видимо, именно потому, что у меня имелся подобный опыт, меня и назначили командовать первым еврейским пехотным подразделением, созданным в рамках действующей британской армии. Боевой путь этого уни-

кального в своем роде батальона наверняка будет во всех подробностях отслежен всеми евреями, и я не удивлюсь, если в будущем кто-то из историков сочтет это невероятное явление — бойца-еврея, сражающегося за избавление Израиля под английскими знаменами, — одним из самых интересных эпизодов великой Мировой войны.

К нашему несчастью, сотрудники ЕЭК, за редкими достойными исключениями, были «смутителями Израиля». Вместо того чтобы протянуть молодому подразделению руку помощи, они, напротив, чинили ему всевозможные препятствия. Во дни наших злоключений в Святой Земле мысли мои часто возвращались к Дарданеллам, меня согревало и обнадеживало воспоминание о том, сколь разительно отличалось отношение наших официальных лиц к израильским бойцам в Галлиполи. Сэр Йен Гамильтон⁴ был достаточно прозорлив, чтобы понимать, сколь мощную силу получит в свое распоряжение Англия, если станет обращаться с израильтянами по справедливости. В Средиземноморском экспедиционном корпусе отношение к ним было истинно британским. Увы, я не могу сказать того же о сотрудниках Египетского экспедиционного корпуса образца 1918–1919 гг.

С большим удовлетворением отмечаю, что пока батальон дислоцировался в Англии, отношение к нему было справедливым и порядочным. В Плимуте тамошние чиновники всегда готовы были протянуть нам руку помощи, и в Египет мы отбыли с благословлением Военного кабинета и лично генерал-адъютанта сэра Невилла Макреди⁵, который перед отплытием сказал мне, что поставил себе цель сформировать еврейскую бригаду и собирается написать главнокомандующему ЕЭК и порекомендовать ему предпринять соответствующие действия, как только численность нашего личного состава станет достаточной для подобного шага.

То, что меня поставили командовать еврейским отрядом, стало для меня знаком большого доверия со стороны генерал-адъютанта. Работа эта в корне отличалась от командования ирландским батальоном; при этом у ирландцев и евреев много общего — темперамент, душевная щедрость, любовь к детям, привязанность к родителям, готовность помочь тем, от кого отвернулась удача, и, что необходимо отметить отдельно, большое личное мужество. Полагаю, читатели и без меня знают, что все эти качества присущи ирландцам, однако то, что они же свойственны и евреям, может стать для многих откровением. Самоотверженные боевые подвиги таких героев, как Иуда Маккавей⁶, Бар-Кохба⁷ и многих других, навеки остались в истории человечества.

Принимая командование над иудеями, я испытывал лишь одно опасение — что я не смогу в полной мере оценить их. Мне представлялось, что если удастся подыскать подходящего офицера-еврея, ему будет больше по чину вести воинов Израиля в борьбе за возвращение Палестины. Однако, хотя я публично заявил, что буду рад видеть командиром Еврейского батальона офицера-еврея, такого не нашлось, поэтому вся тяжесть ответственности перед еврейским народом легла на мои плечи. Приняв командование, я сразу же решил для себя, что сделаю все, что только в человеческих силах, чтобы Еврейский батальон с честью прошел все предстоящие ему испытания.

Большим несчастьем для нового формирования — и еще большим для всего еврейского населения Палестины — стало обстоятельство, которое будет очевидно из дальнейшего повествования. Отношение местных чиновников в корне расходилось с тем, что было официально заявлено нашим правительством и представлено всему миру в форме знаменитой Декларации Бальфура⁸: Палестина вновь должна стать национальным очагом для еврейского народа. Несмотря на то что Британия выступила с подобным заявлением, некоторые официальные лица в Святой Земле вели себя так, будто эта эпохальная декларация была всего лишь никчемной бумажонкой. Глядя на тщетные усилия этих людей и вспоминая Обещание, данное народу Израиля, я припоминал слова великого Рабби Гамалиила⁹: «Если это предприятие и это дело — от людей, то оно разрушится, а если от Бога, то вы не можете разрушить его».

Антиеврейская политика местных властей в итоге привела к иерусалимскому погрому¹⁰, описанному в заключительной главе этой книги. В стенах Священного города, где у власти находились англичане, почти трое суток бушевало восстание жаждущих крови туземцев — и никто этому не мешал. Это возмутительное событие в конце концов открыло официальным лицам, находившимся в Британии, глаза на то, что происходит в Палестине, и в итоге британская военная администрация была упразднена. Место военного коменданта занял компетентный гражданский правитель, сэр Герберт Сэмюэль¹¹, дабы излить вино и елей на раны несчастных жителей-евреев и далее проводить английскую политику в том виде, в каком она была заявлена в Декларации Бальфура.

ГЛАВА I

ДЕКЛАРАЦИЯ БАЛЬФУРА

В начале 1917 г. положение союзных держав выглядело особенно мрачным и угрожающим. Англия, один из основных игроков в великой борьбе, подвергалась смертельной опасности, ибо примерно на это время пришелся пик смертоносной атаки субмарин¹² и наши потери на море были колоссальны. Центральные державы с устрашающей стремительностью сломили и оккупировали Бельгию, Сербию и Румынию, большая часть французской территории также была в руках захватчиков. С Италией сложилась патовая ситуация, а Россию, этого колосса на глиняных ногах, сотрясала революция, так что для союзников она была потеряна. Турция, так называемый больной Европы, вдруг не только оказалась в состоянии «сидеть в постели и принимать пищу», но и набралась сил, чтобы нанести своему врачу несколько чувствительных ударов — мы испытали это на собственной шкуре в битве при Галлиполи¹³, да и в других местах на Ближнем Востоке. В апреле 1917 г. Великая Западная Республика¹⁴ тоже вступила в борьбу; но до того, как мы сполна ощутили весомость ее усилий — да, собственно, и вообще хоть в какой-то степени ощутили ее присутствие на европейских полях сражений, — прошло много тревожных месяцев.

В сложившейся обстановке перед нами стояла неотложная задача: изучить весь мир и поставить себе на службу все мыслимые идеи и силы, которые в состоянии помочь нашему правому делу. И вот нашим политикам пришла в голову светлая мысль перетянуть на сторону союзников многочисленных детей Израиля, раскиданных по всему свету. Идея о том, чтобы вернуть их в земли их предков, давно уже занимала все человечество, и вот наши государственные деятели поняли, что пришло время осуществить эти давно назревшие планы.

Разумеется, лидерам сионистов было известно, что британское правительство рассматривает возможность публично высказаться в защиту еврейского народа, и многие вожди сионизма, такие как доктор Вейцман¹⁵, господин Соколов¹⁶, господин Жаботинский¹⁷ и господин Джозеф Коэн¹⁸, воспользовались этой ситуацией, чтобы еще раз напомнить, сколь важно привлечь мировое еврейство на

сторону Англии, — а сделать это возможно, напрямую поставив вопрос о еврейской Палестине. Многие понимали, что самый подходящий и самый праведный способ оказать помощь Англии — создать Еврейский легион, который примет участие в отвоевании Палестины. Духовным лидером этого движения стал Владимир Жаботинский, выдающийся оратор, писатель и журналист.

С самого начала Войны этот замечательный человек, еврей из России, вел активную пропагандистскую кампанию в интересах Англии. Он на собственные средства основал в Копенгагене газету и распространял ее среди евреев в России, Польше, нейтральных странах и в Америке¹⁹. Его пропаганда имела большое значение для союзников, поскольку евреи, естественно, ненавидели Россию — ведь там они подвергались гонениям²⁰; и только после того, как Жаботинский начал свою деятельность, они осознали, что подлинные их интересы все же связаны с союзниками.

Дабы подать другим хороший пример, Жаботинский вступил рядовым в двадцатый батальон Лондонского полка и собрал там взвод, состоявший в основном из тех, кто служил во время Галлиполийской операции в еврейском Корпусе погонщиков мулов. Служа в столь скромном чине, Жаботинский непрерывно бомбардировал письмами нашего премьер-министра, а также военного министра и министра иностранных дел; он рассыпал эмиссаров в Америку — как в Северную, так и в Южную, в Россию, Польшу, на Кавказ и так далее. И когда в июле 1917 г. правительство заявило о своем решении создать еврейский батальон, у Жаботинского все было готово для формирования целого легиона с личным составом не менее пятидесяти тысяч²¹.

Приведенные выше факты — лишь один из примеров того, как этот доблестный офицер оказывал содействие Англии, и я попрошу читателя взять этот пример на заметку, потому что на протяжении всего повествования мне придется, выполняя нелегкий долг, поведать, какую награду получил Жаботинский за бесценные услуги, оказанные Британии.

Политика правительства в отношении мирового еврейства была горячо и деятельно поддержана сионистами, и в результате в августе 1917 г. был сформирован еврейский батальон, а вскоре после этого была составлена знаменитая Декларация Бальфура, провозглашавшая необходимость создания в Палестине национального очага для еврейского народа. Это смелое и мудрое заявление британских политиков имело огромные, далеко идущие последствия и было воспринято евреями по всему миру как их собственная

Магна Карта²². Декларация имела форму следующего послания к лорду Ротшильду²³:

Министерство иностранных дел

2 ноября 1917 г.

Уважаемый лорд Ротшильд,

Имею честь передать Вам от имени правительства Его Величества следующую декларацию, в которой выражается сочувствие сионистским устремлениям евреев, представленную на рассмотрение кабинета министров и им одобренную:

«Правительство Его Величества с одобрением рассматривает вопрос о создании в Палестине национального очага для еврейского народа и приложит все усилия для содействия достижению этой цели; при этом ясно подразумевается, что не должно производиться никаких действий, которые могли бы нарушить гражданские и религиозные права существующих нееврейских общин в Палестине или же права и политический статус, которыми пользуются евреи в любой другой стране».

Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы довели эту Декларацию до сведения Сионистской федерации.

Искренне Ваш,

Артур Джеймс Бальфур²⁴.

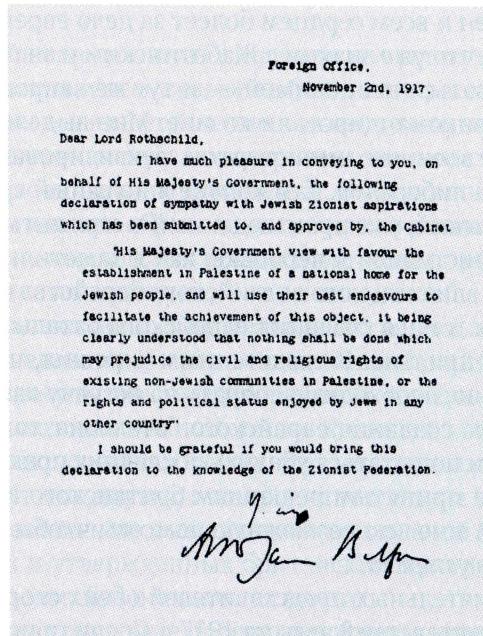
Возможно, то было важнейшее из всех заявлений, сделанных по ходу войны. Особая значимость Декларации заключалась в том, что она пришлась как раз на тот момент, когда были предприняты первые реальные шаги к освобождению Палестины от турецкого ига. Практически вся без исключения британская пресса приняла ее с большим одобрением.

Набожные евреи усматривали в Декларации чуть ли не Глас Божий — ведь их давние сокровенные чаяния наконец-то оказались близки к осуществлению. Уже многие века, со времен Рассеяния²⁵, каждый еврей мечтал о том дне, когда ему вернут его древнее отчество. На протяжении многих веков эти несчастные изгнанники повторяли снова и снова: «В будущем году — в Иерусалиме»²⁶.

Христиане также всегда верили в исполнение этого пророчества, и восстановление справедливости по отношению к еврейскому народу вызывало и у них живейший отклик, так что можно себе представить, с какой радостью и благодарностью широкие еврейские массы смотрели на данное Англией обещание — ведь оно открывало путь к воплощению самой заветной их мечты. Подобного не случалось со времен царя Кира²⁷. Не будет преувеличением ска-

зать, что эта эпохальная Декларация подняла дух евреев по всему миру. Возможно, мистер Бальфур и не увидит при жизни всех плодов своего эпохального заявления, однако пророчество его, безусловно, воплотится в жизнь и имя его навеки войдет в анналы израильского народа, заняв место сразу же за царем Киром.

Пророчество Иеремии о возрождении народа Израиля обрело в наши дни особую значимость: «Слушайте слово Господне, народы, и возвестите островам отдаленным, и скажите: «Кто рассеял Израиля, Тот и соберет его и будет охранять его, как пастырь стадо свое»²⁸.

Копия оригинала письма
А. Дж. Бальфура лорду Л. Ротшильду.

ГЛАВА II

САНАВАЛЛАТЫ²⁹

Двадцать седьмого июля 1917 г. я находился в Куррахе³⁰, где командовал батальоном королевских дублинских стрелков. Я получил телеграмму с приказом прибыть в военное министерство и приступить к организации еврейского легиона и тут же отправился в Лондон. Давая мне указания, начальник организационного отдела генерал-майор Э. Р. Хатчинсон³¹ в числе прочего сказал, что мне, возможно, очень пригодится некий сержант Жаботинский — он крайне деятелен и всем сердцем болеет за дело еврейского батальона. Я ответил, что уже знаком с Жаботинским и знаю, что помочь его может оказаться неоценимой, — и тут же запросил, чтобы его немедленно прикомандировали ко мне. Мне выделили комнату в боковом крыле военного министерства, реквизированную у Национального клуба либералов. Там ко мне венный срок присоединился Жаботинский, уже произведенный в сержанты.

Мы едва приступили к вербовке, как я заметил, что в определенных кругах влиятельного английского еврейства чаяния сионистов, равно как и идея создания еврейского батальона, вызывают сильнейшее неприятие. В связи с этим я решил, что, дабы прояснить ситуацию, необходимо собрать на встречу как тех, кто поддерживает идею создания еврейского батальона, так и противников этой идеи, и попытаться убедить последних прекратить противодействие уже принятым решениям британского правительства, а также оказать мне всю возможную помощь, чтобы наше начинание увенчалось успехом.

Встреча влиятельных представителей обеих сторон состоялась в военном министерстве 8 августа 1917 г. Среди присутствовавших были: лорд Ротшильд, майор Лайонел де Ротшильд, майор Нил Примроуз³², член парламента капитан Ормсби-Гор³³, мистер Сибаг-Монтефиори³⁴, доктор Вейцман, мистер Джозеф Коэн, доктор Эдер³⁵, капитан Саламан из Королевского армейского медицинского корпуса³⁶, мистер М. Д. Ланда³⁷, мистер Гринберг³⁸, преподобный С. Липсон³⁹ (старший еврейский капеллан Британских Вооруженных сил) и сержант Жаботинский — всего человек двадцать. Присутствовали также полковник сэр Марк Сайкс⁴⁰ (я по сей день скор-

блю о его безвременной кончине) и подполковник Л. Ч. М. Эмери⁴¹ — тогдашние секретари военного министерства; оба были преданными друзьями нашего движения. Я обратился к собравшимся с краткой речью, объяснив, что собрал их с целью попросить совета и помощи в деле формирования еврейского батальона.

Я, разумеется, сознавал, что мнения евреев по этому вопросу расходятся, однако никак не ждал столкнуться со столь откровенными неприятием и враждебностью. Я не мог взять в толк, почему евреи не понимают, что эта возможность послана им самим небом, почему не делают всего от них зависящего, дабы поддержать усилия британского правительства по защите дела еврейского народа. Вообразите себе мое удивление, когда многие из числа оппозиционно настроенных евреев во всеуслышанье заклеймили создание еврейского батальона и столь же громогласно прокляли чаяния сионистов!

Доктор Вейцман дал этим санаваллатам решительный ответ с позиции сионизма и тем самым выбил почву у них из-под ног, а Жаботинский в своем выступлении в защиту дела, за которое болел всей душой, поднял дискуссию на уровень, не сопоставимый с тем, на котором находились его оппоненты. Выступило еще несколько человек, потом я вновь обратился к собранию и сказал: с моей точки зрения, очень хорошо, что правительство не поручило создание еврейского батальона общине, — как я вижу, они бы никогда не договорились. Однако поскольку правительство уже пришло к определенному решению и намерено создать еврейский легион, я очень прошу их отбросить все противоречия и помочь мне добиться успеха в деле, которое так или иначе коснется каждого еврея во всем мире. В заключение я сказал, что мне хотелось бы знать наверняка, кто тут мои друзья, и попросил тех, кто не намерен содействовать осуществлению вышеизложенных планов (кстати, планов предложенных и утвержденных британским правительством), покинуть помещение. Все остались на местах.

Пока я держал речь, мне передали по рукам записку. Вскрыв ее, я прочел: «Не поужинаете ли со мной сегодня? Я хотел бы вступить в Ваш Батальон. Н. П.». До сих пор жалею, что нацарапал на ней: «Простите, я занят», — я не знал, к каким серьезным последствиям приведет мой ответ, ибо убежден: жизнь Нила Примроуза не обрвалась бы в самом расцвете, если бы я поужинал с ним в тот вечер и «рекрутировал» его в еврейский батальон; но больше мне не довелось увидеться с этим бравым офицером. Вскоре он уехал в Палестину и там погиб, ведя своих бойцов в атаку.

Вернувшись к той встрече. Убедившись, что никто из наших оппонентов не готов открыто объявить свое несогласие с политикой правительства Его Величества, я сказал, что поскольку создание различных комитетов в поддержку батальона — прямая задача еврейской общины, я намерен временно удалиться, передав председательские полномочия лорду Ротшильду. Через полчаса после этого меня вызвали к сэру Окленду Геддесу⁴² — тогда бригадному генералу. Судя по всему, генерал пребывал в сильнейшем раздражении. Как выяснилось, сразу после того, как я покинул собрание, двое его участников отправились прямо к сэру Окленду и начали яростно нападать на меня за то, что я, по их словам, провел в военном министерстве собрание сионистов. Я заверил его, что не имел намерений проводить собрание сионистов, а лишь собрал ряд влиятельных евреев и других лиц с целью убедить их оказать мне помощь в осуществлении решений военного министерства. После этого я сказал, что если какие-то связанные с сионизмом вопросы и были затронуты, то лишь по инициативе тех самых двух участников. Генерал разразился тирадой о югославах и чехо- słowаках, а также о вредоносности сионизма — честно говоря, я эту тираду слушал вполуха.

Как еврей может быть противником сионизма — это недоступно моему пониманию, ибо идеи сионизма никак не ущемляют права и привилегии тех евреев, что счастливо живут в дружелюбных странах. Однако они направлены на то, чтобы создать национальный очаг для тех менее удачливых представителей еврейства, которые, вопреки собственному желанию, вынуждены жить в изгнании и которые никогда не оставляли чаяний вернуться в землю, обещанную их предку Аврааму и потомству его во веки вечные. Однако далее я вынужден буду показать, что как две с половиной тысячи лет назад существовали санаваллаты⁴³, противившиеся восстановлению Иерусалимской стены во дни царя Артаксеркса, так и теперь существуют их потомки, которые всеми силами противятся ее восстановлению во дни короля Георга⁴⁴.

ГЛАВА III

ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОГО БАТАЛЬОНА

23 августа 1917 г. о формировании «Еврейского батальона» было официально объявлено в лондонской *Gazett*, а командующим этим подразделением был назначен я. Тогда же власти официально дали нам понять, что батальон получит особое еврейское наименование и кокарду.

Прослышиав об этом решении, санаваллаты без промедления взялись за дело. Они деятельно совещались, рассылали во все стороны письма всем тем лицам, которые могли оказать им содействие. В результате 30 августа 1917 г. к лорду Дерби⁴⁵, тогда занимавшему пост военного министра, явилась депутация — выразить протест против предложенных названия и кокарды еврейского батальона, да, собственно, и вообще против создания еврейского батальона как такового⁴⁶.

Один из членов этой депутации дошел до того, что заявил лорду Дерби, будто сам лорд Ротшильд, глава влиятельного еврейского семейства, к которому, как к виднейшему представителю еврейства, мистер Бальфур впоследствии обратился со своей знаменитой Декларацией, также возражает против создания еврейского батальона. Лорд Ротшильд впоследствии заверил меня, что это не соответствовало истине: как только создание еврейского батальона было официально одобрено британским правительством, он, как еврей-патриот, счел своим долгом поддержать это начинание и сделать все от него зависящее, чтобы оно увенчалось успехом. Мы многим обязаны лорду Ротшильду за его неутомимые усилия по обеспечению жизненных нужд еврейских батальонов с первого же дня их формирования.

Итогом визита этой депутации стало то, что название «Еврейский батальон» было отвергнуто и кокарда батальону была присвоена нееврейская. Все еврейские батальоны должны были отныне именоваться королевскими стрелками. Впрочем, наши достойные друзья могли бы и не трудиться и уж тем более не отрывать от дел военное министерство, потому что с самого момента своего формирования батальоны пусть и носили официальное название ко-

Владимир (Зеев) Жаботинский

Хаим Вейцман

Иосиф Трумпельдор

Элиазер Марголин

ролевских стрелков, но в повседневном обиходе все как один и совершенно повсеместно называли их исключительно «еврейскими батальонами».

Лорд Дерби совершил ошибку, решив, что эта горстка богатеев представляет все еврейское население. Никто еще не допускал столь серьезного просчета, поскольку, по своему опыту, могу сказать, что эти люди совершенно не отдают себе отчета в том, как мыслят и что чувствуют большинство евреев. Да, мой рассказ был бы совсем иным, если бы люди, подобные этим, приняли и одобрили британскую политику! Обладай они большей широтой взглядов, они сказали бы друг другу: «Нам не нравится эта политика. Она может отрицательно сказаться на нашем благосостоянии, но это политика Англии, а Англия в опасности, и, соответственно, мы должны объединить усилия и посодействовать ее успеху».

Даже если они опасались, что эти евреи из России и Польши не станут должным образом соблюдать еврейские традиции, они могли бы пойти к военному министру и поведать ему о своих страхах, сказать, что поскольку для блага мирового еврейства совершенно необходимо, чтобы этот эксперимент — создание еврейских батальонов — прошел удачно, они хотят заручиться личным содействием министра в этом вопросе. Они настоятельно просят, чтобы, по крайней мере, четверть личного состава каждого батальона состояла из английских евреев, которые уже послужили во Франции и, соответственно, смогут передать необходимый и крайне ценный опыт евреям-новобранцам. Этот опыт, а также надежный костяк евреев-англичан в каждом батальоне обеспечили бы одно: батальоны вписали бы героическую страницу в историю евреев!

Вместо этого на пути к успеху нам чинили всевозможные препятствия. Заинтересованные группировки шныряли по лондонскому Ист-Энду⁴⁷ и крупным провинциальным городам, убеждая молодых евреев не записываться в наши батальоны. Даже во Франции солдаты-евреи, служившие в разных подразделениях, слышали от местных евреев — которым вроде бы не к лицу были такие речи, — что им ни в коем случае не следует просить о переводе в еврейский батальон. В итоге набор личного состава шел чрезвычайно медленно, и вместо того чтобы сформировать еврейский легион в течение нескольких недель — что было несложно, ведь только в Англии насчитывалось около 40 тысяч молодых евреев, — у нас ушло целых четыре месяца на комплектование единственного батальона.

Как-то раз я совершенно случайно столкнулся в военном министерстве с одним из самых влиятельных членов санаваллатской

депутации и по ходу разговора поинтересовался у него, почему он так сильно противится созданию еврейского батальона. Он ответил, что не доверяет евреям из России и боится, что они навлекут позор на все еврейство. Я заметил, что, по итогам моих собственных наблюдений в Галлиполи, я куда больше, чем он, доверяю евреям из России и совершенно уверен, что смогу сделать из них прекрасных бойцов. Собеседнику моему хватило любезности ответить: «Ну, возможно, под Вашим руководством они превратятся в неплохих воинов, но ведь тогда они могут завоевать Палестину, а я не хочу, чтобы меня насильно отправили туда на жительство». Я ответил, что его опасения на этот счет совершенно безосновательны. Он возразил, что далеко в этом не уверен, ибо, если у евреев появится собственное отчество, на них, скорее всего, станут оказывать давление, чтобы все они переселялись именно туда, из чего явственно следует, что эти богатые и удачливые евреи совершенно не позаботились обдумать данный вопрос, поскольку в задачи сионистского движения отнюдь не входит насильно заставлять кого-либо ехать в Палестину, да и невозможно расселить четырнадцать миллионов человек в узких пределах их древнего отечества.

Когда мой собеседник-пессимист заявил, что эти евреи-иностранцы ни на что не годятся и только опозорят лучшую часть еврейства, я принял для себя внутреннее решение: когда-нибудь я докажу ему, что его столь презираемые братья-евреи из России и других стран могут стать столь же грамотными и всесторонне подготовленными бойцами, как и любые другие солдаты британской армии. По мере чтения этих записок перед читателем будет проходить история тридцать восьмого еврейского батальона, и он убедится, что мои ожидания сполна оправдались, ибо батальон наш в учебе, на марше, в сражениях, да и вообще во всей военной игре ничем не уступал любому другому армейскому батальону.

Удивительный факт заключается в том, что, насколько мне было известно, Исполнительный комитет сионистской организации, за одним благородным исключением в лице доктора Вейцмана, смотрел на нас с подозрением⁴⁸. Его членам не нравилась идея создания еврейских батальонов. То, что лидеры сионизма не осознали и не восприняли от всего сердца этот дар британского правительства, направленный на продвижение к их заветной цели, служит одним из показательнейших примеров их глупоты, с какими мне лично довелось столкнуться. Вот перед вами множество энергичных энтузиастов, готовых посвятить свою жизнь возвращению Святой Земли ее исконным владельцам, а они шарахаются, хотя

Плакат вербовочной кампании в Ист-Энде: «У Старой и Новой Родины должны быть Вы! Присоединяйтесь к еврейскому движению».

крайне действенное оружие, способное вернуть им их отчизну, буквально всовывают им в руки. Я убежден: положение сионистов на мирной конференции после подписания мира было бы совсем иным, если бы они могли с гордостью напомнить, что в Палестине сражалось пятьдесят тысяч солдат-евреев, а не пять тысяч, которые реально оказались там только к концу боевых действий!

Я знал: доктору Вейцману хватает проницательности, чтобы предвидеть, каким мощным подспорьем для его дипломатии может стать наш легион, но, увы, мнение Совета сионистов по данному вопросу долго не совпадало с его мнением, а когда совпало, было уже слишком поздно. Я пытался, как мог, воздействовать на некоторых вождей сионистов и потратил немало времени на то, чтобы переубедить одного преданного своему делу и сильного духом еврея, который был глубоко заинтересован в возрождении Палестины. Мне, собственно, казалось, что я убедил его стать в ряды сторонников легиона, ибо по ходу нашего разговора лицо его освещалось радостью при упоминании тех возможностей, которые могли открыться в итоге; однако, увы, когда я его покинул, ход его мыслей вновь переменился. Некоторые представители сионистов, например, Джозеф Коэн, полностью сознавали, какие преимущества они получат в том случае, если еврейский легион поможет отво-

евать Палестину у врага, — и эти люди неустанно трудились на благо нашего дела.

Владимир Жаботинский твердо верил в присловье: Бог помогает тем, кто помогает себе, а потому был убежден, что еврейский легион обязательно должен участвовать в борьбе за возвращение древнего еврейского наследия. Евреям повезло, что глашатаем их идей был именно Жаботинский, поскольку если бы ни один еврейский отряд не сражался в Палестине, если бы на кладбище на Масличной горе⁴⁹, как и на всех кладбищах Египта и Палестины, не оказалось ни одной еврейской могилы, это стало бы вечным по-преком народу Израиля, и я сильно сомневаюсь, что на мирной конференции решили бы, что уже пришло время вернуть евреям землю их предков. Я убежден, что если бы чаяния Жаботинского о создании более представительного легиона осуществились в полной мере, положение доктора Вейцмана за столом переговоров на мирной конференции было бы куда прочнее.

Однако к чести британского еврейства следует отметить, что подавляющее большинство евреев из Англии от всей души поддерживали политику правительства, и я невероятно горжусь тем, что практически впервые за всю еврейскую историю со времен Иуды Маккавея и Шимона Бар-Кохбы появились батальоны еврейской пехоты — и они пошли в бой против общего врага в Палестине.

К чести английского еврейства служит и то, что депутатия представителей широкой еврейской общественности затребовала и добилась встречи с военным министром с целью отстоять еврейское название и кокарду для батальона. Встреча состоялась 5 сентября, возглавляя депутатию член парламента мистер Д. Кили⁵⁰ (нееврей), в состав ее входили капитан Рэдклиф Саламан, доктор Эдер, господа Элкин Эдлер, Джозеф Коэн, Л. Гринберг, М. Ланда. Однако лорд Дерби уже склонился на сторону первой депутатии, и представителям еврейской общественности он смог лишь пообещать, что если батальон отличится на поле боя, он получит еврейское наименование и еврейскую кокарду. Депутация также получила санкцию военного министра на то, чтобы обеспечивать батальон кошерной пищей и сделать субботу днем отдыха. Кроме того, лорд Дерби пообещал, что, по мере возможности, в батальоне будут соблюдаться все еврейские праздники, а также, если позволит военная обстановка, еврейские отряды будут использоваться только в Палестине. Как именно батальоны отличились и как получили еврейское название и еврейскую кокарду, будет в подробностях рассказано в следующих главах.

ГЛАВА IV

ОБУЧЕНИЕ В ПЛИМУТЕ

Я с большим облегчением разделялся наконец с организационными делами в военном министерстве, со всеми треволнениями и злоключениями, и приступил к выполнению практической задачи — к боевой подготовке еврейского батальона. В качестве учебного центра нам определили Плимут, и там, в военном лагере Краун-Хилл, неподалеку от знаменитой и очень красивой гавани, мы и начали свой боевой путь.

В то же время в Лондоне, на Ченис-стрит 22, был создан вербочный пункт, личным составом которого командовал майор Ноулз⁵¹, великолепный офицер, когда-то служивший под моим началом во время Южноафриканской войны, ярый сторонник идей сионизма. Сюда попадали рекруты, здесь им выдавали обмундирование, а потом отправляли в Плимут. О благосостоянии личного состава во время пребывания в учебном центре заботились всевозможные комитеты, состоявшие как из джентльменов, так и из дам, — имена их упомянуты в *Приложении II*. По счастью, с самого начала работы Комитета у него была возможность оказывать нуждающимся необходимую финансовую помощь, поскольку нашлись щедрые и бескорыстные евреи, охотно жертвовавшие деньги на это благое дело. В их числе был мистер Леопольд Франк⁵², великолушно пожертвовавший тысячу фунтов. Мистер Лайонел Уолфорд⁵³ с особой неустанностью пекся о благополучии каждого попавшего на вербочный пункт рекрута и завоевал всеобщую симпатию своим личным неусыпным вниманием — в итоге все иудеи с признательностью именовали его «папочкой».

Для создания ядра еврейского батальона я организовал перевод в наше подразделение одного взвода бывших моих бойцов из Корпуса погонщиков мулов, служивших в составе двадцатого батальона Лондонского полка, — в тот момент ими командовал полковник А. Поунал⁵⁴. Я глубоко признателен этому офицеру за помощь в организации перевода под мое начало моих старых ветеранов. Эти воинственные сыны Израиля, которым мало было их Галлиполийских лавров, искали новых приключений на других полях сражений, а посему вызвались служить во Франции. На пути

домой корабль их был торпедирован и потоплен австрийской субмариной, но, по счастью, никто из сынов Сиона не утонул, все умудрились удержаться за обломки крушения и доплыть до устья одной греческой реки, где они и были спасены. В итоге им удалось без потерь добраться до Англии, однако все их личные вещи пропали.

Вскоре рекрутты начали прибывать в Плимут группами по двадцать-тридцать человек, уроженцев разных краев Британского королевства. Среди них встречались люди всевозможных профессий, но подавляющее большинство были портными или так или иначе были связаны с портновским ремеслом. Я взял за правило лично встречаться по прибытии с каждым рекрутом, расспрашивать его про семью, про жизнь. Кроме того, я давал каждому наставления — каково должно быть поведение настоящего солдата и настоящего еврея. Одним из самых многообещающих новобранцев стал известный скульптор Якоб Эпштейн⁵⁵; когда он отслужил несколько месяцев рядовым, я представил его к производству в офицеры. Когда тридцать восьмой батальон отбыл из Плимута в Палестину, Эпштейн остался в Англии в составе второго еврейского батальона, который как раз тогда создавался, однако из-за какой-то путаницы в офицеры его так и не произвели.

У меня, как командира, было немало хлопот. По большому счету, иудейская вера плохо подходит для солдатской жизни, а в моем батальоне было немало евреев, строго придерживавшихся обычаях своей веры; кроме того, все они были, по сути, штатскими, совершенно непривычными к армейской жизни, да еще и с впитанной с молоком матери ненавистью к таковой, поскольку в России евреев подвергали чуть ли не военной муштре⁵⁶. Многие из них не говорили по-английски, почти у всех вызывала ярость сама мысль о служении делу, которое так или иначе может пойти на пользу России; кроме того, они знали, что большое число английских евреев с враждебностью относится к идее создания еврейского батальона. Еще одна беда состояла в том, что люди эти по большей части не занимались в мирной жизни физическим трудом. Они не привыкли к лагерной жизни под открытым небом и, соответственно, боялись, причем небезосновательно, тяжелого воинского труда, который им предстояло постигать в Плимуте в эти холодные зимние дни.

А посему легко себе представить, что передо мной стояла не-простая задача: закалить этих сынов Израиля, вдохнуть в них боевой дух и воинский пыл, которые совершенно необходимы на полях сражений. Я сумел их убедить, что строгая дисциплина и суро-

вый режим — это не просто моя прихоть или каприз; требую я это исключительно в их интересах, чтобы, когда мы окажемся лицом к лицу с противником, они смогли бы превзойти его как силой, так и умением. Если превосходство будет на их стороне, то, скорее всего, не они погибнут от руки врага, а он — от их руки, они же выйдут победителями. Вскоре мои подчиненные осознали это и с полной самоотдачей начали постигать военную науку. Мне отрадно констатировать, что все трудности нам удалось преодолеть и к концу кампании наш батальон выглядел на любом параде столь же браво и внушительно, сколь и любой другой батальон Египетского экспедиционного корпуса.

На мое счастье, у меня нашлись способные и преданные своему делу помощники. Никаких слов не хватит, чтобы описать все услуги, оказанные батальону на ранней стадии его существования нашим врачом, капитаном Рэдклиффом Саламаном из Королевского медицинского армейского корпуса. Он прекрасно разбирался в людях, да и в еврейских делах, что для меня оказалось неоценимом. Мой адъютант, капитан Нил⁵⁷, уже отслужил два года в похожей должности в одном из батальонов стрелковой бригады. Он оказался человеком исполнительным и дипломатичным — последнее качество совершенно необходимо в обращении с солдатами-евреями. Мой заместитель, майор Мардермот⁵⁸, показал себя очень опытным и крайне принципиальным офицером — он уже служил под моим началом в дублинском батальоне. Мой второй адъютант, лейтенант Б. Вольф⁵⁹ (в свое время я поведаю о его трагической гибели в Палестине), был чрезвычайно одаренным офицером-евреем: трудолюбивым, дотошным, добросовестным, всей душой болеющим за то, чтобы начинание наше увенчалось успехом.

Я попытался уговорить некоторых старших офицеров еврейского происхождения перевестись в наш батальон, однако отыскать добровольцев оказалось почти невозможно, ибо более старшие чины предпочитали оставаться в своих английских частях. Мне удалось взять к себе на службу довольно многих младших офицеров-евреев, и постепенно все офицерские, унтер-офицерские и рядовые должности в батальоне оказались укомплектованы.

Хочу еще отметить, что хотя большинство наших бойцов были евреями, имелись в наших рядах и христиане: офицеры, унтер-офицеры и один-два рядовых. Несмотря на это, никаких разногласий расового или религиозного характера у нас не возникало. В конце концов, всех объединило одно: стремление к успеху, благополучию и доброй славе нашего еврейского батальона.

Должен с законной гордостью заявить, что анналы наши не запятнаны практически ни одним правонарушением. За все время пребывания в Плимуте у гражданских властей не возникло в наш адрес ни единого нарекания — чего доселе еще не бывало в истории британской армии. Зато наш уникальный батальон вписал в анналы другую страницу. Нашу «маркитантскую лавку», где торговали исключительно пивом, пришлось закрыть, потому что за все время ее существования выпито не было ни пинты.

Бойцы наши с удивительной быстротой и сноровкой усваивали военную науку. Для меня стало полной неожиданностью, что худосочный портняжка, вытащенный откуда-то с Петтикоут-Лейн⁶⁰, отродясь не державший в руках оружия более грозного, чем иголка, вскоре уже вполне уверенно управлялся с винтовкой и штыком и был в состоянии проткнуть чучело кайзера самым что ни на есть профессиональным образом, одновременно преодолевая полосу из траншей, выкопанную перед фигурой.

Я обратил внимание, что бойцы мои действовали особенно ловко, когда в нашем расположении появлялся какой-нибудь генерал. Помню один случай, когда к нам собралась инспекция и я предупредил бойцов, чтобы, когда будем приветствовать генерала, все стояли в строю с особо четкой выпрямкой. Я напомнил, что в британской армии существует традиция: если в этот сугубо ответственный момент батальон не сохраняет полной неподвижности, будут сделаны самые нeliцеприятные выводы о его подготовке и дисциплине и, соответственно, генерал составит неблагоприятный рапорт. Мои подчиненные с таким старанием соблюдали эту древнюю традицию, что готов поклясться: эти ревнители британской армейской дисциплины даже и не моргнули ни разу, пока генерал проходил перед строем. Да и вообще, все инспектировавшие нас начальники изумлялись тому, какую каменную неподвижность хранил в строю еврейский батальон.

Пока мы проходили подготовку в Плимуте, тамошняя еврейская община, а в особенности ее председатель, господин Мейер Фредман⁶¹, оказали нам множество добрых услуг.

Длинными зимними вечерами у нас устраивали лекции — бойцам рассказывали о разных интересных предметах. Нас посетил знаменитый и высокообразованный рабби Кук⁶² из Иерусалима — в своей проповедью он говорил о долге еврейского солдата. Разные лекции читал Жаботинский; особенно мне запомнилась одна из них, посвященная Бялику⁶³, великому еврейскому поэту. В наших рядах было много талантливых актеров и ва-

рьете; соответственно у нас проходили замечательные спектакли, а наша концертная бригада пользовалась неизменным успехом в Плимуте и его окрестностях.

Один из офицеров особенно много пекся о благополучии бойцов — это был лейтенант Э. Вандик⁶⁴. Он руководил работой батальонной столовой; нам страшно повезло, что за эту важнейшую часть армейской жизни отвечал человек со столь богатым опытом. Впоследствии Вандик проявил и свои способности боевого командира, за что был произведен в капитаны.

Не могу не упомянуть о доброте, которую выказали нам в Плимуте жена члена парламента леди Астор⁶⁵ — она предоставила нам павильон для отдыха — и секретарь Ассоциации молодых христиан сэр Артур Япп⁶⁶, помогавший нам всеми возможными способами.

Еще когда мы находились в Плимуте, я получил из военного министерства приказ сформировать два других еврейских батальона (дополнительно к тридцать восьмому). Как только удалось набрать достаточное количество рекрутов, я посоветовал своим начальникам приступить к организации тридцать девятого батальона, а во главе его поставить майора Ноулса, который на тот момент руководил вербовочным пунктом. Так и было сделано, и, судя по тому, что я успел увидеть в Плимуте, полковник Ноулс оказался великколепным командиром.

Место полковника Ноулса на вербовочном пункте занял майор Шенфилд⁶⁷, который неустанно трудился, обеспечивая благополучие рекрутов; пока они проходили через его руки на Ченис-стрит, он старался вдохнуть в них подлинно солдатский дух. Примерно тогда же, когда полковник Ноулс получил свое назначение, капитан Саламан так высоко отрекомендовал мне своего шурина, полковника Ф. Д. Сэмюэля⁶⁸, кавалера ордена «За боевые заслуги», что я спросил у начальника штаба, нельзя ли отозвать этого офицера из Франции, чтобы он занялся организацией подготовки бойцов в Плимуте, да и вообще нашими еврейскими делами, после того как я отбуду в Палестину. Начальник штаба любезно удовлетворил мою просьбу и в чрезвычайно короткий срок перевел полковника Сэмюэля из Франции в Плимут.

Вскоре после того как я отбыл в Палестину, в военное министерство поступил запрос: предпочтительно было бы видеть в должности командира тридцать девятого батальона еврея; в результате полковник Сэмюэль занял место полковника Ноулса. Это было вопиющей несправедливостью в отношении последнего — человека, беззаботно трудившегося и на вербовочном пункте, и в должно-

сти командующего тридцать девятым батальоном, где он, собственно, провел всю тяжелую предварительную работу, прекрасно подготовив почву для своего преемника. Полковник Ноулс был переведен во Францию и впоследствии служил в Северном русском экспедиционном корпусе. Разумеется, иметь в командах еврея было удобнее, однако замену эту следовало бы осуществить так, чтобы не задеть чувства полковника Ноулса. Примерно в то же время майор Марголин⁶⁹, тоже награжденный орденом «За боевые заслуги», офицер-еврей, приписанный к Австралийскому корпусу, был переведен в вербовочный пункт в Плимуте; впоследствии он сменил полковника Сэмюэля в должности командира тридцать девятого батальона.

Сторонним наблюдателям никогда не понять, сколько пришлось похлопотать и сколько мелочей утрясти в процессе создания этого уникального подразделения. Должен сказать, что военное министерство, равно как и плимутские армейские власти, оказывали мне всевозможное содействие. Полковник Кинг⁷⁰, сотрудник военного секретариата в военном министерстве, помог мне решить многие вопросы, связанные с переводом офицеров-евреев из Франции. Полковник Грэм⁷¹, тоже служивший в военном министерстве, приходил мне на помощь при каждой возможности, а покойный начальник секретариата министерства генерал сэр Фрэнсис Дэвис⁷², под началом которого я когда-то служил при Галлиполи, был сама доброта. Генерал Хатчинсон, руководитель кадрового отдела, всегда был столпом силы, и еврейский батальон навеки в неоплатном долгу перед ним. Член парламента подполковник Эмери, а также покойный Марк Сайкс также делали все, что было в их силах, дабы облегчить нам наш тернистый путь.

ГЛАВА V

КОШЕРНАЯ ПИЩА

Единственная серьезная проблема, с которой мы столкнулись в Плимуте, состояла в организации кошерного питания. Как большинству, полагаю, известно, еврейский закон предписывает евреям питаться мясом животных, забитых и приготовленных определенным образом, — такое питание называется кошерным, или правильным⁷³. Для военных властей это, разумеется, явилось новостью, а поскольку армейская машина чрезвычайно консервативна и порой еще и удивительно неповоротлива, власти не сочли необходимым обеспечивать в еврейском подразделении специальное питание — странный ход мысли, особенно если вспомнить, с каким вниманием относятся к соответствующим потребностям бойцов-мусульман. Впрочем, даже мне хватает проницательности сообразить, что ответственность за эти наши беды не полностью лежит на плечах армейского начальства, ибо у меня есть серьезное подозрение, что наши еврейские «друзья»-враги, которым так не терпелось развалить всю затею с еврейской сутью нашего батальона, изрядно приложились к этому кошерному пирогу!

Сам же я придерживался твердого мнения: если к еврейскому батальону не будут относиться как к таковому, если не станут должным образом обеспечивать все его потребности, как физические, так и духовные, затея наша обречена на провал, ибо к бойцам своим я мог взвывать только как к евреям и отклика на свои призывы мог ждать только в том случае, если должным образом отреагирую на возмутительное попрание их религиозных принципов — требование питаться тем, что им запрещает есть их вера. Я проявил в этом вопросе такую настойчивость, что в конце концов генерал-адъютант сэр Невил Макреди вызвал меня в военное министерство и решительно объявил, что я должен вести себя так, будто в подчинении у меня самый обычный батальон британской армии, и чтобы я немедленно прекратил всю эту возню с кошерной пищей, отправлением Субботы и прочим вздором. Я ответил с должным почтением, однако крайне твердо, что если позиция военного министерства действительно такова, успех батальона становится делом невозможным, ибо единственный способ воспитать добрых бой-

цов-евреев — это относиться к ним, как к добрым евреям; если же к ним не будут относиться как к евреям, я буду просить, чтобы с меня сложили обязанности командира.

После этого, сразу по возвращении в Плимут, я подал рапорт об отставке, однако командующий южным военным округом вернул мне его на размышление. Тем временем из военного министерства пришла телеграмма, сообщавшая, что нам разрешают готовить кошерную пищу и освободить субботу для соблюдения шаббата⁷⁴. После этого все пошло гладко. Сэр Невил Макреди с готовностью выслушивал меня всякий раз, как я посыпал ему сигнал бедствия, да и вообще стал одним из наших самых лучших друзей.

С превеликим удовлетворением я получил несколько дней спустя из военного министерства ниже следующую «Хартию кошерности», которая очень помогла нам на протяжении всей нашей службы — не только в Англии, но и когда мы оказались в Палестине, среди филистимлян⁷⁵:

14 сентября 1917 г.

20—? Исх. номер 4425 (А. Г. 2а)

Сэр!

Исходя из Инструкции армейского совета № 1415 от 12 сентября 1917 г. касательно формирования батальона из числа дружественно настроенных иностранных евреев, сообщаю Вам по распоряжению военного совета, что, насколько то будет позволять боевая обстановка, личному составу батальона разрешается иметь днем отдыха субботу, а не воскресенье.

По возможности будут также приняты меры по обеспечению личного состава кошерной пищей.

Остаюсь, и т. д.

(подпись) Б. Б. Кьюбит⁷⁶.

Генералу

Главнокомандующему

южным округом

Командующему тридцать восьмым батальоном королевских стрелков

Для сведения

Девонпорт

21.09.17

(подпись) Полковник Э. Монтагю, второй адъютант,
старший квартирмейстер.

До нашего отплытия на фронт, генерал Макреди оказал нам честь и специально приехал из Лондона, проведя в пути целую ночь, чтобы нанести нам дружественный визит, причем без всяче-

ской помпы и суеты, и его так впечатлила выправка моих подчиненных, что с этого дня и до самой своей отставки он ни разу не отказывал еврейскому батальону ни в одной разумной просьбе.

Перед отправкой в Палестину у меня состоялся последний разговор с генералом Макреди в его кабинете в военном министерстве, по ходу которого он сообщил мне в присутствии генерал-майора Хатчinsona, руководителя организационной службы, что ставит себе целью создание целой еврейской бригады. Макреди рекомендовал генералу Алленби⁷⁷ приступить к решению этой задачи сразу после того, как два полностью укомплектованных еврейских батальона прибудут в Египет.

Для меня, разумеется, то была желанная новость — ведь создание отдельной еврейской бригады произвело бы настоящий переворот в смысле нашего спокойствия и благополучия. Это значило, что у бригады появился бы свой командир, к которому прислушивались бы, когда он излагал еврейские вопросы высшему командованию. Это значило, что у нас был бы прямой выход на дивизионного генерала, на интендантские службы, а также на тысячи других мест, которые помогают любому подразделению, любой бригаде успешно сражаться и достойно существовать.

Батальону не может выпасть судьбы хуже, чем остаться самостоятельной единицей и существовать в качестве «пристежки» к одной из бригад или дивизий — а такое развитие событий представлялось возможным. В подобной ситуации появляется ничейное дитя, которое вечно используют для подсобной работы и всяческих хозяйственных дел, ненавистных всякому солдату. Можно, соответственно, себе представить, сколь я был признателен генералу Макреди за его обещание сформировать еврейскую бригаду, ибо знал, что это будет как нельзя более полезно для еврейского дела в целом, а самое главное — для репутации солдата-еврея.

ГЛАВА VI

ОТПРАВКА В ПАЛЕСТИНУ

В конце января 1918 г. мы получили уведомление о том, что тридцать восьмой батальон должен отбыть в Палестину для участия в боевых действиях. Эта новость была воспринята с радостью всеми без исключения, после чего каждому был предоставлен десятидневный отпуск, чтобы съездить домой и попрощаться с родными. Разумеется, наши друзья-пессимисты воспользовались и этой возможностью для того, чтобы очернить евреев из России, и заявили, что многие наверняка дезертируют, назад вернется разве что десятая часть. Я, однако, придерживался иного мнения и совершенно не волновался по поводу их возвращения. И не ошибся, потому что когда провели первую перекличку, оказалось, что отсутствующих совсем мало, уж всяко меньше, чем в любом обычном батальоне английской армии, так что в очередной раз противники наши были разочарованы и посрамлены, ибо рассчитывали на совсем иной результат.

5 февраля батальону было приказано прибыть в Саутгемптон и приготовиться к погрузке. За два дня до того сэр Невил Макреди приказал половине личного состава проследовать в Лондон, пройти маршем через Сити и Ист-Энд и только оттуда отправиться в Саутгемптон. Марш солдат-евреев, беспрецедентное событие в истории британской армии, прошел с колоссальным успехом. На ночь нас разместили в Тауэрэ, а утром 4 февраля мы выдвинулись из этого исторического места, с полной выкладкой и примкнутыми штыками, предводительствуемые оркестром Кольдстримских гвардейцев. Сине-белый еврейский флаг гордо поплыл по городу рядом с британским флагом под приветственные крики толпы. В Мэншен-Хаус лорд-мэр⁷⁸ (давший нам личное позволение маршировать по Сити⁷⁹ с примкнутыми штыками) принял парад, присутствовал во время марша и сэр Невил Макреди.

Когда мы дошли до Майл-Энд-Роуд, энтузиазм зрителей удвоился, а лондонское гетто буквально ходуном ходило от боевого пыла и ревом приветствовало своих соотечественников. Повсюду висели еврейские флаги; ничего подобного еще не было в истории ни одного британского батальона. Жаботинский (который в тот са-

Парад бойцов Еврейского Легиона в Лондоне, 5 февраля 1918 г.

мый день был официально представлен к званию лейтенанта), видимо, очень радовался, взирая на плоды своих усилий. Парад принял мэр Степни⁸⁰, и мы маршем пошли дальше, до Кэмпердаун-Хаус, где личный состав проинспектировал сэр Фрэнсис Ллойд⁸¹, командующий лондонским военным округом. Он похвалил бойцов за славную выправку и молодцоватость, напомнил о героизме и мужестве их предков и в заключение сказал, что не сомневается — стоящий перед ним современный еврейский батальон покроет себя, как и его предшественники, неувядающей боевой славой.

В Кэмпердаун-Хаус нас ждал отличный обед, за ним прозвучали речи Главного раввина, мэра Степни, мистера Кили, мистера Джозефа Коэна (председательствовавшего за столом) и других друзей батальона.

А потом, под непрекращающиеся приветственные крики, колонна проследовала к вокзалу Ватерлоо; прежде чем бойцы погрузились в поезд до Саутгемптона, капитан Фредман преподнес им Свиток Торы. Мой новый адъютант капитан Лидли⁸², занявший место капитана Нила после того, как тот получил звание майора, вступил в должность только в то самое утро. Его очень удивило первое полученное им поручение — обеспечивать сохранность Свитка Торы. Отличный еврейский священник, которого только что к нам прикомандировали и который, по идеи, должен был взять на себя эту обязанность, остался с остальными бойцами в Плимуте.

Капитан Лидли с первой же минуты произвел на меня крайне приятное впечатление, и пока он оставался в составе батальона,

мне не представилось ни единого случая переменить свое мнение. Он был прекрасным адъютантом и, по моему мнению, достоин был занимать куда более высокое положение.

Когда половина батальона добралась до Саутгемптона, она воссоединилась с другой половиной, которую привел из Плимута майор Рипли⁸³, ставший моим заместителем вместо майора Макдермота — тот остался работать на вербовочном пункте. 5 февраля весь батальон погрузился на небольшой пароход «Антрим».

Капитан Саламан как раз собирался взойти на борт, когда к нему подошел другой военный врач, капитан Холден Дэвис⁸⁴: он в самый последний момент получил из военного министерства приказ следовать с нами вместо капитана Саламана. Я ничего об этом не знал и, разумеется, совсем не хотел расставаться с капитаном Саламаном — он же, в свою очередь, пришел в ярость от одной мысли, что останется дома. Однако поделать что-либо было невозможно, и он возвратился в Плимут. Полагаю, некоторые батальонные любители отлынивать от работы расстались с ним не без радости, потому что у него с подобного рода джентльменами разговор был короткий.

Я долго прикладывал немалые усилия, чтобы залучить нам в духовные наставники достопочтенного Л. Фалька⁸⁵, тогдашнего еврейского капеллана Плимута, и, по счастью, преуспел: в самый последний момент все трудности были преодолены и он присоединился к нам перед самой посадкой на судно. Люди, которым лучше было бы попридержать языки, пытались внушить мне, что Фальк не подходит для этой должности. Однако я имел возможность оценить его лично и пришел к выводу, что моим евреям из России он подходит куда больше, чем какой-нибудь раввин, которого выберут лишь из-за того, что он — еврей из Англии. Его деятельность, пример, который он подавал другим на протяжении всей службы в нашем батальоне, достойны высочайших похвал, и не раз, когда ему приходилось доказывать свое мужество, я радовался, что не прислушался тогда в Англии к этому брюзжанию.

Погрузка завершилась к пяти часам пополудни 5 февраля, и к темноте мы под парами вышли из гавани и направились к Шербуру. Нам повезло избежать встречи с вражескими субмаринами, ибо маленький «Антрим» был набит под завязку — на борту, кроме еврейского батальона, находились еще и другие военные.

В Шербуре нас до 7 февраля продержали в британском перевалочном лагере, после чего доставили эшелоном в Сен-Жермен под Лионом, где мы находились с 9 по 10 число. Оттуда мы по красивой Французской и Итальянской Ривьере отправились в Таранто⁸⁶. Пи-

тание во время этого путешествия (горячий чай и проч.) было организовано не идеально, но в целом условия были сносные.

13-го мы прибыли в Фаэнцу⁸⁷ и навсегда сохранили добрые воспоминания об этом прекрасно организованном перевалочном лагере и о тамошнем персонале. Благодарить за это, прежде всего, следует коменданта, полковника Скотта Хардена⁸⁸, который поистине взрастил сад в пустыне и сделал все возможное, чтобы измученные, уставшие от долгого пути солдаты ощутили покой и заботу, оказавшись в его умелых руках. Единственная беда заключалась в том, что мои неискушенные ребята сильно тушевались перед шотландцами, с которыми встречались в сержантской столовой! Однако в любом случае у всех осталось чувство живейшей благодарности к тамошнему добруму персоналу, в Фаэнце нам было по-настоящему хорошо.

Во время пребывания в этом замечательном лагере мы дали концерт, а также устроили показательные соревнования по боксу перед итальянцами, офицерами гарнизона, — и то и другое произвело сильное впечатление. В числе прочих к нам явился командующий округом, тоже итальянец, со всей своей свитой, их очень заинтересовали соревнования. В качестве особой чести — мы стали первым полным британским батальоном, проходившим через территорию Италии, — он принял у нас парад перед ратушей, когда в десять вечера мы строем шли на вокзал.

Из Фаэнцы мы направились в Таранто, проведя по пути несколько приятных часов в Бриндизи. Я прошелся по территории порта, увидел, какое множество различных военных судов стоит у причалов, и понял, что вряд ли многие итальянские боевые корабли находятся в море; впрочем, нельзя забывать, что Средиземное море было тогда буквально напичкано германскими и австрийскими субмаринами, так что нельзя винить наших союзников за то, что они по мере сил старались оберегать свой флот от беды. Помню, я все задавался вопросом: каков смысл в военном корабле, если он боится выйти в открытое море?

Пока поезд наш шел вдоль побережья Адриатики, мы все гадали, не появится ли вдруг австрийский крейсер и не разнесет ли наш состав на куски. Однако где бы там ни находился в тот день австрийских флот, на наше счастье, он не крейсировал вдоль Адриатического побережья Италии, так что 16 числа мы прибыли в Таранто. Таскать все, что плохо лежит, с поездов, проходящих через юг Италии, — любимое развлечение местных жителей, однако нам повезло и мы не сильно пострадали.

За время долгого путешествия по железной дороге было несколько происшествий, которые, отвернувшись от нас удача, могли обернуться трагедиями. Перед самым Марселеем расцепились два вагона в середине состава, и часть поезда осталась на путях. По счастью, это заметили до того, как случилось такое несчастье, и маневровый тепловоз доставил отставшие вагоны на место. То же самое произошло и на итальянской железной дороге между Бриндизи и Таранто, из-за чего вышла задержка часов на восемь.

Поведение личного состава на всем протяжении девятидневного пути было безупречным, о чем я сообщил по телеграфу в военное министерство: ведь Россия только что вышла из войны и в Англии тревожились о том, как поведут себя русские подданные, служащие в британской армии, услышав эту новость. Строго говоря, набор русских евреев в английскую армию прекратился сразу после того, как мы отбыли из Саутгемптона, и, разумеется, многие в нашем батальоне задавались вопросом: справедливо ли то, что власти освободили от воинской обязанности тех, кто по собственной воле или по воле обстоятельств слишком поздно пришел на вербовку, — в отличие от тех, кто своевременно отозвался на призыв властей. По прибытии в Таранто я сообщил об этих настроениях генерал-адъютанту и получил ответ, что все эти вопросы надлежит решать уже в Египте.

Больше недели мы грелись на солнышке в Южной Италии. Я встретил своего старинного друга капитана Уэйка⁸⁹ — много лет назад он был тяжело ранен в одной из малозначительных войн, которые мы вели в Восточной Африке. Он лишился ноги, однако добросовестно делал все, что мог, на благо Англии.

Нас разместили в лагере в Камино⁹⁰, в нескольких милях от Таранто: в батальоне на тот момент насчитывался тридцать один офицер и около девятисот бойцов иных званий. Двое офицеров, а с ними около семидесяти унтер-офицеров и рядовых отплыли из Марселя на другом судне, вместе с лошадьми, мулами и повозками, под началом капитана Пулиана⁹¹, кавалера Боевого креста.

Во время пребывания в Таранто я, вместе с преподобным Л. Фальком и при содействии Жаботинского, после долгих поисков нашел подходящий ковчег, чтобы поместить туда наш Свиток Торы. В конце последней субботней молитвы перед погрузкой на корабль я обратился к бойцам с речью и, указав на ковчег, сказал, что пока он с нами, мы не должны знать страха: ни субмарины, ни шторм нам не помеха, и, значит, во время плаванья они могут быть совершенно спокойны.

Мы погрузились на «Лисо-Касл» в девять утра 25-го числа и около полудня вышли из гавани в сопровождении трех японских миноносцев, а 28 февраля благополучно прибыли в Александрию, причем на всем пути не видели ни единой субмарины, ни одной, даже самой маленькой, волны! Благодаря этому удачному совпадению моя репутация провидца значительно укрепилась! Кстати сказать, во время следующего рейса «Лисо-Касл» был торпедирован и пошел ко дну.

У Стены Плача. Старый Иерусалим (открытка из коллекции Центра «Петербургская Иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге, далее – ЕУСПб).

ГЛАВА VII

СНОВА В ЗЕМЛЕ ЕГИПЕТСКОЙ

1 марта мы сошли на берег в Александрии, и еврейская община города, под предводительством главного раввина, пригласила нас отметить благополучное прибытие в Египет особой молитвой в прелестном храме на улице Пророка Даниэля. Батальон прошел маршем до Синагоги под радостные приветствия alexандрийцев, и там состоялась великолепная служба, причем Главный раввин особо благословил бойцов на древнем наречии пророков. После службы дамы-еврейки подали всевозможные закуски — эти дамы просто не могли поверить, что перед ними их единоверцы, солдаты-евреи, которые теперь служат под английским флагом. Лица их озарялись радостью при одной мысли о том, что им довелось узреть целый еврейский батальон, который вот-вот направится освобождать землю их предков от гнета турецких завоевателей.

Я рад был вновь увидеть замечательных людей, которые когда-то так самозабвенно помогали мне, взяв на себя заботу о женах и родных моих воинов из Корпуса погонщиков мулов, тех, что сражались при Галлиполи в 1915 г. И никто, на мой взгляд, не вложил столько рвения и бескорыстной заботы в помощь этим несчастным нищим изгнаникам, сколько вложила баронесса Розетта де Менаше⁹². Какая бы подмога ни требовалась этим людям, лишенным всяческих средств к существованию, я всегда мог рассчитывать на щедрость этой прекрасной собой дамы.

Отобедав, мы прошли маршем до вокзала и отбыли поездом в Хельмию, деревушку в нескольких милях от Каира, где батальон расквартировали для дополнительной учебной подготовки перед отправкой на фронт. Прибыв туда, мы обнаружили, что нас уже дожидается капитан Джулиан со всем нашим обозом, который благополучно прибыл несколькими днями раньше. В Каире нас встретил эмиссар из Палестины; он сообщил, что в Иудее развернулось широкое движение евреев-добровольцев, сотни молодых людей готовы вступить в армию, многие дамы-еврейки рвутся стать сестрами милосердия или погонщиками обозных животных. Новости были обнадеживающие — и я, разумеется, полагал, что они будут с радостью восприняты командующим английского экспедиционного корпуса.

Ведущие представители еврейской общины Каира, дабы не отстать от своих alexandriйских собратьев, вскоре после нашего прибытия добились у военных властей разрешения пригласить нас на молитву в главную синагогу; батальон маршем прошел по городу, где нас повсюду приветствовали восторженные толпы. Парад принял генерал-губернатор сэр Фрэнсис Реджинальд Уингейт⁹³ — мы прошли мимо его резиденции, он же проявил особый интерес и расположение как к нашему еврейскому подразделению, так и к еврейскому движению в целом.

Не могу не упомянуть, что батальон в огромном долгу перед господином Морисом Гатенъ⁹⁴ из Каира за его многочисленные хлопоты, а также за его щедрые пожертвования на наши нужды. Его верным помощником была его свояченица госпожа Витербо (ныне госпожа Хопкин), которая неустанно пеклась о нашем благополучии. Господа Франко⁹⁵ и Коэн⁹⁶ из Александрии также оказали батальону неоценимую помощь.

Евреи, обосновавшиеся в Египте, добры и гостеприимны, и мы от всей души благодарны им за теплый прием и за то, какую они проявили о нас заботу. Считается, что Земля фараонов способна изгладить человеческую душу и отправить ее на поиски темных богов, однако мой опыт общения с египетскими евреями свидетельствует о том, что и сегодня там много богобоязненных людей, которые трудятся, молятся и щедро раздают пожертвования с одной целью — восстановление Израиля.

В Хельмии мы продолжали заниматься боевой подготовкой. Строевые занятия, физические упражнения, приемы штыкового боя, бомбометание, маршировка, стрельба, сигналы — все это продолжалось с утра до ночи, и бойцы наши изрядно преуспели. Собственно, уже через несколько недель после нашего прибытия в Египет никто не признал бы в этих загорелых, крепких мужчинах, в самой осанке которых чувствовались гордость собой и своим батальоном, тех бледных, худосочных, заморенных рекрутов, которые прибыли к нам в Плимут.

Вскоре после прибытия в Египет я отправил главнокомандующему такое донесение:

Каир, 5 марта 1918 г.

Дорогой генерал,

Без сомнения, Вы слышали о прибытии еврейского батальона в Египет. С нетерпением жду возможности встретиться с Вами для обсуждения вопроса о формировании еврейской бригады, о чем, как мне дали понять в военном министерстве, Вам уже сообщалось.

Прежде всего, следует обсудить, как надлежит поступать с русскими, ибо среди моих бойцов их несколько сотен. В настоящий момент они охотно и добросовестно выполняют свои обязанности и у меня нет никаких нареканий по части их умонастроения; однако в связи с тем, что Россия подписала сепаратный мир, ситуация может измениться, и я хотел бы подготовиться к такому развитию событий. В Англии в данный момент формируется еще два еврейских батальона, и один из них, тридцать девятый, в тот момент, когда мы отбыли из Плимута, получил приказ готовиться к погрузке. Полагаю, что в ближайшее время он прибудет в Египет. По моим сведениям, в Нью-Йорке формируются другие батальоны, которые войдут в состав еврейской бригады. Генерал-адъютант уведомил меня, что, возможно, французское командование переведет в эту бригаду польских евреев, которые в настоящий момент служат во Франции. Мне также сообщили, что несколько сотен молодых евреев из Палестины готовы вступить в наши ряды. Есть таковые и в Каире, и в Александрии.

В случае, если на то будет Ваше разрешение, я с радостью проведу на соответствующих территориях рекрутский набор и сформирую здесь еще один еврейский батальон. Чтобы призвать на службу добровольцев из Палестины, потребуется отрядить специальную группу, которая объехала бы все еврейские поселения и собрала там желающих. В моем нынешнем батальоне есть прекрасные кандидаты в такую группу — все они говорят по-еврейски, а во главе можно поставить офицера, который хорошо знает Палестину. Заручившись Вашим согласием, я мог бы очень оперативно отправить эту группу на задание. Кроме того, в Каире и Александрии следует открыть вербовочные пункты — еврейские общины этих городов обещали оказывать в этом всяческое содействие.

В Англии генерал-адъютант разрешил перевод в наш батальон офицеров, унтер-офицеров и рядовых еврейского происхождения. Я рассчитываю, что Вы с таким же пониманием отнесетесь к тем, кто захочет перейти в мое подразделение из других частей, находящихся у Вас в подчинении.

Я твердо убежден, что боевую подготовку еврейской бригады следует проводить собственно в Иудее, прежде всего потому, что это чрезвычайно укрепит моральный дух бойцов. Кроме того, учитывая климат Каира, в марте и в апреле — месяцах, отведенных на подготовку, — эффективно проводить здесь занятия будет практически невозможно. Я убежден, что, например, в Яффо или в другом поселении мы сможем добиться вдвое больших успехов, а, кроме того, более прохладный климат благотворно повлияет на здоровье личного состава. Кроме того, это будет содействовать увеличению числа добровольцев из Палестины.

Мне известно, что наше правительство придает огромную важность тому моральному эффекту, который создание еврейской бригады должно произвести на мировое еврейство, не только в союзных и нейтральных странах, но и в странах противника. Добиться этого эффекта в полной мере можно будет только в том случае, если в самое ближайшее время бригада будет передислоцирована в Палестину.

Есть еще ряд вопросов, которые я хотел бы довести до Вашего сведения, однако не стану затягивать свое донесение и упоминать о них здесь.

Был бы, однако, крайне признателен, если бы Вы назначили мне личную встречу, во время которой мы могли бы обсудить все вышеизложенное. Надеюсь получить от Вас распоряжение в ближайшее время прибыть к Вам в штаб.

Искренне Ваш

(подпись) Дж. Г. Паттерсон.

Я получил от начальника штаба генерал-майора Луиса Жана Больса⁹⁷ ответ с предложением прибыть в штаб-квартиру; однако в том же письме он проинформировал меня, что генерал Алленби не поддерживает мое предложение. Для меня это стало неожиданностью, ибо мне казалось, что еврейский легион численностью, скажем, в двадцать пять тысяч человек, был бы очень полезен на палестинском фронте. Если бы генерал Алленби хоть до какой-то степени поддержал идею создания еврейского легиона, мы бы с легкостью набрали — в Америке и других странах — необходимое число бойцов, желавших сражаться в Палестине. Ничуть не смущившись, я прибыл в генеральный штаб, где был принят командующим; по ходу беседы он совершенно откровенно сказал мне, что не разделяет стремления военного министерства отправить еврейский батальон в Палестину и решительно возражает против предложенного мною расширения его численного состава. В ходе последовавшего разговора с его начальником штаба я уяснил, что вряд ли дождусь приязненного отношения к моему батальону: генерал-майор Луис Жан Больс однозначно дал мне понять, что не питает симпатий к чаяням евреев.

Подобное отношение генерала Алленби и его начальника штаба к евреям просто ошеломило меня, ибо мне было известно, что правительство Его Величества недвусмысленно поддерживает идею создания еврейских батальонов, равно как и притязания евреев на Палестину, так что я ждал совершенно иной реакции командования Египетским экспедиционным корпусом на свои предложения. К удивлению своему я обнаружил, что позиция штаба по отношению к еврейскому батальону, да и к еврейскому вопросу в целом, кардинальным образом расходится с позицией правительства. Судя по всему, явился очередной фараон, не знавший Иосифа. И в очередной раз привелось нам делать кирпичи, не имея соломы, и трудиться дровосеками и водоносами⁹⁸. Вместо того чтобы всячески поощрять новый батальон и оказывать ему возможное содействие, ЕЭК дал нам понять, что мы — презренные измаильяне⁹⁹ и всякий может поднять на нас руку.

Я прекрасно отдавал себе отчет, какая нас ждет участь, если позиция главного штаба по еврейскому вопросу получит широкую огласку, и, как будет показано далее, мелкая штабная сошка действительно стала плясать под дуду высшего командования. Однако я уповал на то, что батальон проявит себя с лучшей стороны и тем самым положит конец всем предрассудкам. Мы не искали никаких особых милостей, мы лишь хотели, чтобы к нам относились как к любому батальону, готовому в любой момент исполнить свой долг.

Разумеется, командующий прекрасно знал о притязаниях арабов на Сирию, и поскольку мысли его были всецело сосредоточены на его собственном театре военных действий, он, понятное дело, хотел любыми силами задобрить арабов. Арабы находились совсем рядом, всегда готовы были оказать ему посильное содействие — например потрепать турок к востоку от Иордана, — а тот факт, что армия Хиджаза¹⁰⁰ воевала на нашей стороне, останавливал бедуинов и других мародеров, они не трогали наши коммуникации, что имело немалое значение для Сирии и Палестины. Появление в этой картине евреев пошатнуло всю политику Алленби, и, разумеется, он был недоволен.

Военные чиновники в Египте, похоже, совершенно не отдавали себе отчет в том, что речь идет о задаче куда более масштабной, чем та, что полностью застила от них весь палестинский горизонт. Имелась в виду мировая политика Англии, и наши государственные мужи уже пришли к выводу, что в наших интересах завоевать симпатии мирового еврейства и заручиться его поддержкой. Не будем недооценивать того, сколь необходима была союзникам их помощь во время Великой войны. Благодаря Декларации Бальфура евреи всех стран единодушно встали на нашу сторону; в Америке они успешно противодействовали немецкой пропаганде, которая занимала все более твердые позиции в США. Прискорбно, что дальновидная и мудрая политика наших сановников так и не нашла понимания у местных чиновников в Палестине. Вообще, любому находившемуся в Египте было видно, что в ЕЭК мало обращают внимание на какую бы то ни было политику, если она не имеет касательства до местных дел и не совпадает с мнением генерального штаба и всех тех, кто вращается на его орбите.

Я твердо убежден, что прибегни местные власти к более тонкой дипломатии, они смогли бы совместить справедливое, основанное на Декларации Бальфура отношение к евреям с тем, чтобы удержать арабов на нашей стороне. В конце концов, арабы были не меньше нашего заинтересованы в разгроме Турции, и, к чести их

следует сказать, эмир Фейсал¹⁰¹ никогда не выказывал ни малейшей враждебности к чаяниям евреев. Напротив, он много и плодотворно трудился совместно с доктором Вейцманом на благо обоих народов.

Евреи и арабы крайне нужны друг другу на Ближнем Востоке, и если Англия хочет сохранить Империю, ей необходимо поддерживать дружественные отношения и с теми и с другими. Боюсь, в данный момент к востоку от Суэца к нам относятся не слишком доброжелательно. В тяжелые военные годы арабам были даны определенные обещания, сдержать которые оказалось очень сложно — основной причиной тому стала политика Франции в Сирии. Я во многом восхищаюсь Францией, именно поэтому мне столь не по душе ее империалистические притязания за Ливанским хребтом. Убежден, ее ждут в этой части света крупные неприятности, и в недалеком будущем ей еще предстоит пожать горький урожай. В Каире мне довелось разговаривать с одним много путешествовавшим офицером-французом, только что откazавшимся от административной должности в Бейруте. Он сказал мне, что обладай его правительство хоть малой долей мудрости, оно сразу бы ушло из Сирии, где его не ждет ничего, кроме бед, которые могут растянуться на несколько поколений. «Если бы Англия отдала нам кусочек Африки, а взамен забрала Сирию, Франция много бы выиграла от такой сделки», — заметил он.

Нам, впрочем, не нужна была Сирия, мы хотели видеть на территориях, населенных одними арабами, сильное и стабильное арабское государство. Надеюсь, что нашим государственным мужам хватит мудрости и энергии довести это благое начинание до конца. Если мы позволим большевикам и туркам разрушить нашу дружбу с евреями и арабами, в том числе с королем Хусейном¹⁰² и его сыном, эмиром Фейсалом, нынешним правителем Ирака (к которому мы относимся то дружественно, то враждебно в зависимости от того, в какую дуду дует Франция), — это станет началом конца нашего владычества и нашего престижа на Востоке.

Впрочем, поездка в генеральный штаб оказалась не вполне бесплодной: перед самым нашим отбытием из Египта поступило распоряжение начать вербовку добровольцев в Палестине. Я направил в Иудею специально подготовленную вербовочную команду — все ее члены свободно говорили на иврите, а руководил ими лейтенант Липси¹⁰³, непосредственным начальником которого стал майор Джеймс де Ротшильд¹⁰⁴ из тридцать девятого батальона; его назначили ответственным за вербовочную кампанию в Египте и в Пале-

стине. На призыв майора де Ротшильда в Палестине откликнулись с большим энтузиазмом: собственно, главная забота состояла в том, чтобы отсекать пожилых мужчин и совсем уж неоперившихся юнцов, которые тоже рвались взяться за оружие. Лейтенант Липси столкнулся с определенными трудностями в Иерусалиме, где было сильно противодействие сионистам, однако ему удалось одолеть соперников и закончить кампанию с внушительным итогом — почти тысяча рекрутов.

Привожу перевод призывающего плаката, написанного на иврите и разосланного в те дни по всей Палестине.

ВНЕМЛИ, О, ИЗРАИЛЬ!

Внемли! Что подсказывает тебе твое сердце? Вернем ли мы наследие предков, подтвердим ли обладание им перед лицом всего мира?

Внемли! Что говорит тебе твой разум? У нас на глазах англичане идут в битву — останемся ли мы в своих домах, станем ли ждать, когда они вернутся с полей сражений и отадут нам нашу землю, отвоеванную их кровью?

Вслушайся! К чему призывают тебя честь и совесть? Можем ли мы допустить, чтобы наши праведные спасители проливали только свою кровь? Не должны ли мы вместе с ними отдать жизнь за свою страну?

Внемли, о, Израиль! Кровь наших героических предков, кровь британцев, которые воюют за нас, кровь мучеников взывает к нам из Священной Земли: к оружию! К оружию!

Плечом к плечу, вместе с нашими избавителями, мы пойдем в битву. И Господь не оставит нас. Будем мужественны!

ГЛАВА VIII

ПАСХА

Генеральный штаб располагался тогда в местечке под названием Бир-Салем (Колодец Мира) в десяти милях к востоку от Яффы, а поскольку после аудиенции у командующего у меня был свободен весь день, я позаимствовал автомобиль и посетил Иерусалим, расположенный милях в тридцати к востоку. Не стану даже пытаться описать, какие чувства я испытал, подъезжая к Священному городу по петляющей дороге, которая карабкается вверх по скалистым Иудейским горам. Я вошел в Старый город, обнесенный крепостной стеной, через Яффские ворота и вскоре затерялся в лабиринте его мрачных базаров и узких улочек, выискивая исторические места, увидеть которые мечтал со времен юности. На все мои разыскания у меня было лишь несколько часов, и редко когда мне доводилось трудиться столь упорно. Хотя с тех пор мне много раз довелось побывать в Иерусалиме, я никогда не забуду упоения от того первого визита к священным гробницам и древним храмам. В три часа пополудни я выехал из Иерусалима и сутки спустя возвратился в наш лагерь в Хельмии.

Батальон наш прикрепили к учебной части в Зейтуне, находившемся неподалеку от Хельмии, что было не самым мудрым решением, ибо с нашими потребностями никто не считался, и мы зачастую подолгу бездельничали лишь потому, что не поставлялось необходимое снаряжение — например винтовки для проведения учебных стрельб. Этому не было никакого оправдания, потому что в каирском арсенале всякого оружия было с избытком. Виновата была порочная система: все, в чем мы нуждались, мы должны были получать через учебную часть, а ее сотрудники придерживались мнения, что наши заявки можно выполнять без всякой спешки. Только когда командование учебной частью перешло к бригадному генералу Э. Б. Робертсону¹⁰⁵, дела наладились — этот офицер относился к нам с дружественной заинтересованностью и оказывал всяческую посильную помощь. Во время пребывания в Хельмии мы отпраздновали еврейскую Пасху. Так история повторилась в Земле Египетской, в еврейском военном лагере, спустя свыше трех тысяч лет после изначального события.

Мне пришлось немало похлопотать, чтобы добиться у начальства разрешения испечь пресный хлеб¹⁰⁶. Впрочем, все трудности были преодолены, и мы на славу попраздновали — чему немало способствовало превосходное палестинское вино, полученное от господина Глускина¹⁰⁷, главы известной винодельни в Ришон-ле-Ционе¹⁰⁸ неподалеку от Яффы. Пресный хлеб для всего батальона, который выдавался в течение восьми праздничных дней, стоил дороже обычного хлеба, полагавшегося по рациону, и я сделал запрос о том, чтобы разницу в цене погасили из армейских фондов. Местное египетское командование отказалось в моей просьбе, тогда я направился в штаб, отыскал там офицера-еврея и доложил ему, по какому вопросу прибыл. Он ответил, что, собственно, отказ исходит как раз от него. Я возразил, что считаю его решение несправедливым, ведь речь идет о еврейском батальоне, армейский совет уже обещал нам по мере возможности обеспечивать нас кошерной пищей — а насилию кормить бойцов обычным хлебом во время Пасхи значило нанести им смертельную обиду. Я сказал, что собираюсь опротестовать его решение в высших инстанциях. Он ответил: «Вам это не поможет, из генерального штаба вы получите тот же ответ». Тут он ошибся — я обратился к офицеру нееврею, который проявил больше понимания, чем еврей, и по распоряжению старшего интенданта сэра Уолтера Кэмпбелла¹⁰⁹ недостающая сумма была выплачена.

Во время пребывания в этом лагере был устроен смотр, на котором присутствовал его королевское высочество герцог Коннаутский¹¹⁰, а в конце мая состоялся еще один смотр — на нем присутствовал главнокомандующий, генерал Алленби. Оба выразили свое удовлетворение выправкой и подготовленностью личного состава, герцог Коннаутский, в частности, заметил, что, «судя по виду, это славные бойцы».

Ближе к концу обучения в Хельмии, когда я уже начал мысленно поздравлять себя с тем, что наш батальон столь преуспел в подготовке и его скоро можно будет отправлять на фронт, я получил из генерального штаба совершенно ошеломительное письмо, у которого была единственная цель — нанести нам смертельный удар. Мне предлагалось расформировать подразделение и перевести личный состав в трудовые отряды — ни больше, ни меньше! Служаки из штаба, очевидно, решили, что с помощью этого хитрого маневра избавятся от еврейской проблемы, одновременно выставив евреев на посмешнице всему миру. Я оказался в крайне непростом положении, поскольку был убежден: если расформировать баталь-

Солдаты Легиона на Пасхальном Седере в Иерусалиме в 1918 г.

он и перевести личный состав в трудовые отряды, это ляжет несмыываемым пятном на все еврейство. Я понимал: мой долг — оградить наш батальон от позора, каковой в противном случае навеки запятнает его репутацию, ибо все скажут, что единственное еврейское подразделение, собранное для участия в боевых действиях, отказалось воевать — даже за Палестину.

Тогда я приказал личному составу выстроиться поротно, отдал офицерам распоряжение напомнить бойцам про их священный долг, а также распорядился, чтобы всех недовольных за окончательным решением отсылали ко мне. Желающих перевестись в трудовой отряд нашлось лишь двенадцать человек, и к этой дюжине (мне число представлялось символическим — по одному на каждое колено) я обратился с горячим призывом. После того как я как можно красноречивее расписал им, каким позором они покроют и наш батальон, и евреев по всему миру, десятеро раскаялись в своей слабости и решительно заявили, что намереваются выполнять свой солдатский долг и продолжать службу в батальоне. Рад сообщить, что впоследствии они прекрасно зарекомендовали себя в боях, один пожертвовал жизнью во имя общего дела. Двое так и не вняли моим увещеваниям, настаивая на переводе в трудовой отряд, — полагаю, евреи должны навеки запомнить их имена. Их фамилии и их личные номера, а также причиненное ими зло навеки остались в летописи батальона. Их выпроводили из лагеря и без промедления зачислили в трудовые отряды — будто бы прокаженных.

К концу апреля 1918 г. мы с радостью приветствовали только что прибывший из Англии тридцать девятый батальон под командованием подполковника Марголина, кавалера креста «За боевые заслуги», а в качестве руководителя штатно-организационной службы, к моей величайшей радости, прибыл капитан Р. Саламан. Мы тепло приняли новоприбывших, в лагерь они вошли под звуки оркестра тридцать восьмого батальона и всеобщие приветствия. Между двумя еврейскими батальонами развернулось дружеское соперничество, и в ходе его многие проявили себя с лучшей стороны. Мы организовали один-два приема, на которые, кажется, собрался весь Каир, — убежден, что наши добрые кайрские друзья были приятно удивлены тем, как еврейские батальоны умеют работать и радоваться жизни.

Примерно тогда же Хельмию посетили доктор Вейцман, господин Джозеф Коэн и господин Ааронсон¹¹¹. Все трое обратились к личному составу с речами. Подробный рассказ господина Ааронсона о том, как турки замучили его престарелого отца и юную сестру за то, что те посмели помочь Англии, поверг слушателей в ярость. Господин Ааронсон дожил до того дня, когда его родина освободилась от турецкого гнета, но вскоре после этого погиб при крушении аэроплана на пути из Англии во Францию.

После того дня, как доктор Вейцман выступил перед нами в тот мирный вечер в Египетской пустыне, он многое совершил и много настрадался. Обладай он способностью видеть будущее, полагаю, что даже его мужественная душа дрогнула бы при мысли обо всех несчастьях и невзгодах, которые выпадут ему на его нелегком пути возвращения еврейского народа в Землю Израиля. Как мне кажется, он трудился даже с большей беззаветностью и большим упорством, чем великий Моисей¹¹². Тому всего-то нужно было одолеть упрямство фараона, а на долю доктора Вейцмана выпало одолевать тысячи упрямцев — причем многие среди них были евреями! Жаль, что этот современный вождь не обладал способностью насытить казни египетские, которыми столь удачно пользовался Моисей! Впрочем, то, сколь многое уже достигнуто в деле возвращения евреев на их родину, неоспоримо свидетельствует о гениальности доктора Вейцмана. Безусловно, именно терпению, настойчивости и искушенной дипломатии этого блистательного вождя еврейский народ обязан тем, что его главное чаяние почти воплотилось в жизнь.

Впрочем, нельзя забывать и о том, что мистер Ллойд Джордж и мистер Бальфур неизменно оказывали ему помощь и содействие.

ГЛАВА IX

ОТПРАВКА НА ФРОНТ

В конце мая обучение было завершено, и 5 июня, после крайне теплого прощания с полковником Марголиным и тридцать девятым батальоном, мы отбыли из Египта в Палестину.

Перед отправкой я, к большой своей радости, получил от генерала Робертсона следующее послание.

Отель «Савой», Каир, 4 июня 1918 г.

Дорогой полковник Паттерсон!

В канун вашего отправления на фронт хочу пожелать как Вам, так и всем офицерам и рядовым тридцать восьмого батальона королевских стрелков удачи и успеха во всем, что вам, полагаю, предстоит совершить в будущем. Мои впечатления от Вашего батальона позволяют сказать, что он не пократит славных традиций полка, к которому имеет честь принадлежать; многочисленные доброжелатели во всех частях света будут с интересом и сочувствием следить за его боевым путем.

Я горжусь тем, что хотя бы на короткое время стал причастен к истории вашего батальона.

Его всем известное достойное поведение должно быть предметом Вашей законной гордости, ибо на этом прочном фундаменте можно строитьздание боевой дисциплины; достигнутый в Хельмии прогресс обещает батальону и в будущем большие успехи.

Искренне Ваш,

(подпись) Э. Б. Робертсон.

В 38-й батальон королевских стрелков, ЕЭК

Подполковнику Дж. Г. Паттерсону, кавалеру креста «За боевые заслуги».

На полустанке неподалеку от нашего лагеря мы быстро и слаженно погрузились в поезд и вскоре уже мчались навстречу воплощению наших мечтаний о Земле обетованной.

Наш капеллан, человек мудрый и дальновидный, приказал в тот момент, когда бойцы впервые пересекли границы древней земли своих предков, протрубить в рог и произнести короткую общую молитву.

Всю ночь мы ехали по Синайской пустыне, сидя на открытых платформах, видели, как над трубой паровоза стоит столб пламе-

ни, и все это напоминало нам о скитаниях в этой самой пустыне, которые претерпели прародители тех самых людей, которых вел через ночь этот огненный столб. Сравнение осталось в силе и когда забрезжил рассвет, потому что столб пламени превратился в облачко дыма, высоко стоявшее в тихом утреннем воздухе.

Вскоре после рассвета мы миновали Газу¹¹³, где некогда совершил свои подвиги Самсон¹¹⁴, и увидели вдалеке гору, на которую он вознес городские ворота¹¹⁵. Газа — это своего рода врата, ведущие в Египет и обратно. В библейские времена она была тернием в пятке у иудеев — им никогда не удавалось надежно овладеть ею. Впрочем, время от времени Газу все-таки отвоевывали у филистимлян: как египтяне во время походов в Сирию, так и сирийцы во время походов в Египет. Оставлять этот город в руках противника — значило ставить под удар все коммуникации. Нельзя не вспомнить, что и мы дважды несли тут тяжелые потери по ходу первой попытки овладеть Палестиной в ходе Великой войны. Третья попытка, разумеется, оказалась удачной, и после падения Газы вся Филистия¹¹⁶ оказалась в наших руках.

Мы продвигались вперед, и через каждые несколько миль нам попадались исторические места, а мы смотрели на них с неослабевающим интересом. Бер-Шева¹¹⁷ находилась милях в тридцати к востоку, и мы надеялись несколько позже увидеть Дан¹¹⁸; пока же вокруг расстилалась холмистая Шефела¹¹⁹, а завершала взгорье гора Гезер¹²⁰, где Давид одержал победу над филистимлянами. Гора эта прекрасно известна всем захватчикам, которым довелось пройти через Палестину, и представители многих народов пали смертью храбрых у ее подножия. Вдали в голубоватом тумане маячили Эфраимские¹²¹ и Иудейские горы¹²², а слева время от времени поблескивали воды «Западного моря»¹²³.

Ближе к полудню мы миновали масличную рощу в Лоде¹²⁴ (древней Лидде) и там сошли с поезда. То был один из самых жарких дней на моей памяти, и марш на Сарафанд¹²⁵ под палящим полуденным солнцем в самый разгар лета, да еще и с полной выкладкой, стал тяжким испытанием для наших бойцов.

Едва мы добрались до бивуака в Сарафанде, еврейские поселенцы из Ришон-ле-Циона, Яффы¹²⁶, Реховота¹²⁷ и других окрестных поселений сотнями явились к нам на встречу с флагами и знаменами — пешком, верхом, в повозках. Они продемонстрировали, как высоко ценят своих братьев, которые прибыли из далекой Англии, чтобы помочь им отвоевать свою страну. Среди сионистов из Яффы и Ришон-ле-Циона было множество мужчин и женщин, ко-

торые уже вызвались служить в армии. Сколь приятно было наблюдать за всадниками и всадницами, прекрасно управлявшимися с лошадьми. Никакой ковбой из американских Западных Штатов не проявил бы такой сноровки. Совершенно очевидно, что среди палестинских поселенцев формируется новая, свободная еврейская раса, ибо даже дети восьми-девяти лет от роду прекрасно держатся в седле и с легкостью управляют лошадьми.

В Сарафанде мы отпраздновали первый наш палестинский шабат — по этому случаю были произнесены специальные молитвы, в том числе и та, которую написал хакам-бashi Египта рабби Симеон¹²⁸. Ришон-ле-Цион не только прислал к нам на встречу свою молодежь — нам еще доставили три бочки превосходного местного вина, которое в эти жаркие дни очень оценили наши мучимые жаждой бойцы. В Сарафанде мы провели три дня; за это время в лагере побывал с инспекцией генерал Алленби, который в очередной раз выразил свое удовольствие от увиденного. Майор Джеймс де Ротшильд приехал из Яффы, где трудился на вербовочном пункте, и пожелал нам удачи перед тем, как мы покинули благодатный Сарафанд и отправились на фронт.

Мы выступили в три часа пополудни 9 июня 1918 г. и в 20:15 того же дня достигли Эль-Кубаба¹²⁹. Сам я прошел только половину пути: меня вызвали в Каир, где я должен был председательствовать на заседании военного трибунала — судили трех офицеров военно-воздушных сил, повинных в исполнении в воздухе неразрешенных трюков. Я вернулся в наше расположение в Ум-Суфе, в нескольких милях от передовой турецкой линии. Здесь мы подверглись воздушному налету, однако никакого вреда он нам не причинил. Из Эль-Кубаба батальон направился в Бейт-Нубу¹³⁰. Вышли мы 11-го, в тот же день достигли Харита, где поступили под начало бригадного генерала Э. М. Морриса¹³¹, первоклассного вояки, командующего десятой ирландской дивизией. Из Харита¹³² батальон вышел в пять пополудни 12-го, в Ум-Суфу прибыл в десять вечера того же дня.

И вот мы оказались среди холмов Самарии¹³³. Обоз продвигался чрезвычайно медленно, поскольку дорога была очень неровной и каменистой. Колеса ломались, и собственно обоз с припасами и проч. прибыл только утром 13-го. В тот же день наш батальон был зачислен в дивизионный резерв. 15 числа, в субботу, мы впервые оказались под артиллерийским огнем — как раз в то время, когда шла молитва. Снаряды рвались совсем близко, однако никто не пострадал: боевое крещение батальон принял с бодростью. На следу-

ющей неделе наши роты прикомандировывали к подразделениям, дислоцированным на боевых позициях, чтобы бойцы могли изучить местность и усвоить, как им предстоит действовать в зоне боев. Перед отправкой в окопы нас проинспектировал командующий десятой дивизией и после инспекции одобрительно высказался об общей выправке и моральном духе боевого состава.

27 июня первая, вторая и третья роты были направлены на гарнизонные опорные пункты у линии фронта, которые занимала тридцать первая пехотная бригада — к ней мы теперь и были прикомандированы, а командовал ею бригадный генерал У. Б. Эмери¹³⁴, великолепный стрелок. 30 июня штаб батальона и четвертая рота тоже выдвинулись к фронту — мы заняли вторую линию опорных пунктов, протянувшуюся от Вади-Тиура до Вади-Белата, немного к западу от шоссе из Иерусалима в Наблус¹³⁵ (древний Шхем), там, где оно проходит через Вади-Джиб, милях в двадцати к северу от Священного города. 3 июля 1918 г. батальон сменил на левом фланге гренадерский полк тридцать первой бригады — маневр начался после наступления темноты и был завершен к 22:15.

Местность, где мы оказались, была весьма интересной. Мы стояли на вершинах холмов напротив турецких позиций; линии наши протянулись на три-четыре мили. Наш правый фланг находился в Дильджилии, симпатичной самарийской деревушке¹³⁶, а левый — в Абуэйне, крепкой арабской деревне с каменными постройками, притулившейся на склоне холма в окружении фиговых и оливковых деревьев. Между двумя этими точками линии наши петляли и извивались, будто змея, — приходилось поступать в соответствии с особенностями рельефа. Наши передовые позиции спускались в долину и были выдвинуты футов на восемьсот вперед по каменистым террасам, каждая высотой от шести до двадцати футов. Эти террасы, как и склоны холмов, были усеяны оливковыми деревьями. Пересохшее речное русло, именовавшееся Вади-Хареб, вилось по узкой долине внизу, а дальше шел очень крутой подъем к турецким позициям¹³⁷.

Наши передовые укрепления находились в нескольких сотнях ярдов ниже по склону холма на турецкой стороне — оттуда удобнее всего было вести огонь. Когда мы приняли позицию у подполковника Стронга¹³⁸, командовавшего гренадерским полком, оставалось еще немало работы: выложить каменные брустверы траншей-«сангаров»¹³⁹, прорыть окопы, проложить ходы сообщения — словом, навести на позиции порядок. Наша линия была разделена на четыре сектора, по роте на каждый: майор Нил на пра-

вом фланге держал Джильдзию, капитан Браун со своей ротой стоял в Абуэйне.

С первого же момента мы вели себя крайне активно: наши разведчики каждую ночь совершали вылазки в долину, иногда до самых передовых турецких укреплений, находящихся на противоположном склоне холма. В дневные часы на нашей стороне охранялись только опорные пункты. В каждой точке, удобной для наблюдения, находилось по двое бойцов с биноклями или подзорными трубами, у них имелся телефон — они докладывали обо всех передвижениях на турецкой линии. Как только опускалась темнота, все роты выдвигались из-за гребней холмов и занимали позиции у каменных брустверов и на оборонительных пунктах вдоль колючей проволоки. Всю ночь шло строительство, отдыхали наши несчастные бойцы совсем мало. У нас имелись секреты, вынесенные далеко за колючую проволоку, и каждую ночь усиленные разведывательные группы устраивали шум на турецкой территории. Такое агрессивное поведение вконец запутало турок — в итоге они не предприняли ни единой попытки приблизиться к нашим позициям. А когда брезжил рассвет, мы, убедившись при помощи разведчиков и лазутчиков, что поблизости нет ни единого турка, возвращались в лагерь за холмами, оставляя лишь дозорных на опорных пунктах.

Разведкой у нас командовал замечательный лейтенант, Симон Абрахамс¹⁴⁰, — он методично исследовал нейтральную территорию и не раз заслужил похвалы бригадного генерала. Абрахамс брал с собой кого-нибудь из смелых лазутчиков, например рядового Энджела¹⁴¹ (впоследствии он был награжден боевым крестом), — они наносили на карту дороги, проходы, тропы и проч. прямо под носом у турок и проделывали это столь ловко и скрытно, что враг ни разу даже не заподозрил их присутствия. Читатель, возможно, подумал, что, закончив ночные труды, бойцы наши отправлялись на покой, но это не так. Наспех позавтракав, они шли распутывать мотки колючей проволоки, строить каменные редуты и огневые позиции, прокладывать дороги по склонам холмов, хоронить павших или убитых в других лагерях животных. От батальона постоянно чего-то требовали, и любое задание, даже самое неприятное, мы выполняли с готовностью, пусть и не всегда с весельем. Все время, пока мы обороняли этот участок фронта в Наблусе, от Вади-Джеб до Вади-Хареб, бойцы постоянно исполняли какие-то поручения, так что лагерь напоминал пчелиный улей.

К бригадиру нашему все относились с любовью, но была у него одна мания — ставить заграждения из колючей проволоки, и мы

их у себя наворотили столько, что в ЕЭК стали ощущать недостаток этой самой проволоки, после чего работы приказано было прекратить.

В то же примерно время прошел слух, что скоро начнется наступление. Я очень обрадовался, когда получил от командира бригады конфиденциальное сообщение с приказом провести тщательную разведку местности на левом фланге, где планировалась внезапная атака. Нужно было найти удобный проход к укреплениям противника, по возможности скрытный, — идея заключалась в том, чтобы добраться туда, а потом неожиданным маневром зайти туркам в тыл справа. На выполнение этого важного задания я отрядил капитана Т. Б. Брауна¹⁴² — и он прекрасно справился со своей задачей. Кроме прочего, нужно было найти и нанести на карту путь для отхода, вместе с пленными и с добычей. Для этой авантюры я выбрал лейтенанта Саймона Абрахамса, который чувствовал себя на этой территории, как рыба в воде. Надежда на скорое столкновение с противником сильно подняла наш моральный дух, и перспектива предстоящего сражения, в котором мы, безусловно, покажем себя с лучшей стороны, помогала терпеть утомительные и непростые будни.

10 июля наш обоз подвергся артиллерийскому обстрелу. По счастью, лишь один мул был убит и один ранен. 14 июля в 2:30 утра началась сильная бомбардировка из орудий разного калибра, однако турки зря тратали снаряды — они не нанесли нам ни малейшего вреда. В тот же день турки и немцы перешли в наступление в долине Иордана, но их сильно потрепала кавалерийская дивизия АНЗАКов¹⁴³. Мы ждали вылазки противника и на нашем участке фронта, но вскоре после рассвета огонь утих и ситуация нормализовалась.

Пока батальон находился в передовых окопах, я каждую ночь обходил все посты, чтобы убедиться, что бойцы не дремлют и знают, как себя вести в случае нападения противника. Я приказал разместить вдоль колючей проволоки белые камни, чтобы в случае нападения в темноте по ним удобнее было целиться, расставил в разных местах артиллеристов — словом, если бы враг к нам сунулся, мы бы поприветствовали его на славу.

Во время одного из таких обходов я услышал ниже, на склоне холма, какой-то шум и приказал молодому солдату метнуть туда гранату; он не сумел до конца вытянуть чеку и сунул неразорвавшийся боеприпас в карман шинели. По счастью, стоявший рядом сержант заметил, что случилось, осмотрел гранату и выяснил, что

чека держится на честном слове! Одно неудачное движение — произошел бы взрыв и все мы взлетели бы под самое небо.

В какое бы время я ни возвращался с обхода позиций, меня всегда дожидался мой преданный ординарец, капрал Хатчинсон, держа наготове «стаканчик на ночь» — смесь, какую по силам приготовить лишь ловкой рукой опытного вояки. Хатчинсон служил у меня, еще когда я командовал батальоном ирландских стрелков, и последовал за мной, когда я принял командование дублинскими стрелками. Когда я спросил, согласен ли он перейти со мной в еврейский батальон, он ответил:

— Ух, эк оно повернулось! Понятное дело, согласен, сэр, ведь там-то я Вам еще как понадоблюсь!

Хатчинсон оставался при мне, когда мы выдвинулись в долину Иордана, но там он заболел и был отправлен в Англию. Мне его сильно не хватало, ибо он неукоснительно дежурил у входа в мою палатку и отгонял всяких незваных гостей не хуже сторожевой собаки. Не было еще в наших войсках бойца столь добросовестного и преданного, столь достойного всяческого доверия.

ГЛАВА X

НАБЛУССКИЙ ФРОНТ

17 июля нас перевели в шестидесятую дивизию и прикомандировали к одной из ее бригад. Жалко было расставаться с Десятой — у нас там появилось много добрых друзей, а все дивизионные и бригадные командиры неизменно относились к нам справедливо и с пониманием.

В тот недобрый день, когда мы меняли позиции, с лейтенантом Б. Вольфом случилось несчастье. Он отвечал за обозные телеги и занимался погрузкой боеприпасов. Погонщики, разумеется, на время погрузки спешились и стояли рядом со своими упряжками. Какой-то внезапный звук напугал лошадей в одной из упряжек, и вся четверка помчалась прочь в бешеном галопе. Неслись они прямо на стоявших неподалеку бойцов, и, увидев это, лейтенант Вольф предпринял смелую попытку остановить их, прыгнув на морды кренников, мчавшихся мимо. Увы, лошади мчались слишком быстро, он попал под копыта, а потом и под колеса телеги.

Я навестил его в госпитале, моему примеру последовали наш капеллан и многие другие, мы как могли, пытались его подбодрить, однако 20-го числа он умер, и смерть эта мрачной тенью пала на весь батальон, ибо был он добрым офицером и хорошим евреем, а посему пользовался любовью среди всех чинов. Похоронили его по полному еврейскому обряду — собрался «миньян»¹⁴⁴ из наших бойцов. В особом приказе командующий высоко отозвался о его мужественном поступке и о том, что он пожертвовал жизнью в попытке спасти других.

24 июля доктор Вейцман попросил меня привезти представителей батальона — как офицеров, так и рядовых — в Иерусалим на интереснейшую церемонию: закладку на горе Скопус Ерейского университета¹⁴⁵. Когда-то, во времена былого величия, в Иерусалиме занимались толкованием Закона. Возможно, что и в наши дни из храма наук, вознесенного над Святым Городом, будут звучать слова мира и доброй воли. Место для постройки выбрали великолепное. С одной стороны открывается вид на купола и минареты Иерусалима, с другой — на долину Иордана и на Мертвое море, а вдали просматриваются зеленые Моавитские горы¹⁴⁶.

Дж. Г. Паттерсон. Наблусский фронт.

Сама церемония тоже оказалась довольно примечательной. Присутствовал главнокомандующий, а кроме него — гражданские и религиозные лидеры еврейской, христианской и мусульманской общин; помимо того, на склоны Скопуса¹⁴⁷ стеклось из Иерусалима множество людей — вроде бы хороший знак в пользу грядущего мира и согласия. То было действительно волнующее историческое событие, предвещавшее университету славу в грядущем. Камни в основание заложили епископ иерусалимский, а также муфтий — глава исламского духовенства. Еще один камень заложил, от имени еврейского легиона, доктор Вейцман; на меня же самое сильное впечатление произвело то, как дети-евреи заложили камень, символизировавший Надежду Израиля.

По возвращении в наше расположение я обнаружил, что штаб перенесли в красивую оливковую рощицу на Иннискиллинг-Роуд, примерно в двух милях от линии огня. Пока мы стояли там, наш капеллан, преподобный Л. Фальк, обнаружил под слоем грунта на склоне одного из холмов красную гранитную колонну. Мы откопали ее и обмерили — оказалось, что высотой она около двенадцати футов, а в диаметре около двух.

Колонну мы поставили у себя в лагере, в оливковой роще. Я немало смущил нашего доброго реббе, отпустив шутку в том смысле, что мы тут возводим алтарь Ваала¹⁴⁸ — в роще, в таком древнем месте! Слухи о нашей находке быстро расползлись, и из Иерусалима прибыл на автомобиле губернатор, полковник Сторрс¹⁴⁹, в сопровождении своего помощника лорда Уильяма Перси¹⁵⁰. Они отбедали с нами, и я, к своей великой радости, отметил, что лорд Перси всей душой болеет за сохранение палестинской фауны: он убедил генерала Алленби ввести жесткие запреты на отстрел местных животных и птиц.

Перевод в шестидесятую дивизию поначалу никак не отразился на нашей дислокации, однако чуть ли не сразу после того, как мы вошли в состав новой бригады, мы ощутили на себе враждебность ее командира ко всему еврейскому. За дружеской послеобеденной беседой я попытался смягчить его пристрастное отношение к нашему батальону, напомнив, сколь многим мы обязаны «народу Книги» за его колоссальный вклад в достижения цивилизации и науки за последнюю тысячу лет. За все эти долгие века борьбы за существование, живя в изгнании, под гнетом постоянных мук и репрессий, евреи не утратили давней веры в возрождение Израиля. У меня сложилось впечатление, что генерал, как и многие люди, имеет самое смутное представление о целях сионизма, каковые сводятся к одному: создать национальный очаг в Палестине, где евреи, вновь укоренившись в родной почве, смогут жить современной жизнью в соответствии с их древними идеалами. Я до определенной степени просветил генерала по еврейскому вопросу, но красноречие мое пропало втуне, ибо обратить его в новую веру я так и не смог, и в конце беседы он дал мне понять, что сам я зря трачу время, болтаясь в этом еврейском батальоне!

Впрочем, хотя бригадир оказался в определенном смысле прав, когда заявил: «Никакой личной выгоды Вам с этого не будет»¹⁵¹, он одновременно и ошибся, поскольку служба в еврейском батальоне дала мне очень многое. Я, например, очень доволен тем, что, несмотря на все чинившиеся ему препятствия, еврейский батальон смог доказать, что бойцы его достойны лучших традиций Маккавеев, мужественных еврейских бойцов, которые не раз одерживали в жестоком бою верх над легионами Антиоха и освободили Иудею от чужеземного владычества.

Впрочем, славу любого батальона составляет не одно лишь умение воевать, и наш еврейский отряд подтвердил это во многих испытаниях, что далее будет ясно из моих записок. Нам неустанно

приходилось рыть траншеи, строить каменные укрытия, прокладывать дороги по склонам холмов, причем трудились мы и днем, и ночью; при этом, какое бы задание ни давали бойцам, выполняли они его с готовностью и споровкой.

Слухи о том, что на нашем участке фронта планируется атака на турецкие позиции, приняли внятную форму; намекали даже и на точную дату наступления. За несколько дней до предполагаемой даты бригадир дал нам специальное задание: подготовить несколько огневых позиций с каменным ограждением чуть ли не в виду у турок, над самой деревушкой Джильджилия. Поскольку мы упомнили на то, что в награду получим право участвовать в наступательной операции, трудились все с особым рвением, в особенности же — два наших лейтенанта-христианина, Стенелюс¹⁵² и Стерилитис¹⁵³. Оба поражали британских пушкарей тем, с какой легкостью они ворочали каменные блоки, — а способствовали тому недюжинная физическая сила и особый душевный подъем. Велись работы под руководством майора Нила, причем завершить их необходимо было в рекордный срок, так что задача ему досталась не из легких. Однако, на его счастье и на счастье его бойцов, турки так и не заметили этих приготовлений, и еще до того, как нас перебросили в другое место, майор Нил увидел, что орудия стоят на надежно укрепленных позициях, из его же людей никто не пострадал.

Ворочать камни на крутых склонах, постоянно участвовать в строевых учениях, да еще и лазать вверх-вниз по горам — все это не лучшим образом отражается на одежде: обмундирование поизносилось, изорвалось и перепачкалось. Один неверный шаг на скользком склоне — и легкие шорты рвутся по шву; мы уже привыкли, что из многих хвостиком торчит подол рубахи! Но хотя бойцы выглядели оборванными и неряшливыми, добиться замены обмундирования я не мог — притом, что в другие подразделения требуемое доставляли без перебоев. Похоже, кому-то доставляло удовольствие отказывать нам в самом необходимом — рубахах, сапогах, носках, шортах и проч., заставляя при этом наших бойцов выполнять самую грязную работу, чтобы потом можно было радостно сказать: «Глянте-ка на этих грязных, оборванных евреев». Стоит также напомнить, что воды нам не хватало даже на то, чтобы умыться, — каждую каплю приходилось доставлять по обрывистым склонам сначала на верблюдах, до той точки, куда они могли вскарабкаться, а дальше, по самой круче, — на мулах и ослах. Иногда драгоценной влаги недоставало даже на то, чтобы приготовить чаю.

Я вновь и вновь слал настойчивые запросы, докладывал, что за отсутствием обуви мы не можем проводить строевую подготовку, что многие бойцы фактически ходят нагишом. Раз за разом я посыпал нашего интенданта лейтенанта Смайта¹⁵⁴ на склады, дабы раздобыть хоть самое необходимое, — но безрезультатно! Мы были детьми, лишенными признания, и ничего нам не доставалось. Я доложил командующему бригадой, что почти все наши бойцы ходят в лохмотьях — без рубах, носков и обуви, но если он и попытался оказать нам какое-то содействие, ни к каким результатам это не привело.

Если бы батальон наш входил в состав бригады, а не был «прикомандирован» к ней, большей части этих проблем попросту не возникло бы, однако местные власти были верны своей политике — чтобы мы оставались «вечными жидами»¹⁵⁵, которых гоняли из одной бригады в другую, так что полевая почта за нами не успевала. Положение не из приятных, что подтвердит вам любой военный. Кончилось тем, что я направился к старому своему приятелю по Галлиполийской операции полковнику О'Харе¹⁵⁶, состоявшему при штабе десятой дивизии, и он, будучи славным воякой, сделал все, чтобы помочь мне одолеть мои затруднения.

Какое несказанное облегчение — встретить наконец толкового штабного офицера! К подбору людей на эти важнейшие армейские должности у нас подходят слишком легкомысленно. При назначении их, как правило, учитывают все, кроме главного — деловой хватки. Бригаде, к которой нас прикомандировали, повезло: там имелся хотя бы один достойный штабной офицер. Старший офицер штаба оказался удивительно толковым и всегда был готов помогать нам всем, что было в его силах.

Что касается командира бригады, то он, к немалому моему тайному изумлению, частенько апеллировал в моем присутствии к некоему полковнику Н., занимавшему более низкую должность, чем я, — он командовал сектором, расположенным справа от нас. Если я, к примеру, строил «сангар» с удобной огневой позицией, тот обязательно находил в нем недостатки и настаивал на строительстве нового, место для которого они выбирали совместно. Однажды ночью бравый бригадир явился на мой наблюдательный пункт. Понятное дело, по его разумению, он оказался не на том месте, и они с полковником Н. стали решать, куда бы его перенести.

— Не кажется ли вам, что ему самое место на крыше вон того дома? — обратился к полковнику генерал.

Полковник вскарабкался на крышу дома, поозирался в непротяжной тьме, спустился обратно и доложил, что совершенно согласен с генералом, все именно так и есть — хорошо вышколенные полковники с видами на повышение по службе всегда только так и отвечают!

Засим мне приказали перенести наблюдательный пункт на крышу того самого дома, совершенно плоскую, то есть наблюдатель оказался бы на виду у всех окрестных турок на многие мили вокруг! Я, понятное дело, ни разу никого не отправил на эту идиотскую позицию.

Примерно в то же самое время один из наших рядовых, очень еще молодой человек, заснул на посту — а поскольку для часового нет более тяжкого преступления, его отправили под трибунал и приговорили к расстрелу. Несколько дней спустя пришла телеграмма от начальника армейского полицейского управления с приказом этапировать провинившегося, под усиленной охраной, в тюрьму, находившуюся довольно далеко. Я опасался, что на следующем же рассвете беднягу расстреляют. Я знал, что до того, как заснуть на посту, он двое суток работал без перерыва; при этом поведением отличался безупречным и был еще совсем молод. И я решил попытаться его спасти. Я отправил генералу Алленби частную депешу с просьбой помиловать провинившегося на основании вышеуказанного.

Мой друг-бригадир прочитал депешу еще до отправки и запретил ее посыпать. Однако один из моих бойцов-сигнальщиков сообщил мне об этом. Я тут же написал генералу Алленби конфиденциальное письмо, вручил мотоциклиstu и отправил в виде экстренного донесения в генеральный штаб, до которого было миль тридцать. Мотоциклиstu я приказал выжать из машины все, что можно, ибо от скорости его зависела человеческая жизнь. Рад сообщить, что генерал Алленби не только отменил приказ о расстреле, заменив его несколькими годами тюрьмы, но отсрочил даже и это наказание — если помилованный достойно будет исполнять свой солдатский долг. Юный боец вернулся к нам в приподнятом настроении, преисполненный благодарности за свое избавление. Впоследствии он неоднократно показал себя с самой лучшей стороны и в итоге не провел в тюрьме ни единого дня.

Однако бригадиру мало было перехваченной депеши — он специально проехал много миль, чтобы пересказать всю эту историю дивизионному генералу сэру Джону Ши¹⁵⁷. Меня соответственно вызвали к нему, не сообщив, по какому поводу. Выяснил я это,

только когда услышал: «Вы ведь понимаете, что наживете неприятности, если и дальше будете посыпать депеши напрямую главнокомандующему». Тут только до меня дошло, в чем причина вызова.

Я доложил генералу все обстоятельства случившегося и сказал, что в силу срочности подобный поступок, по моему мнению, оправдан. К этому я добавил, что обращался к главнокомандующему не как к таковому, но как к генералу Алленби, офицеру, с которым знаком уже много лет. Кроме того, я сознался: узнав, что депеша перехвачена, я немедленно написал генералу Алленби письмо и отправил его с нарочным на мотоцикле. При этом известии генерал Ши сделал вид, что пришел в полный ужас, — для восстановления душевных сил ему даже понадобился коктейль; второй, должен заметить, подали мне. Не знаю, как он оценил действия бригадного генерала, — и предоставлю читателю самому вообразить, что обо всем этом подумал я!

Несколько дней спустя я завтракал с генералом Ши, и он позабавил меня, рассказав, что дома читал своим детям, по их горячей просьбе, историю про львов из «Людоедов из Цаво»¹⁵⁸!

Я заметил, что бригадир и полковник Н. часто о чем-то совещаются, и понял, что зреет очередная интрига. Мне, однако, и в голову не приходило, что если бы план их удался, был бы нанесен сокрушительный удар по самой идее еврейских батальонов. Впрочем, вскоре все вышло наружу. После разговора с дивизионным генералом меня вызвали к телефону для разговора с бригадиром, и тот с явным удовольствием в голосе сообщил:

— Довожу до Вашего сведения, что Ваш батальон, равно как и тридцать девятый (который тогда находился на пути из Египта), объединят в одну бригаду с двумя батальонами из Вест-Индии. Командовать вами будет полковник Н., которого только что произвели в генералы, и живет он теперь поблизости от моей ставки. Вы вскоре убедитесь, какой генерал Н. приятный человек.

Я поблагодарил бригадира за эти любопытные сведения и повесил трубку. Я ясно сознавал: мой долг — либо пресечь вторую попытку задушить саму идею еврейских батальонов в Палестине, либо сложить с себя полномочия командира. Задача оказалась непростой, ибо наши добрые друзья провели немалую тайную работу и обрадовали меня этим сюрпризом только в тот момент, когда все уже было окончательно решено. Полковник Н. действительно был назначен командиром; в новую бригаду уже определили начальника штаба и старшего квартирмейстера, для нее уже организовали обозный и артиллерийский отделы и отправили их в Иерихон¹⁵⁹.

Все это, разумеется, происходило с ведома генерального штаба, так что я понимал, как непросто будет убедить главнокомандующего отменить приказ о создании новой бригады. Я знал, что должен занять очень твердую позицию — иначе не отвратить этот удар, который значительно поколеблет престиж евреев. Соответственно я отправил напрямую генералу Алленби крайне жесткое письмо, указав, что если привести этот план в исполнение, он будет иметь крайне нежелательные последствия. Генерал-адъютант из военного министерства уже давно пообещал, что в свое время еврейский батальон войдет в состав еврейской бригады. Проигнорировать это обещание — значит нанести прямое оскорбление как бойцам еврейских батальонов, так и всему мировому еврейству. Мне неудобно отрывать главнокомандующего от более важных дел, однако я считаю своим долгом по отношению к нему, к моим бойцам, к самому себе и ко всему еврейству сделать все от меня зависящее, чтобы интересы евреев не попирали, — пока я остаюсь командиром, я не стану об этом молчать. Я попросил отменить приказ, а в случае, если это не будет сделано, — освободить меня от моей должности.

Я занял правильную позицию — доказательством того может служить крайне благожелательный ответ генерала Алленби, в котором он благодарит меня за мое письмо и добавляет:

«Я понимаю, сколь нежелательно объединять евреев и бойцов из Вест-Индии в одну бригаду, и уже принял решение не делать этого. Я намерен создать неполную бригаду из двух еврейских батальонов, из которых впоследствии можно будет сформировать полноценную бригаду, командовать которой будете Вы».

Весь тон этого письма свидетельствует о том, что попытка слияния еврейских и вест-индских батальонов стала результатом крайне пристрастных советов, которые генерал Алленби получал от сотрудников своего штаба.

Через несколько часов после того, как я получил ответ от генерала Алленби, из генерального штаба пришла депеша, отменявшая все уже отанные распоряжения по созданию новой бригады. Тем самым и из второго раунда поединка за справедливое отношение к еврейским батальонам, да и вообще к еврейским идеалам, я вышел победителем.

При этом я прекрасно понимал, что моя борьба за правду вызовет глубочайшее негодование у некоторых сотрудников генерального штаба и что рано или поздно я понесу наказание за то, что не позволил им осуществить их мелкий заговор.

ГЛАВА XI

ПЕРЕХОД В ИОРДАНСКУЮ ДОЛИНУ

Через два дня после получения письма от генерала Алленби, в котором он отменял все распоряжения о создании смешанной бригады, мы внезапно получили приказ, согласно которому нам предстояло переместиться с уютных и прохладных холмов Эфраима в пышущую жаром и зараженную лихорадкой долину Иордана, лежащую в 1300 футах ниже уровня моря, — причем шел самый жаркий и самый нездоровыи месяц года. Мы, разумеется, восприняли приказ о переброске в эту смертоносную долину вполне бодро, понимая, что «кто с доблестью дружен, тем довод не нужен». При этом мы понимали, что перевод с наблусского фронта как раз в тот момент, когда вот-вот должно было начаться наступление, ради которого мы столько потрудились своими лопатами, — это удар ниже пояса. Оставайся мы под командованием генерала Эмери, он, я уверен, дал бы нам возможность проявить себя в атаке, которая была намечена на 12 августа 1918 г.

Даже когда нас перевели в бригаду шестидесятого дивизиона, мы все еще надеялись, что примем участие в наступлении, — ведь, как я уже говорил, мы тяжким трудом подготовили этот прорыв, но — увы! Нас вывели с передовой линии и отправили на другой фронт всего за три дня до наступления. Можно было подумать, что наши враги опасаются, как бы мы не зарекомендовали себя с лучшей стороны, как бы слухи о нашем мужестве не распоплзлись по всему миру, посрамив наших недоброжелателей.

9 августа мы выступили из нашего замечательного лагеря на Иннискиллинг-Роуд, где было так приятно отдыхать в благословенной тени олив, произраставших там в изобилии, и со всем снаряжением двинулись к Рамаллаху¹⁶⁰ — первой промежуточной стоянке, где мы должны были разбить лагерь. Там нам предстояло дожидаться дальнейших распоряжений командира пятьдесят третьей дивизии — штаб ее располагался в этом древнем городе. До лагеря мы дошли только к полуночи и сразу обнаружили, что кто-то с большим тщанием подобрал нам место для стоянки — фактически на голых камнях. Надо думать, в древние времена, когда модным способом казни было побивание камнями, происходило

это именно здесь — и с тех пор никто так и не собрал эти камни! Впрочем, никто не роптал; каждый расчистил себе местечко, чтобы лечь на непромокаемую подстилку, и после тяжелого дня все скоро погрузились в сон. В этом замечательном месте мы провели чуть ли не двое суток, а потом, в середине дня 11-го, выступили на Иерусалим, где поступили в распоряжение корпуса пустынной кавалерии.

Мы встали лагерем примерно в миле от Иерусалима. На место пришли уже затемно, так что до рассвета город был скрыт от нас завесой тьмы. В тот первый вечер я отужинал в непринужденной и гостеприимной обстановке с генерал-лейтенантом сэром Филиппом Четвудом¹⁶¹, командующим двадцатым корпусом, в его штабе, располагавшемся в странноприимном доме немецкой миссии на Масличной горе.

На следующее утро я проснулся около пяти утра. Дымка как раз рассеивалась, и я разбудил всех, кто находился поблизости, чтобы они могли бросить первый взгляд на Священный город. Офицеры мои сильно вымотались накануне, поэтому едва приоткрыли заспанные глаза, а после вновь завернулись в одеяла. Потом наши бойцы провели в Иерусалиме целое утро — они посетили знаменитую Стену Плача^{161a}, единственную часть древнего Храма, уцелевшую до наших дней. Колossalные каменные блоки, из которых она сложена, выглядят столь же неподвластными разрушению, как и упорный народ, который много веков назад вырубил их, отформовал и уложил каждый на свое место. На этих камнях отчетливо виден «еврейский скос». Почти две тысячи лет евреи рыдали и плачали у этой стены, прижимаясь лбом к камню и обильно орошая его слезами. Евреи, скорбящие о своем разрушенном Храме, — зрелище чрезвычайно жалостное и любопытное. А вот евреи-прошайки, которым дозволено околачиваться поблизости от Стены Плача, — зрелище не из приятных, и я очень надеюсь, что одним из первых своих постановлений сионисты изгонят отсюда этих представителей своего народа.

Доехать на автомобиле от Иерусалима до Вифлеема¹⁶² можно всего за несколько минут. Неподалеку от Вифлеема, у дороги, находится гробница Рахили¹⁶³, а почти напротив нее — поле, где когда-то собирала колосья Руфь.

В тот же день (12 августа) в половине пятого пополудни мы прошли маршем под стенами Иерусалима, миновали Дамасские ворота, обогнули Гефсиманский сад и вышли на дорогу, ведущую на Иерихон. В одном месте мы приостановились и оглянулись на

Иосафатову долину¹⁶⁴. Нам предстало великолепное зрелище — узкий Кедрон¹⁶⁵ отделял нас от стен Великого города, над бывшим храмом возвышалась мечеть Омара¹⁶⁶, перед нами стояли загадочные Золотые ворота¹⁶⁷, накрепко запертые, а закатное солнце золотило склоны горы Сион¹⁶⁸.

С тех пор мне довелось видеть Иерусалим с разных точек, но я убежден, что нет вида прекраснее и величественнее, чем этот, с поворота дороги на Иерихон, где она огибает Масличную гору у начала спуска к Вифании. Я останавливал здесь каждый взвод, чтобы они могли полюбоваться этим славным зрелищем — зрелищем, которое, увы! многим из них не суждено было увидеть вновь.

Мы встали лагерем милях в трех от Иерусалима и на следующее утро (13 августа) по темноте прошли маршем через Вифанию и в половине третьего пополудни достигли лагеря в Талаат-эль-Даме. Я доложил о нашем прибытии генералу Шовелю¹⁶⁹ из Австралийской кавалерийской дивизии — здесь располагался ее штаб — и из его домика полюбовался великолепным видом на прекрасную и пустынную Иорданскую долину¹⁷⁰, лежавшую передо мной как на ладони.

Талаат-эль-Дам — странное, неприютное место. Он упомянут в Книге Иешуа под названием Адумим¹⁷¹ и служит вратами к Иудейской пустыне. Красновато-желтые безжизненные холмы, узкие каменистые долины и в лучшие времена выглядят неприглядно, мы же еще попали туда в самое пекло.

Из-за какой-то штабной неразберихи у нас забрали всех выочных животных. В итоге мы оказались в этом богом забытом месте без шатров, без укрытия, без крошки продовольствия; солнце же палило немилосердно. В конце концов, уже перед самым закатом, доставили на грузовиках наш багаж и припасы; полдник и ужин объединили, после чего в сонной пустыне опять воцарился покой.

Когда безжалостная жара чуть-чуть спала, я вместе с нашим падре дошел до древней развалины, стоявшей на вершине холма, который нависал над дорогой. Выяснилось, что это замок какого-то свирепого разбойниччьего главаря, жившего здесь в незапамятные времена и обиравшего всех путников без разбора. Это место издавна считалось оплотом разбойничьих банд, которые останавливали, грабили и даже убивали путников, следовавших из Иерусалима в Иерихон и обратно. Именно здесь добрый самаритянин возливал масло и вино на раны несчастного странника, который попал в руки разбойников¹⁷². Идеальное место для разбойниччьего логова — отсюда открывается прекрасный вид на практически единствен-

ную дорогу, по которой караваны могут пересекать эту страшную, выжженную солнцем пустыню.

На рассвете мы без всякого сожаления покинули лагерь и так бодро зашагали вперед, что вскоре настигли кавалерийскую бригаду — пришлось из-за них сбавить темп! Потом пошел крутой спуск в Иорданскую долину: слева от нас находилось Вади-Келт¹⁷³ — непригодное для ходьбы русло петляло между булыжниками по дну долины, а до него было несколько сотен футов отвесной стены. Некоторые считают, что именно сюда вороны приносили пищу пророку Илии, однако доказано вполне неоспоримо, что Хороф, где скрывался Илия¹⁷⁴, — это нынешний Вади-Фусейль. Он впадает в Иордан с запада, поблизости от так называемой скалы Орива. Меня это навело на мысль, что «вороны», о которых говорится в Библии, — не птицы, а люди, поскольку «орив» и означает «ворон».

Известно, что существовал некий князь по имени Орив¹⁷⁵ — о его смерти повествуется в Книге Судей (7:25). Кроме того, известно, что на Востоке члены многих племен берут себе имя своего князя или вождя, так что, возможно, существовало племя, называвшееся «оривим» (множественное число от «орив»). Убит князь Орив был именно на скале Орива, она и по сей день известна как Тель-эль-Орваим. Более того, место это находится в Галааде¹⁷⁶, где когда-то жил Илия, так что бегство в эти края было бы для него естественным поступком, и здесь утром и вечером ему приносили хлеб и мясо его друзья оривим, или вороны. Обратимся также к четвертому и девятому стиху семнадцатой главы Третьей Книги Царств: «Воронам Я повелел кормить тебя там» и «Я повелел женщине-вдове кормить там тебя». Возможно, что вороны все же были не птицами, а людьми, а наши древние и мудрые толмачи ошибочно приняли их за птиц, потому что не знали о возможном существовании племени оривим, или воронов.

Мы шли дальше по безжизненной Иудейской пустыне, по тем местам, куда Первосвященник каждый год выпускал Козла Отпущения¹⁷⁷, на голову которого падали все грехи детей Израиля. Иногда вдали, справа, среди унылых, пыльных, сернистого цвета холмов мелькал изумрудный отблеск вод Мертвого моря, а слева, на краю долины, высилась гора Искушения.

Как только мы спустились в Иорданскую долину (арабы называют ее Гхор), для наших бойцов начались истинные испытания. Жара стояла немилосердная, продвигаться было очень тяжело — под ногами больше не было гладкой, хорошо убитой дороги. Шли

мы по щиколотку в пыли; пыль была очень мелкой, похожей на лучший цементный порошок. Целые клубы этой пыли поднимались из-под ног и набивались в легкие, сами же ноги при каждом шаге буквально засасывало, приходилось вытягивать их с усилием, будто за подошвы нас тянул какой-то дьявол. Шестнадцать взводов, входивших в состав батальона, двигались на большом расстоянии друг от друга, чтобы меньше страдать от этой удушающей, слепящей сернистой пыли.

Иерихон, пальмовый город, лежал справа от нашего пути. Мы прошли по его окраинам и встали на отдых возле древнего Иерихона, стены которого, как повествует Библия, чудесным образом обрушились при звуках труб, зазвучавших по повелению Иисуса Навина¹⁷⁸ около трех тысячелетий тому назад. Мысль об этом мгновенно подстегнула всех бойцов-евреев, и хотя марш был тяжелым, да и самое трудное было еще впереди, наши люди с честью вынесли это испытание, сошли с марша совсем немногие. А тем, кто падал с ног, оказывал помощь наш падре, достопочтенный Л. А. Фальк, — он ссужал свою лошадь бойцам, у которых были сбиты ноги, нес вещмешок и винтовку за тех, кто выбился из сил, — стараниями его все дотянули до лагеря. На сей раз добрым самаритянином с дороги на Иерихон оказался наш святой отец.

Вскоре после того как мы выступили из-под стен Иерихона, перед нами взметнулся огромный столб мелкой черной пыли — конец его терялся в небе — и стал медленно, грациозно извиваться, указывая дорогу к удобному месту для лагеря. Мы разбили его на берегах дивного прохладного ручья; тогда столб исчез. Я счел его добрым знаком, предвещающим нам успех в Иорданской долине, ибо в очередной раз детям Израиля предводительствовал столб облачный.

Штаб Австралийской кавалерийской дивизии находился неподалеку от нашего лагеря, там меня гостеприимно встретил и накормил завтраком генерал-майор Х. У. Ходжсон¹⁷⁹, дельный и толковый командир. Генерал сказал, что на следующий день устроит батальону смотр, во время марша в новый лагерь в Аудже¹⁸⁰.

На следующее утро, пока бойцы отдыхали и освежались на берегах Наамеха (ибо так назывался этот ручей), я проехал верхом дальше по долине, к востоку от Иерихона; меня сопровождал падре. Мы двигались по Вади-Келт: там, где вода когда-то заливала берега, росла сочная трава, свидетельствуя о том, сколь плодородной может быть эта долина, если провести в ней ирригацию. Мы пытались отыскать следы древнего Гилгала¹⁸¹, где находился ген-

ральный штаб Иисуса Навина, и в конце концов наткнулись на похожее место милях в трех к юго-востоку от древнего Иерихона. Собственно, отыскали мы какие-то очень древние каменные стены, скрытые среди поросших травой курганов, но стояли они примерно на том месте, где и должен был находиться Гилгал: убежден, что если провести там раскопки, можно сделать совершенно удивительные открытия.

Мы бегло осмотрели руины, после чего я предложил падре съездить позавтракать в Иерихон — возможно, удастся отыскать там какой-нибудь караван-сарай. И вот в поисках какого-никакого постоянного двора мы направились к современному Пальмовому городу. Он оказался неопрятным скоплением жалких хибар — мы примерно того и ожидали. Однако вскоре на нашем пути попалось здание с претензией на элегантность, на котором было выведено «Отель «Гилгал». Пусть по поводу древнего Гилгала у нас и остались некоторые сомнения, теперь перед нами был современный — и это открытие порадовало нас даже больше первого, поскольку по ходу нашей исследовательской экспедиции оба мы не на шутку проголодались.

Когда мы заехали во двор, к лошадям нашим кинулась дюжина арабчат-оборванцев — каждый норовил ухватить повод в надежде на бакшиш¹⁸². Их гомон привлек внимание пожилой дамы, которая выплыла из дверей, разогнала лишних мальчишек и громко позвала: «Виктория! Виктория!» На это столь привычное нам имя сверху откликнулся мелодичный голос и, подняв глаза, мы увидели крепкую барышню с кожей оливкового цвета, стоявшую на балконе. Воспоследовал бурный обмен репликами между матерью и дочерью, после чего Виктория, изумительно изъясняясь по-английски, пригласила нас к завтраку. Мы попировали на славу — вернее, так нам показалось — мы уже привыкли к простой походной пище. Особенно меня поразил мед, который, как сообщила Виктория, брали из улья прямо в саду. Молоко тоже оказалось отменным, да и недостатка в нем не было — вот мы и попали в «землю, текущую медом и молоком»¹⁸³. Перед тем как откланяться, я спросил у прелестной хозяйки, как так получилось, что ее, сирийскую барышню, величают Викторией, на что она без тени смущения воскликнула: «Потому что я — королева Иерихона»¹⁸⁴.

Некоторое время спустя я еще раз специально приехал в древний Иерихон. Разумеется, за три с лишним тысячелетия, протекших с того момента, когда Иисус Навин захватил этот город, его скрыли наносы, и теперь он лежит под слоем почвы, смытой

с Иудейских холмов. Однако перед самой войной группа археологов начала там раскопки и успела открыть несколько строений древнего города, лежащих в двадцати-тридцати футах ниже уровня почвы. Там сохранились остатки дверных проемов, закрепленных в кирпиче, однако сами двери превратились в уголь — видимо, в результате пожара, который вспыхнул в городе по повелению Иисуса Навина. Нельзя забывать, что «проклят пред Господом тот, кто восставит и построит город сей Иерихон; на первенце своем он положит основание его и на младшем своем поставит врата его» (Книга Иисуса Навина. 6:25).

В пять часов пополудни того же дня наш батальон рас прощался с удобным бивуаком у ручья Наамех; мы вброд перешли его прохладные воды и прошагали, в густом облаке пыли, еще мили три по долине. Тут я заметил, что генерал Ходжсон стоит на дальнем краю крутого нулла¹⁸⁵ и оттуда делает нам смотр. Я пришпорил коня и вскоре оказался рядом с генералом и его старшим адъютантом капитаном Бакстоном. Уверен — никогда еще смотр не проходил в столь причудливых обстоятельствах.

Бойцы шли колоннами по четыре, повзводно, спускаясь по крутым склону и поднимаясь на следующий, и проходили мимо генерала, который, похоже, ожидал, что строй они будут держать так же ровно, как если бы дело происходило в Олдершоте¹⁸⁶. Самое удивительное заключалось в том, что они действительно держали строй, шли плечом к плечу, невзирая на все неровности почвы и на то, какой груз каждому приходилось нести. Пыль покрывала их ровным слоем с ног до головы. Лиц было не разглядеть, за исключением пары глаз, которые, мигая, вовсе скрывались из виду, — казалось, всех этих людей окунули в бочонок с мукой, а потом еще разукрасили копотью, потому что по запыленным лицам стекал ручейками черный пот. Я в жизни не видел столь потешного зрелища, бойцы же мои оставались серьезны, как совы. Я с трудом сдерживал смех, когда по команде «Смотреть влево!» они дружно обратили эти свои комичные физиономии к генералу.

Я заметил, что смотр на такой пересеченной местности — серьезное испытание, на что генерал ответил: «Именно для этого я и здесь. Я хотел понаблюдать, как они проявят себя в самых сложных обстоятельствах, и должен поздравить Вас: и выправка, и выдержка у них отличные».

В тот день батальон действительно проявил себя с лучшей стороны, хотя испытание ему выпало нелегкое, особенно если принять во внимание пыль и жару, а также непомерный груз, который

приходилось нести несчастным бойцам, — он был распределен по всем мыслимым частям тела.

Мы прошли еще миль шесть в направлении нашего лагеря на Аудже, и тут нас встретил майор из двенадцатой кавалерийской бригады, энергичный штабной офицер, который не просто прибыл сам, но и предусмотрительно прихватил с собой проводников, дабы провести нас в лагерь по темноте. Нельзя забывать, что мы находились в поле зрения и в зоне обстрела турецких постов, поэтому крупные массы войск должны были перемещаться по темноте. Мы рады были добраться до лагеря на Аудже, где нас ждало множество прохладных тенистых уголков под кронами деревьев, в изобилии растущих на ее берегах.

Дорога на Вифлеем. Могила Рахили (открытка из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

ГЛАВА XII

НАША ПОЗИЦИЯ НА МЕЛЛАХЕ

Мы теперь были прикомандированы к двенадцатой кавалерийской бригаде, которой командовал бригадный генерал Д. Т. Уиган¹⁸⁷, и в течение 16, 17 и 18 августа выдвинулись в сектора Д и Е передовой линии обороны Пустынного корпуса¹⁸⁸, сменив девятнадцатый полк индийских копейщиков и шестой индийский кавалерийский полк. Увы, нам суждено было провести лишь несколько дней в составе двенадцатой бригады — вскоре после нашего прихода ее передислоцировали в Лод¹⁸⁹.

В том месте, где находились наши окопы, ширина Иорданской долины около пятнадцати миль и дно ее расположено примерно на тысячу двести футов ниже уровня моря. Дно в большей своей части плоское, однако тут и там его пересекают глубокие овраги — то узкие, то шириной в несколько сотен ярдов, обрамленные отвесными утесами высотой от тридцати до пятидесяти футов. Глядя на долину с окружающих ее холмов, заметить эти расселины совершенно невозможно. По дну одной из этих расселин и течет река Иордан — местами на глубине от пятидесяти до ста футов ниже общего уровня дна долины.

Вади-Меллаха — это еще одна гигантская трещина, или расселина, пролегающая примерно в миle к западу от Иордана, почти параллельным курсом. В длину она около десяти миль, в ширину — от нескольких ярдов до почти мили. С обеих сторон ее обступают крутые утесы и склоны, так что русло Меллахи — одно из самых жарких и душных мест на земле, а еще, будто бы этого мало, кое-где от голых, безжизненных берегов и русла поднимаются отвратительные миазмы. Крошечный мутный ручеек петляет по долине в жаркое время года, в некоторых местах превращаясь в обширные, заросшие тростником болота. Вода в нем настолько соленая, что взять каплю на кончик языка — и то испытание. В этой долине, милях в трех от того места, где ручеек этот впадает в реку Ауджа (будучи ее притоком), и расположился наш штаб — столовой нам служила тростниковая хижина, которую мы поставили под единственным деревом в этом неприютном месте. Разумеется, лагерь пришлось расположить на самом дне рассели-

ны, в противном случае мы оказались бы в поле зрения и под обстрелом турок.

Вади-Меллаха образовалась на протяжении долгих лет за счет потоков воды, стекавших с Иудейских и иных гор, находящихся на севере, где ежегодно выпадают обильные дожди. Тут и там по расщелине, в самых широких ее местах, разбросаны отдельные холмы, которые не сумела размыть вода; на них и стояли наши самые северные редуты. Они были хорошо защищены, и с них открывался прекрасный обзор — вершины их лежали на одном уровне с основной частью долины.

Один из редутов назывался «Соль»: к северу от него из стены каменного утеса бил, пузырясь, сверкающий ключ. Вода казалась столь чистой и свежей, что я, не удержавшись, глотнул — и чуть не отравился насмерть. В жизни не пробовал такой соленой и сернистой жидкости. Уверен, тот, кто сумеет открыть и использовать ее целебные свойства, станет обладателем целого состояния!

Северная оконечность Меллахи была в руках у турок — там река превращалась в огромное болото. Разумеется, в нем беспрепятственно размножались и множились комары, немало досаждавшие не только турецкой армии, но и нам. Когда ветер дул с севера, к нам заносило целые тучи этих мелких демонов. Мы с огромным трудом осушили меллахские болота вдоль наших линий, поэтому пока ветер не начинал дуть с севера, назойливые насекомые не особенно мешали нам жить. Собственно, каждую ночь мы выходили примерно на полмили за нашу колючую проволоку и там углубляли и отводили русло ручья, чтобы осушить болото и отодвинуть как можно дальше от наших позиций эти оконца, где плодились комары. Затея была рискованная: обнаружь турки, чем мы там занимаемся, они бы обязательно угостили нас винтовочным и пулеметным огнем.

По военным меркам, наша позиция на Меллахе была небезопасной. Мы находились на правом фланге крайней северной оконечности фронта британской армии в Палестине — почетный, но и опасный пост: мы занимали выступ линии фронта и с трех сторон от нас были турки. Нас поставили охранять самый уязвимый участок фронта, а артиллерийское прикрытие и проч. было столь недостаточным, что, надумай турки пойти в массированную атаку, нас бы, скорее всего, уничтожили еще до того, как подоспело бы подкрепление. Словом, ставить необстрелянный батальон в такое место было большим риском. Судя по всему, наше командование крепко верило в нашу боеспособность!¹⁹⁰

Мы были единственным отрядом, стоявшим на Меллахе, да и на милях вокруг, — ближайшим нашим соседом был Западный индийский полк, занимавший куда лучшую позицию, ближе к Иудейским холмам, а, кроме того, между их окопами протекали быстрые и прохладные воды Ауджи. Двадцатая индийская пехотная бригада стояла на Иордане милях трех к югу от нас — нельзя было исключить, что турки сосредоточат в этом месте значительные силы и вобьют клин между их и нашими позициями; провели они такой маневр, мы оказались бы полностью отрезанными. Кавалерийская дивизия АНЗАКов стояла гораздо дальше к югу, между Ауджей и Мертвым морем, — быстро прийти нам на подмогу эти отважные воины не смогли бы при всем желании. Артиллерии на нашем участке фронта было крайне мало: шесть примерно тридцатифунтовых пушек да пара гаубиц — причем последние редко задействовали в бою. В соседи нам досталась четвертая турецкая армия — около десяти тысяч бойцов и свыше семидесяти орудий; из этого понятно, сколь ненадежным было наше положение. Когда батальон наш только родился, какой-то остряк придумал нам неофициальный девиз: «Вперед продвигаться с оглядкой», но пока он не имел никакого отношения к реальности, потому что вперед мы продвинулись очень далеко, а вот никакой оглядки на безопасность не было.

Турки держали важную переправу через Иордан, которая называлась Ум-эш-Шерт: с нашей стороны реки их позиции, прикрывавшие переправу, были очень сильны — окопы тянулись поперек нашего фронта и дальше к подножию Иудейских гор, милях в десяти к западу от наших позиций. К югу от Ум-эш-Шерта у нас был на утесах наблюдательный пост с видом на Иордан, и в лунные ночи было довольно забавно пойти туда и полежать на теплом песке, слушая унылый вой шакалов и гиен — они наполняли воздух своими горестными воплями и причитаниями. Я часто гадал: не исключено, что в густых зарослях деревьев и кустарника, которые тянулись в ста футах ниже, вдоль речного берега, скрываются всякие странные дикие создания, а мы даже не подозреваем, что они водятся в этих краях. Вообще место это странное во всех отношениях, однако лично я видел только одного необычного зверя: рыжеватого зайца с огромными ушами, которому, по крайней мере на этот раз, удалось невредимым скрыться в тростниках. Турецкие посты находились на противоположном берегу Иордана, но никаких не приятностей они нам не причиняли и попыток переправиться противник не предпринимал.

Наш сектор, миль семь передовой полосы, тянулся от этой точки к северо-западу, где мы занимали целый ряд редутов — как на иорданском берегу Вади-Меллаха, так и на холмах в расселине, о которых я уже говорил; еще три редута располагались на правом берегу Вади. Сектор был поделен на две части. Командовать северо-западным участком я поставил майора Рипли, а юго-восточным командовал майор Нил. Каждому из офицеров предстояло защищать примерно по шесть редутов, причем некоторые посты находились на большом удалении и в случае атаки они могли рассчитывать только на себя. Я порекомендовал упразднить два поста, так как обороняться на них было невозможно. Командующий корпусом (генерал Шовель), командир дивизии и вся их свита явились в один прекрасный день проверить здравость моего предложения. Помню, мы все стояли в ряд, глядя через бруствер одного из этих никому не нужных редутов, как на ладони у турок; стоило им в то утро поудачнее выпалить из «Анюты иерихонской»¹⁹¹, и нас бы накрыло всех разом! Все генералы согласились с тем, что два поста совсем не нужны, и мы радостно разобрали их: это означало, что в ночной дозор нужно меньше бойцов, а это немаловажно, если у вас не хватает людей и слишком много работы.

Больше я не видел ни генерала Шовеля, ни генерала Ходжсона: они вскоре получили приказ покинуть долину и начать подготовку к сосредоточению сил, тайно проходившему на левом фланге армии возле Яффы. Когда передислоцировали и Австралийскую дивизию, нас отдали под начало генерал-майора сэра Эдварда Чейтора¹⁹², командира Кавалерийской дивизии АНЗАКов, покрывшей себя вечной славой. Нам крупно повезло: генерал Чейтор проявлял к нам сочувствие и понимание, был добросовестным и неустанным трудеягой и, не скучаясь, раздавал заслуженные награды — даже евреям.

Хотя наша позиция на Меллахе была опасной и изолированной, никаких дурных предчувствий у нас не было: мы знали, что в случае нападения противника покажем себя с лучшей стороны. Мы знали, что «чем больше опасность, тем больше и честь»; опасность заставляла нас быть еще внимательнее, еще деятельнее. Бойцы великолепно выполняли свой долг в этом забытом богом, давящем на нервы краю — у меня нет подходящих слов, чтобы выразить это. Весь день их немилосердно пекло солнце — единственной защитой были шатры из тонкого полотна; ночью стояла страшная духота. Пот тек ручьями, даже если ты сидел неподвижно. Мухи и комары мешали спать по ночам, ибо москитные сетки быстро порвались и пришли в негодность, а новых не подвезли.

Перед наступлением темноты все бойцы, кроме тех, которые уходили в патруль и в разведку, выстраивались с полной выкладкой и шли строевым шагом на свои редуты. Там они проводили ночи, которые казались бесконечными. Утром бойцы возвращались на неприютный бивуак и пытались, по мере сил, передохнуть перед тем, как их снова призовут к работе — укреплять редуты и углублять траншеи.

Да, в столь суровых климатических условиях жизнь наша была поистине тяжела. Воды постоянно не хватало: всю ее, до последней капли, приходилось возить с Ауджи, до которой было четыре или пять миль. В воздухе все время висела удушающая пыль — можно представить себе, как эти ужасные условия влияли на аппетит, тем более что каждый кусочек пищи был присыпан песком и скрипел на зубах.

Вообще, в августе и сентябре эта часть Иорданской долины считается необитаемой. Даже дикие бедуины, которые иногда заходят в эти места в поисках пропитания для своих козьих стад, на эти два жутких месяца исчезают из этого проклятого места. Один австралиец очень точно и кратко описал нашу жизнь в Иорданской долине — как-то, в особо жаркий день, он заметил: «Бог мог бы и не трудится с сотворением ада — довольно того, что он сотворил Иорданскую долину».

Ни от одного солдата-британца пока еще не потребовали, чтобы он выносил ужасы Меллахи хотя бы неделю, а наш еврейский батальон здесь продержали больше семи недель, причем в самое жаркое время года. Оглядываясь на это время, я могу сказать лишь одно: евреи имеют все основания гордиться своим батальоном и тем, как великолепно он «держался» среди этой «мерзости запустения». То было самое жаркое, самое нездоровое место на свете, воистину забытое Богом, — кстати сказать, некоторые из моих подчиненных уверяли, что действительно видели там Дьявола, с рогами, хвостом и всем остальным!

Вот какую позицию поставили нас защищать; понятное дело, что попасть с холмов Эфраима в это пекло было кошмаром. Зная, что наши враги уже пытались истребить еврейский батальон, я не раз вспоминал историю Юрии Хеттеянина!¹⁹³ В следующей главе я опишу, сколь тяжело мы страдали, выполняя свой долг в этом непригодном для жизни месте.

ГЛАВА XIII

ЖИЗНЬ НА МЕЛЛАХЕ

Хотя с точки зрения климата сменить прохладные холмы Самарии на пекло Иорданской долины было то же самое, что сменить рай на ад, некоторым облегчением для нас стало честное, справедливое и доброе отношение к нам генерала Чейтора, да, собственно, и всех офицеров, унтер-офицеров и рядовых Кавалерийской дивизии АНЗАКов. Судили они нас исключительно по нашим заслугам, и тем, что нам удалось добиться уважения этих знаменитых воинов, мы гордимся чуть ли не превыше всего остального. Широту их взглядов можно было сравнить лишь с теми бескрайними просторами, где они выросли; сила духа не оставляла им места для мелочности и неуважения к людям иной веры. Если вы ведете себя по-мужски и честно выполняете свой солдатский долг, какая разница, евреи вы или кто еще.

Штаб кавалерийской дивизии АНЗАКов находился милях в восьми от моего штаба, и мне частенько приходилось ездить туда верхом по немыслимой полуденной жаре, дабы переговорить с генералом. Никогда не забуду вкуса холодного, прямо с ледника, «шэнди» — смеси обычного пива с имбирным, которым меня там неизменно приветствовали; а смешивал напиток своей искусной рукой полковник Брукснер¹⁹⁴, начальник штаба и старший квартирмейстер дивизии. Брукснер издалека замечал мое приближение и, будучи человеком сострадательным, встречал меня у штабной палатки этим нектаром — до чего же он был хорош! Такой жажды, как в Иорданской долине, не испытываешь больше нигде на земле, однако, пожалуй, может, и стоит ее претерпеть, дабы отведать потом Брукснера эликсира.

Главным тактическим объектом на нашем участке фронта был брод Ум-эш-Шерт. Находился он милях в двух к востоку от наших крайних северных постов на Меллахе и был надежно защищен сетью траншей, колючей проволокой и береговыми утесами Иордана. Если бы нам удалось завладеть этой переправой, мы бы нанесли серьезный урон коммуникационным линиям турок, в результате чего пострадали бы все их войска к востоку и к западу от Иордана. Более того, в случае начала нашего выступления было бы целесо-

образно переправить через этот брод кавалерию. Тогда под ударом оказались бы все турецкие позиции, находившиеся в десяти милях от нас к востоко-юго-востоку, в Нимрине¹⁹⁵, ибо дорога, идущая через Ум-эш-Шерт, представляет собой кратчайший путь на Эс-Сальт (древний Рамот-Гиляад)¹⁹⁶ и Амман (древний Рабат-Аммон¹⁹⁷), куда в давние времена был отправлен на неправую смерть великий воин Урия Хеттеянин). Итак, наша задача, ради которой мы выставляли дозоры и высыпали лазутчиков, состояла в том, чтобы как можно подробнее уяснить, как можно подобраться к этой переправе и захватить ее. Ради этой цели мы трудились, не покладая рук, и, не взирая на опасность, в результате добились своего.

На изолированной позиции вроде нашей всегда используется одна и та же тактика — агрессия по отношению к противнику. Цель заключается в том, чтобы создать впечатление, будто он имеет дело с гораздо более серьезными силами, чем на самом деле. Эта тактика сработала великолепно: мы столь успешно осуществляли нашу хитрость и так старательно теребили турок, что они постоянно боялись нашего наступления и, соответственно, начали воздвигать заграждения из колючей проволоки по всей линии своего фронта, причем работы шли с явной спешкой и нервозностью. Принимая в расчет тактические характеристики и размеры нашей позиции, потеряв убитыми, ранеными и пропавшими без вести за эти семь недель на беспощадной жаре Иорданской долины у нас было на удивление мало. Артиллерийский огонь по нам вели постоянно, днем и ночью, однако турецким наводчикам редко удавалось преуспеть. Мы же, со своей стороны, тоже не давали им жить спокойно; в итоге к нам потянулись дезертиры, иногда поодиночке, иногда по двое и по трое. Удивительно, но факт: до того, как эту позицию занял наш батальон, пленных и дезертиров можно было пересчитать по пальцам.

Однажды ко мне привели пленного — он дрожал крупной дрожью. На мой вопрос, в чем дело, он ответил: я боюсь, что мне прямо сейчас перережут горло! Мол, его командир утверждал, что именно так у нас обращаются со всеми пленными. Я рассмеялся и, дабы извлечь пользу из ситуации, сказал, что сейчас его накормят, а потом отшлют обратно в их лагерь, чтобы он рассказал своим товарищам, как мягко мы обращаемся с пленниками. Услышав мои слова, он зарыдал и объявил, что ни за что не вернется обратно к своим и просит одного — чтобы его передали в руки британцев, на что я, разумеется, сразу же согласился.

Немало веселья доставил нам и один взятый в плен турок-сержант. Прежде чем отвести его на участок, где содержались плен-

Солдаты и офицеры Легиона. В центре раввин Лейба Фальк.

ные, кто-то захотел его сфотографировать. Маленький сержант (а роста он был совсем крошечного) распустил хвост, как павлин, лихо сдвинул на бок головной убор, подкрутил усы и встал в эффектную позу — и только после этого позволил щелкнуть затвором! Ну, прямо настоящий турецкий Чарли Чаплин!

Большинство пленных откровенно рассказывали, что устали воевать, что обращаются с ними дурно, кормят отвратительно, что они рады оказаться в наших руках, тем более что с такими противниками, как мы, ни минуты покоя.

26 августа в плен сдались тринадцать турок из первого пехотного батальона второго полка двадцать четвертой дивизии. Дезертировали они все разом, во время дежурства на фланговом посту своего батальона. От них я узнал, что смена придет на пост еще до того, как я успею отправить туда полвзвода наших бойцов, дабы они заняли позицию. Будь у меня время расставить туркам эту западню, я с удовольствием посмотрел бы на лица сменных бойцов, которые, явившись заступить на дежурство, обнаружили бы на посту дула наших винтовок! Собственно, они и так, верно, немало удивились, не найдя на месте ни души.

Однажды утром, на рассвете, когда я стоял у бойнице одного из самых передовых наших редутов, мне довелось наблюдать захва-

тывающее приключение. Я смотрел в полевой бинокль на север, на каменистое русло Меллахи, туда, где поблизости от турецких позиций оно разветвлялось на множество протоков и рукавов. Внезапно я заметил ядрах в восьмистах двух турецких офицеров — они стояли у подножия длинного песчаного откоса и смотрели куда-то влево. Мне показалось, что они вышли подстрелить зайца или газель — эти грациозные создания водились в долине. Один из офицеров был необычайно высок ростом и облачен в длинный черный плащ.

Мне же было известно, что один из наших офицеров (лейтенант Эванс)¹⁹⁸ вместе с рядовым ушел на разведку как раз в том направлении. Я развелся — что с ними будет, если они неожиданно наткнутся на турок! Я осмотрел окрестности в бинокль и действительно обнаружил обоих — они спокойно шагали по противоположному склону песчаного откоса, под которым стояли турки. Ни те ни другие не догадывались о присутствии противника. Я понял, что полагаться на авось неуместно, — мне неведомо было, сколько еще турок скрыто от моих глаз за раскиданными вокруг песчаными холмиками. Поэтому я вызвал майора Рипли и отправил его с полудюжиной солдат на подкрепление — устроить диверсию и по возможности захватить вражеских офицеров в плен.

Отдавая приказ, я не отводил бинокля от наших разведчиков в надежде, что события примут удачный оборот: наши бойцы избегнут опасности или заметят противника до того, как противник обнаружит их. И тут лейтенант Эванс зашагал вверх по склону, и я сразу понял, что все будет хорошо, ибо турки стояли к нам спиной. Оказавшись наверху, он осторожно взглянул вниз и, видимо, изумился, увидев противника в непосредственной близости, ибо сразу же пригнулся голову. После этого он, в сопровождении своего ординарца, скатился со склона и бегом бросился вперед, отрезая турок от их позиций, — видимо, в надежде перехватить их, когда они станут возвращаться. Турки, не подозревавшие, что происходит, вели себя крайне беспечно: вместо того чтобы вернуться к себе в расположение, они подошли еще ближе к нашим позициям. Это не входило в расчеты Эванса, и они с рядовым бросились в погоню; они уже собирались открыть огонь, когда турки их обнаружили, — и тут все сорвали с плеч винтовки и воспоследовала настоящая дуэль.

А тем временем майор Рипли и его группа взобрались до середины по склону оврага и, в свою очередь, начали палить по туркам, которые к этому времени уже здорово перепугались. Они бросились бежать и, используя изгибы и повороты многочисленных про-

ток, умудрились беспрепятственно добраться до своих позиций. А Эванс с ординарцем возвратились назад, никак не пострадав в этом необычном приключении.

Пару дней спустя я и сам попал на том же посту в изрядную переделку. У меня выработалась привычка каждый день, вскоре после рассвета, осматривать вражеские позиции с самой высокой точки, дабы уяснить себе, какие перемены произошли там за ночь. Один из турецких снайперов, видимо, обнаружил это и решил меня подстрелить. Короче говоря, едва я закончил наблюдение и шагнул вниз с вышки, раздался глухой хлопок, и в склон вошла пуля — прямо над тем местом, где только что была моя голова!

Еще через два дня лейтенант Мендес¹⁹⁹ и сержант Леви проводили разведку петлистого русла Меллахи к северу от наших позиций — и попали в засаду. Сержант погиб от первой же пули, Мендес же, по счастью, остался жив. Сдаваться он не стал, и хотя турки не слись к нему, можно сказать, на всех парах, он сумел от них уйти и вернулся на наши позиции — невредимый, хотя и совершенно вымощанный.

ГЛАВА XIV

НАШИ ПЕРВЫЕ НАГРАДЫ

28 августа наша разведывательная партия из шести рядовых под командованием сержанта добралась до турецких окопов возле Ум-эш-Шерта. Ночь была темной и ветреной, так что им удалось незаметно подойти совсем близко к противнику; ярдах в тридцати от турецких позиций они залегли и тут заметили неподалеку часового. Один из разведчиков, рядовой Сапиешвили²⁰⁰, кавказский еврей, пополз вперед, чтобы подобраться с тыла к ничего не подозревавшему часовому. Когда ему наконец удалось оказаться у того за спиной, он резко поднялся и пошел на часового, выдавая себя за турка — он знал несколько слов по-турецки. Потом он бросился на часового, схватил его за горло и повалил.

Сидевшие в окопах турки услышали шум борьбы и открыли огонь, один из разведчиков был тяжело ранен. Сапиешвили пленника, однако, не выпустил, разоружил и победоносно доставил к нам в лагерь. Турок в окопах было много, и огонь они вели плотный, поэтому остальные разведчики тоже отступили. Впрочем, прежде чем отойти, рядовой Гордон²⁰¹ поднял раненого товарища (рядового Маркса)²⁰² и под градом турецких пуль оттащил его на наши позиции. Я доложил генералу Чайтору о мужестве и хладнокровии, проявленных бойцами под неприятельским огнем.

К сожалению, рана рядового Маркса оказалась смертельной. Он всего три дня как поступил к нам на службу — то был его первый выход на позиции противника. До этого он служил во Франции и на других фронтах и вышел невредимым из многих переделок. На следующее утро мы похоронили его со всеми воинскими почестями у подножия небольшого холма, положив лицом к Иерусалиму; стоя у свежей могилы, мы видели шпили зданий на Масличной горе.

Одним из того десятка, который еще в Хельмии решил перейти в трудовой батальон, но потом передумал, поняв, что его долг — оставаться в боевом строю, был рядовой Грейман²⁰³. Он ненавидел всяческое насилие. Война и ее неизбежная жестокость коробили ему душу, однако свой боевой долг он выполнял добросовестно. В День Искупления ему выпало нести дежурство в передовых око-

пах. При подавлении огня снайперов, которые пытались нарушить торжественную обстановку в нашем лагере, несчастный Грейман был убит — вражеская пуля попала ему в голову. Впоследствии я узнал, что его вдова получила из военного министерства стандартное уведомление: погиб в бою, однако отказалась верить, потому что в уведомлении стояла дата — День Искупления²⁰⁴, а, по ее словам, ни один еврей не мог в этот день сражаться. Увы, наши бойцы никогда не оставляли окопы пустыми, вне зависимости от святости и благочестия того или иного дня как для евреев, так и для других.

Нас попеременно прикомандировывали то к первой, то ко второй австралийской бригаде легкой кавалерии, которыми командовали генералы Кокс²⁰⁵ и Рири²⁰⁶. Когда эти бригады передислоцировали в другое место, мы оказались под началом у генерала Мелдрама²⁰⁷, командовавшего Новозеландской конной стрелковой бригадой. Все они были добрыми солдатами, надежными и верными товарищами.

Помню, когда нами командовал генерал Рири, он однажды заявил, что хочет сопровождать меня при обходе постов.

— Отлично, генерал, — ответил я. — Прошу со мной в любое утро.

— А когда вы начинаете обход? — поинтересовался генерал.

— Обычно — в три часа утра, — ответил я.

— Самое время придавить подушку, — ответствовал генерал!

В другой раз наши разведывательные партии крепко перепугали турок, и те устроили настоящую канонаду из всех своих винтовок и пушек. Грохот битвы раздавался по всей Меллахе и долетел до самой Ауджи, где и находился генерал Рири. Решив, что противник начал серьезное наступление, генерал выскоцил из постели, наступив при этом босой ногой на хвост огромному черному скорпиону! После этого в течение целого получаса в лагере звучали самые отменные австралийские выражения. Когда через пару дней я встретился с генералом, он философски заметил, что укус скорпиона может сослужить добрую службу — он начисто отучил его от привычки вскакивать с постели затемно, даже если под дверью дожидаются все турки Османской империи.

Генерала Рири позднее повысили до чина генерал-майора и назначили командующим Австралийской кавалерийской дивизией; он получил звание Рыцаря-командора Ордена Св. Михаила и Св. Георгия.

В конце августа генерал Алленби проводил смотр АНЗАКОв в их штаб-квартире, милях в четырех к северу от Иерихона. Кавалерий-

ская дивизия построилась по трем сторонам квадратного плаца, в центр галопом выехал генерал Алленби в сопровождении своего штаба. Счастье главнокомандующего, что он был искусным наездником, потому что его горячий скакун раза два отчаянно взбрывнул, да так, что большинство генералов наверняка вылетели бы из седла. После этого главнокомандующий наградил ряд офицеров и рядовых, заслуживших особое поощрение, а в конце церемонии обратился к дивизии с речью в добром солдатском духе.

Меня тоже пригласили на этот смотр. Когда генерал Чейтор представил меня главнокомандующему, тот заметил: «Да, кстати, Паттерсон, не могу я создать Вам еврейскую бригаду — мне сообщили из военного министерства, что больше бойцов-евреев нам не пришлют». Я ответил, что, по моим сведениям, информация эта недостоверна — я только что получил письмо от командира сорокового батальона, стоявшего в Плимуте: он писал, что их батальон вот-вот отправят в Палестину. Командующего эта новость, похоже, удивила, однако он ответил, что его сведения свежее и достовернее моих, так что больше, собственно, говорить не о чем.

Дня два спустя, 30 августа, генерал Чейтор провел совещание со всеми бригадными и пехотными командирами, а поскольку он слышал слова генерала Алленби о том, что его информация касательно прибытия новых еврейских подразделений надежнее моей, то заметил: «Кстати, Паттерсон, Ваши сведения относительно нового еврейского батальона оказались достовернее генеральских: один из моих офицеров только что вернулся из Англии и сообщил, что на одном с ним корабле прибыл полностью укомплектованный еврейский батальон — пару дней назад они высадились в Египте».

Я считал, что необходимо сообщить главнокомандующему о неточности имеющихся у него сведений, поэтому послал ему письменное донесение, где сообщал, что, по моим сведениям, в Египет только что прибыл еще один еврейский батальон с личным составом около 1400 человек. В ответ я получил записку от начальника штаба генерал-майора Луиса Жана Больса, в которой содержался прозрачный намек на то, что в дальнейшем мне надлежит обращаться к главнокомандующему, придерживаясь принятой субординации. Из этого явственно следовало: начальник штаба недоволен тем, что главнокомандующий получает от меня сведения о еврейских делах в обход официальных каналов. Собственно, его отношение давно не было для меня тайной, поскольку все мои предшествовавшие донесения, которые я отправлял, придерживаясь принятой субординации, — многие из них были крайне важны для

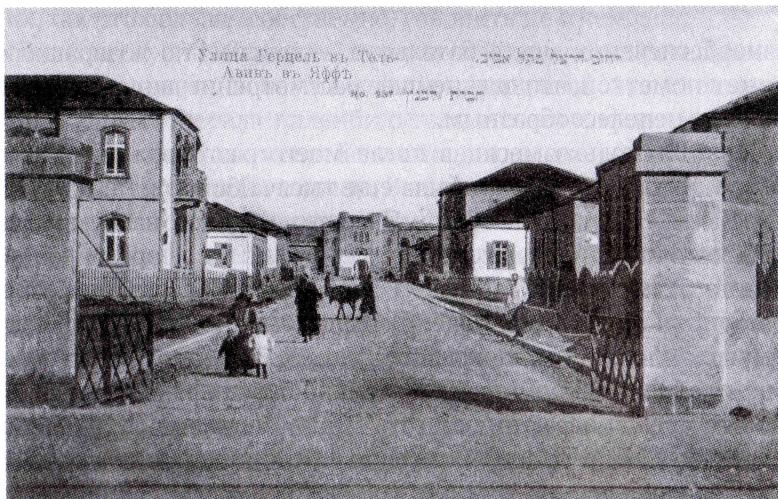
Ордена и медали, которыми награждались солдаты и офицеры Легиона.

жизнеобеспечения моего батальона, — неизменно возвращались ко мне с пометкой, что дальнейшее рассмотрение данного вопроса признано нецелесообразным.

Через несколько месяцев после моего разговора с главнокомандующим из Англии прибыла еще тысяча бойцов, так что всего в еврейских подразделениях в Палестине теперь насчитывалось свыше пяти тысяч человек личного состава. В свое время военное министерство однозначно высказалось в пользу создания еврейской бригады — генералу Алленби было направлено соответствующее уведомление. Главнокомандующий ЕЭК лично писал мне о том, что еврейская бригада обязательно будет сформирована. Однако это обещание, которое столь много значило для душевного спокойствия и боеспособности моих подчиненных, а также для престижа евреев во всем мире, так и не было выполнено. Вместо этого нас совершенно бездушно перекидывали из одной бригады в другую, из дивизии в дивизию, так что из вершков и корешков нам неизменно доставалась только несъедобная часть! На протяжении трех месяцев нас гоняли с места на место, будто мы были вагонами-скотовозками. За этот краткий период нас прикомандировывали к двенадцати различным частям британской армии!

Генерал Чейтор поспособствовал поднятию боевого духа батальона — он лично наградил солдатскими медалями рядовых Сапиешвили и Гордона за мужество, проявленное во время вышеупо-

мянутого рейда. По этому случаю, в первый день еврейского Нового года (7 сентября 1918-го), после общей молитвы, у нас состоялся особый парад на редуте «Соль». Генерал обратился ко всем бойцам с речью, в которой описал мужественные деяния их товарищей, прикрепил ленточки им к груди, а потом скомандовал батальону промаршировать мимо и отдать честь — не себе, а двум награжденным. С этого момента все бойцы нашего батальона были преданы генералу душой и телом. Достаточно такой вот мелочи, чтобы заслужить уважение, расположение и преданность целого подразделения, только не всем генералам хватает смекалки пойти на такое.

Улица Теодора Герцля в Яффе (открытка из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

ГЛАВА XV

ЗАХВАТ БРОДА УМ-ЭШ-ШЕРТ

Приближался момент большого наступления в Палестине, и некоторые места в Иорданской долине приобрели крайне комичный вид. Тут и там стояли то артиллерийская батарея, то кавалерийская часть — лошади стреножены и четко держат строй, как положено по самому строгому уставу, однако стоит подойти поближе, и становится ясно: и лошади, и пушки — просто муляжи! Вокруг возводили поместительные лагеря, вот только бойцов в них не было; после наступления темноты повсюду разводили костры — можно было подумать, что тут стоит бивуаком огромная армия. Словом, чтобы обмануть турок, прибегали ко всевозможным хитростям; было необходимо создать у них впечатление, что атака, которой они давно ждали, начнется от Гиляада, дабы наши силы могли соединиться с Арабской армией, стоявшей в Хиджазе. Какой-то умник из генерального штаба (там нас, похоже, не забыли) даже распорядился, чтобы еврейский батальон ходил маршем от Иерихона до Мертвого моря и обратно, но генерал Чейтор отменил эту глупость, прекрасно понимая, что мы не сможем охранять свои посты ночью и проходить по сорок миль днем — и это на страшной жаре. Но в целом войск в Иорданской долине действительно было совсем мало, особенно учитывая, каковы были силы противника. По сообщению генерала Алленби, у нас в Иорданской долине было шесть тысяч винтовок, около двух тысяч клинков и семьдесят четыре орудия.

В донесении от 31 октября 1918 г. генерал Алленби писал:

Сократив количество войск в Иорданской долине до минимума... и чтобы противнику не стало известно об уменьшении количества войск в Иорданской долине, я приказал генерал-майору сэру Эдварду Чейтору, Рыцарю-командору Ордена Св. Михаила и Св. Георгия, кавалеру Ордена Бани²⁰⁸, флигель-адъютанту, провести силами австралийской и новозеландской кавалерийской дивизии, 20-й индийской (имперской) пехотной бригады, 38-го и 39-го батальонов королевских стрелков, а также 1-го и 2-го батальонов британского вест-индского полка серию отвлекающих маневров с целью создать у противника впечатление, что планируется наступление к востоку от Иордана, в направлении Мадабы или Аммана.

Считается, что противник ждет наступления на этом участке фронта; при-
няты все меры, дабы подкрепить его подозрения.

Как заинтересованный наблюдатель, находившийся на месте событий, могу подтвердить, что генерал Чейтор с честью выполнил поставленную задачу: отвлекающий маневр был отменный и ему удалось перехитрить противника по всем пунктам.

15 сентября в Иорданскую долину прибыл тридцать девятый батальон королевских стрелков под командованием полковника Марголина; они заняли позиции на Аудже в качестве подкрепления тридцать восьмому батальону.

Дня за два до массированного наступления, которое началось 18 сентября, генерал Алленби посетил мой штаб, где я представил ему всех свободных от боевого дежурства офицеров. Он отвел меня в сторону и спросил, верю ли я в боеспособность своих подчиненных. Я ответил, что у него нет повода для тревоги — бойцы отлично обучены и готовы выполнить любое задание. Тогда он спросил меня, нет ли у меня еще каких предметов для обсуждения. Я ответил, что малярия с каждым днем косит нас все сильнее — в неделю я теряю по двести человек личного состава. Кроме того, я отметил, что эвакуация и лечение больных оставляют желать лучшего. Генерал Алленби пометил это в своем блокноте.

Единственным результатом этого стало раздраженное письмо от помощника начальника штаба, где меня просили подробно пояснить, почему я сообщил главнокомандующему неверные сведения о числе заболевших, да и вообще о состоянии медицинского обслуживания. Поэтому утром 23 сентября, когда нам дали приказ вступить в бой и когда я должен был бы готовить своих бойцов к наступлению и вообще заниматься только своим прямым делом, мне пришлось усесться за письменный стол, дабы пригладить перышки помощнику начальника штаба. Я не только доказал обоснованность своих претензий, но и привел более пространные доказательства, которыми не стал до того отнимать время у главнокомандующего.

Генерал Чейтор заранее предупредил, что пока слева от наших позиций будет разворачиваться наступление, наша задача — усилить активность разведывательных партий и не давать противнику покоя, дабы его бойцы оставались на своих позициях. Кроме того, по возможности мы должны были помешать туркам переправиться через Иордан к востоку от нас и не позволить им усилить группировку, которая держала фронт от Иордана до моря. Официальный документ звучал так:

Силы Чейтора в Иорданской долине до этого момента в основном проводили разведку боем, дабы иметь четкое представление о всех передвижениях противника. Задача его объединенных сил состояла в том, чтобы обеспечивать безопасность нашего правого фланга и переправ через Иордан, оставаться в постоянном соприкосновении с противником и пользоваться любым сокращением его численного состава, не вступая при этом в преждевременное сражение с превосходящими силами врага. Эта не-простая задача была выполнена блестательно.

18, 19, 20 и 21 сентября мы проводили отвлекающие маневры на всем протяжении нашего фронта. Группы бойцов занимали удобные позиции, например в складках рельефа, и открывали огонь по всей линии. Это неизменно нервировало турок, так что окопы их никогда не пустовали и палили оттуда почем зря. 19-го и 20-го они так переполошились, что вызвали артиллерийское подкрепление и устроили заградительный огонь, чтобы помешать нам начать наступление. Каждый раз, когда открывалась пальба, наши бойцы отступали на безопасное расстояние, залегали и пережидали, пока противник растратит впустую сотни патронов, а потом спокойно возвращались в лагерь, не получив в перестрелке ни царапины. Спали мы все эти ночи совсем мало, и еврейский батальон, безусловно, сделал все возможное, чтобы выполнить распоряжение главнокомандующего: ни один турок, находившийся поблизости от Иордана, не ушел со своих позиций. 20-го числа мы вплотную подошли к турецким окопам, обнаружили, что все они заняты, и снова открыли плотный огонь из винтовок, пулеметов и орудий. На этот раз несколько наших бойцов получили ранения. Для меня по-прежнему остается загадкой, почему в эти дни у нас было так мало тяжелораненых — бойцам приходилось подбираться к позиции противника по открытой местности, гладкой, как бильярдный стол.

На Меллахе под началом у меня находилась шестая окопная мортирная батарея — я приказал им открыть огонь по турецким окопам возле Ум-эш-Шерта в том случае, если мы без этого не сможем выбить противника с такой важной позиции. Атаку на Ум-эш-Шерт я назначил на 22 сентября, однако в полночь 21-го начальник батальонной разведки сообщил мне, что вражеское сопротивление в районе Ум-эш-Шерта ослабло. Я сразу же поднял резерв и отправил его под командованием лейтенанта Кросса²⁰⁹ к майору Нилу на подкрепление — ему была поставлена задача атаковать турок и захватить переправу при первой возможности. По телефону мне

сообщили благоприятные новости: наши бойцы продвигаются вперед; они занимали окоп за окопом, и когда в четыре утра я выехал из штаба на место сражения, я уже мог доложить штабному офицеру генерала Чейтора, что переправа почти в наших руках.

Я пустил лошадь галопом. Занимался рассвет; преодолев утесы, мы помчались по территории, только что оставленной турками, и прибыли на место как раз вовремя, чтобы вместе с майором Ниллом, капитаном Джулианом, лейтенантами Жаботинским и Кроссом овладеть ценнейшей переправой через Иордан. Кстати, отмечу, к слову, что Жаботинского ранее прикомандировали к генеральному штабу для выполнения особой работы, однако как только батальон выдвинулся на позиции, он попросил об обратном переводе, чтобы делить с нами все опасности и труды.

Как только мы заняли Ум-эш-Шерт, я сообщил об этом генералу Чейтору. Тот немедленно воспользовался нашим достижением для переправы войск через Иордан, что позволило зайти с фланга на турецкие позиции в предгорьях Шунат-Нимрин²¹⁰, перекрывавшие путь на Эс-Сальт²¹¹. Первая австралийская бригада легкой кавалерии переправилась через Иордан — мы прикрывали их винтовочным и пулеметным огнем — и, ни разу не остановившись, доскакала в тот же вечер до самого Эс-Сальта, где находились большие силы противника, усиленные артиллерией. И до исхода дня их взяла в плен кавалерийская дивизия АНЗАКов. Вскоре на подкрепление к нам пришли две роты тридцать девятого батальона королевских стрелков — их бойцы заняли оставленные нами посты на Меллахе. Любопытно, что осью, вокруг которой разворачивалось передвижение британской армии в Палестине — в результате чего страна была очищена от турок, — стали сыны Израиля, которые вновь вступили в битву с врагом неподалеку от того места, где их предки некогда перешли реку Иордан под предводительством Иисуса Навина.

ГЛАВА XVI

ПРОПАВШИЙ ОБОЗ

Далее я получил приказ подавить силы противника, которые, как считалось, еще оставались к северу от наших позиций в районе Красного холма. На это задание я отправил капитана Г. Харриса и его роту; остальные бойцы нашего батальона заняли брошенные турками окопы с видом на Иордан. Лейтенант Жаботинский со своим взводом выдвинулся к Ум-эш-Шерту и организовал оборону отбитого брода: пулеметные гнезда и прочее необходимое для прикрытия переправы.

Сам же я с капитаном Джулианом, лейтенантом Кроссом и одним из взводов отправился на рекогносцировку выше по течению — до меня дошли слухи, что неподалеку от брода должен находиться мост, наспех сооруженный турками: я хотел по возможности его отыскать. Мы не успели далеко отъехать — оказалось, что уже почти восемь утра и мне пора возвращаться в штаб батальона; я отдал Джулиану, Кроссу и их подчиненным приказ продолжить осмотр берегов. Вернувшись к себе в палатку, я обнаружил там телеграмму от генерала Чейтора. В ней сообщалось, что я назначен командующим войсковой частью, которой дали официальное наименование «Колонна Паттерсона». Состояла она из тридцать восьмого и тридцать девятого батальонов королевских стрелков; мы получили приказ сосредоточиться на береговом плацдарме у Ауджи. Я передал командование тридцать восьмым батальоном майору Рипли, старшему по званию офицеру, и отдал соответствующий приказ о сосредоточении.

После этого я отправился на отбитые у турок позиции на Иордане и по пути, к своему удивлению, встретил капитана Джулиана — он был ранен, и его везли на верблюде. Было видно, что ему больно, но настроение у него было приподнятое и он смог подробно доложить мне о случившемся. Я узнал, что вскоре после того, как я вернулся в штаб, партия попала в засаду — турки подстерегли их неподалеку от Красного холма и встретили пулеметным и винтовочным огнем. Джулиан, Кросс и рядовой Милдемер²¹² были ранены, остальные бойцы укрылись в складке рельефа и смогли отступить. Джулиан получил тяжелую рану в ногу, однако спасся с помо-

щью капрала Эльфмана²¹³, который, проявив мужество, вытащил его из-под неприятельского огня.

Я тут же отправил к Красному холму роту бойцов, но турок они там уже не застали. Тело лейтенанта Кросса не обнаружили, а Милдемер лежал там, где его настигла пуля; он был мертв. Когда мне доложили об этом, я отправил еще одну партию под командованием лейтенанта Буллока²¹⁴ похоронить отважного бойца по еврейскому обряду, а также тщательно обыскать окрестности и найти тело лейтенанта Кросса — однако он исчез без следа. Мы отправили телеграфные запросы в госпитали в Аммане, в Дера и в Дамаске (после того, как его заняли наши войска), но о Кроссе там не слышали, так что в итоге мы пришли к печальному выводу, что беднягу Кросса нам больше не видать, — скорее всего, он умер от ран, а турки бросили его тело в Иордан. Эта потеря омрачила настроение всем бойцам. Мне же вдобавок было очень тяжело без Джулиана распоряжаться обозом — и это в тот момент, когда нам отдали приказ начать преследование противника: Джулиан руководил обозной службой, и пока он исправлял эту должность, ни разу не подвел своих товарищей; должность эту он занимал с того момента, как был зачислен к нам.

Мы почти сразу же ощутили всю тяжесть этой потери: в тот же вечер наш обоз куда-то пропал, и его никак не удавалось обнаружить. Кто-то (кто именно, я так и не выяснил) дал обозному сержанту приказ уйти из их расположения на Аудже и со всеми повозками и проч. прибыть в распоряжение майора Рипли на Меллахе. Отыскать в темноте майора им так и не удалось, и утром 31-го ни одна душа в батальоне не имела ни малейшего понятия, куда обоз задевался и как его искать. Взял и растаял без следа — а с ним наш провиант, фураж, кухонная утварь и запасное обмундирование. Новый обозный офицер, капитан Каннингем²¹⁵, получивший приказ занять место капитана Джулиана, отправился принимать командование и выяснил, что обоз исчез. Таинственным образом снялся с бивуака и растворился в дали.

В тогдашней ситуации это было более чем некстати, поскольку мы получили приказ в два часа утра на следующий день начать преследование противника. Каннингем, квартирмейстер Смайл²¹⁶ и все свободные от боевого дежурства бойцы были разосланы в разных направлениях разыскивать пропавший обоз. В результате Смайл вернулся и доложил, что шел по следу колес миль пять, только вряд ли это след от наших повозок, потому что он забирает в северном направлении, в сторону турецких позиций. Я как следует

отчитал майора Рипли за то, что он, только приступив к командованию, сразу же потерял обоз, и сам отправился на поиски.

По счастью, моя строевая лошадь Бетти была в тот день в прекрасной форме, поскольку я задал ей работы. Я пошел дальше по следу, брошенному Смайтом, ровным галопом проскакал семь-восьмь миль, но потом, на твердой земле, след полностью исчез. Мне пришлось сделать большой круг, прежде чем я обнаружил его снова; тогда я проскакал еще три-четыре мили и наткнулся на бойцов австралийцев. Я спросил, не видели ли они колонну повозок, направляющуюся к северу, они ответили: «Нет, мы были милях в двух дальше, но ничего не видели».

Новость была обескураживающая — я уже подумал было не искать больше в этом направлении и вернуться обратно. А потом решил, раз уж забрался так далеко, продолжить преследование, и если придется — до самых турецких позиций. До них оставалось миль восемь — вернее, до бывших турецких позиций, расположенных в предгорьях; туда и вел след. Одолев еще несколько миль, я, к своему несказанному облегчению, наконец-то увидел обоз — он целеустремленно двигался к северу!

Я со всей силой пришпорил Бетти и вскоре нагнал их. Хорошо, что вокруг не было травы, — когда я наконец-то добрался до обозного сержанта, в прерии бы точно вспыхнул пожар. Слова, с которыми настоятель Реймского собора обратился к той злосчастной галке, были просто ангельскими по сравнению с моими. Когда я резким тоном отдал приказ возвращаться в прежнее расположение, сержант так запутался, что развернул свою лошадь и поскакал было в сторону лагеря, — повозки же тем временем неуклонно ползли в противоположном направлении. Я окриком вернул обалдевшего сержанта на место, приказал ему остановить колонну и как можно быстрее отвести обоз на прежнее место.

Я так никогда толком и не добился от сержанта (кстати, он был валлийцем, христианином), что заставило его совершить этот безумный бросок в никуда. Могу лишь вообразить себе, что дьявол, безусловно обитающий в Иорданской долине, принял обличие майора Рипли и отдал сержанту приказ полным ходом двинуться прямо на турецкие позиции, оставив нас без еды, воды, кухонной утвари и боеприпасов «сидеть у дороги, прося милостыни».

Погоня за обозом отняла у меня несколько бесценных часов, однако в одиннадцатом часу утра я вернулся в лагерь, где все так и кипело — батальон готовился к сосредоточению на береговом плацдарме у Ауджи. Прибыв в штаб, я обнаружил, что майор Рипли

нездоров и его необходимо отправить в госпиталь. Пока он командовал своим сектором, то постоянно пребывал в нервном напряжении — их посты были плохо прикрыты, и все время сохранялась опасность нападения превосходящих сил противника. Сон в подобных тревожных обстоятельствах — не способ успокоить нервы, особенно если стоит такая жара, какая стояла тогда на Меллахе. Майор Рипли до такой степени спал с лица из-за всех этих тревог и треволнений, что напоминал мне одну из мумий птиц, которые мне довелось видеть в пещере в Верхнем Египте. Больше майор Рипли в батальон не вернулся, однако рад сообщить, что он полностью оправился и в конце концов получил хорошую штабную должность в Александрии. Я передал командование батальоном майору Нилу, и с этого момента у меня не было никаких тревог сверх тех, которые полагались мне по должности.

ГЛАВА XVII

ПЕРЕБРОСКА В РАМОТ-ГИЛЕАД

Став командиром «Колонны», я назначил начальником штаба капитана Дугласа Лидли — вряд ли можно было найти человека более подходящего. Лидли никогда ничего не забывал сделать, и было большим облегчением осознать, что, единожды отдав ему какое-то распоряжение, я мог больше об этом не думать: все будет исполнено четко и ответственно. Когда Лидли стал моим начальником штаба, майор Нил назначил на его прежнюю должность начальника штаба тридцать восьмого батальона капитана Т. Б. Брауна²¹⁷; тот оказался, насколько я могу судить, великолепным штабным офицером.

Сосредоточение на плацдарме возле Ауджи проходило в максимально возможном темпе — вскоре после полуночи Колонна должна была выступить. Выяснилось, что тридцать восьмой батальон не может вовремя провести этот маневр: рота капитана Г. Харриса находилась далеко на севере, поскольку я послал их туда преследовать противника. Тогда я приказал майору Нилу как можно быстрее отправиться со мной в Шунат-Нимрин, на позицию у подножия Моавитских гор, милях в десяти к востоку от Ауджи. В два часа утра 24 сентября штаб Колонны и тридцать девятый батальон переправились через Иордан рядом с плацдармом на Аудже, вскарабкались на крутые береговые утесы и двинулись к Нимрину.

В то же время генерал Чайтор отдал приказ о наступлении на Эс-Сальт (древний Рамот-Гилеад) и на Амман. В операции были задействованы все его силы, состоявшие из кавалерийской дивизии АНЗАКов (один неполный эскадрон), полевой батареи, тяжелой батареи, двух горных батарей, Колонны Паттерсона, двадцатой индийской пехотной бригады, первого и второго батальонов британского вест-индского полка. Кавалерия быстро подвигалась вперед и скоро опередила пехоту и артиллерию. АНЗАКи так рвались в битву, что подавляли всяческое сопротивление и сумели полностью уничтожить и рассеять противника еще до того, как пехота вступила в бой. Двадцатая индийская пехотная бригада и артиллеристы последовали за кавалерией — с дороги Иерихон — Эс-Сальт им было удобнее возглавить марш, чем любым другим пешим частям.

Моя Колонна присоединилась к наступающим частям в Нимрине — я как раз успел увидеть, как мимо промчался на автомобиле генерал Чейтор. Генерал был твердо убежден, что место его — на переднем крае, особенно если идет сражение, а случалось, и сам принимал участие в схватке. Я получил приказ встать в арьергарде частей Чейтора. Весь день, до трех часов пополудни 24-го, Колонна медленно тащилась мимо Нимрина. Я отдал тридцать девятому батальону приказ о выступлении и оставил распоряжения, чтобы по прибытии в Нимрин тридцать восьмой следовал за нами в Эс-Сальт.

Интересно было разглядывать удобные позиции, с которых мы выбили турок, смотреть на перевернутые пушки, лафеты, повозки, телеги с амуницией, лежавшие по краям дороги; «Анюта иерихонская», огромная пушка, которая когда-то вела огонь по Иерихону, по штаб-квартире дивизии и вообще доставляла нам всяческие не- приятности, самым позорным образом лежала перевернутая в канаве. Тела людей, лошадей, упряженных быков наполняли воздух не самыми приятными ароматами. Вокруг, будто саранча, копошились бедуины — они тащили пулеметы, винтовки, боеприпасы, вообще всё, что бросили турки при поспешном отступлении. Так что у арабов был в тех краях праздник сердца — для них дармовая пожива, что мед для пчелы.

В Нимрине мне передали, что генерал Чейтор хочет меня видеть, так что я изо всех сил торопился в Эс-Сальт, где надеялся его отыскать. Отдав необходимые распоряжения полковнику Марголину и оставив при нем, на случай непредвиденных обстоятельств, своего начальника штаба капитана Лидли, я на полном скаку пустился в Эс-Сальт, прихватив с собой своего конюха. С большим трудом мы наконец пробрались между растянувшимися на многие мили кибитками, обозами, пушками и проч., которые медленно, тяжело ползли по крутым склонам холма в направлении Эс-Сальта. Я прибыл туда около девяти вечера, однако генерала не нашел — тот уже успел продвинуться дальше. Меня гостеприимно приняли в индийской пехотной бригаде. Выйдя от них, я стреножил лошадь и прилег недалеко от дороги, подложив под голову седло, — по счастью, у меня было при себе одеяло, что совсем не лишнее на этой высоте: после пекла Меллахи тут было определено студено. Проснулся я посреди ночи и как раз успел поймать Бетти, которая сумела ослабить путы и направлялась к повозке с фуражом. Я стреножил ее снова, лег и проспал до рассвета. Ночью я еще, помнится, удивлялся, что это мне так тепло спать, а когда

забрежил рассвет, выяснил, в чем причина: я устроился на куче сухого конского навоза!

С утра пораньше, выпив с индийцами чашку чая, я проехал Эс-Сальт и оказался в штабе генерала Чайтора, располагавшемся поблизости. Здесь выяснилось, что генерал отбыл руководить операцией в районе Аммана. Майор Андерсон²¹⁸, один из штабных офицеров, накормил меня великолепным завтраком, а вскоре к нам присоединился мой добрый приятель полковник Брукнер — он провел нелегкую ночь, руководя движением пушек и обозов на тяжком пути из долины. Я получил по телеграфу распоряжение генерала Чайтора учредить в Эс-Сальте свой штаб и занять круговую оборону.

Свой «бивак» я поставил неподалеку от города, под огромным фиговым деревом, отягощенным вкуснейшими плодами, вблизи реки Немрин — ее стремительный поток несся у самого края лагеря. Полковник Марголин с тридцать девятым батальоном вошли в Эс-Сальт и тут же заняли стратегически важные окрестные холмы. Были прорыты окопы, и скоро наши бойцы уже могли с честью встретить врага, буде тому придет желание атаковать.

Турки бросили множество больных и раненых — они были в ужасном состоянии. Капитан Рэдклиф Саламан занялся этими бедолагами и вскоре добился значительного улучшения ситуации. Что касается города, то там была непролазная грязь, и только неустанными усилиями капитана Саламана и организованной им санитарной команды удалось предотвратить вспышку тифа или другой опасной болезни. Действия, предпринятые Саламаном, пока он руководил медицинской службой в Эс-Сальте, превыше всяких похвал.

Вскоре после того как мы расположились в городе, я выяснил, что бедуины продолжают безнаказанно тащить брошенные турками боеприпасы, провиант и проч. Формально они были нашими союзниками, поэтому действовать без распоряжения начальства я не хотел и доложил о состоянии дел генералу Чайтору. Генерал немедленно прислал депешу: остановить грабеж и мародерство — бедуинам приказ этот пришелся совсем не по душе. Пришлось высыпать усиленные партии бойцов из тридцать девятого батальона, чтобы они патрулировали территорию в направлении Аммана. Кроме того, нужно было держать под наблюдением и охранять всю дорогу от Эс-Сальта до Нимрина. Тридцать девятый батальон патрулировал территорию от Эс-Сальта до моста Эль-Ховейж, расположившегося милях в шести к югу, а дальше до Нимрина дозор нес

тридцать восьмой батальон. Тридцать восьмому, собственно, не повезло: они почти дошли до Эс-Сальта, когда им пришел приказ повернуть обратно. Они развернулись и двинулись вспять тем же долгим, трудным путем — без отдыха и без пищи.

Этот марш туда и обратно покрыл бы славой любой маршевый полк британской армии, и неоспоримое свидетельство тому — слова лейтенанта Камерона²¹⁹, шотландца, вояки старого закала, который заявил, что худшего ему еще не доводилось переживать за все восемнадцать лет солдатской жизни. За время службы в тридцать восьмом батальоне Камерон удостоился Боевого креста с нашивкой. Майор Нил впоследствии рассказал мне, что огромную помощь в том, чтобы довести до конца этот изнурительный марш, ему оказал капитан Харрис — тому выпала нелегкая задача вести в арьергард отставших и слабых.

Видно, кто-то из этих слабаков и прислал мне через несколько недель полное упреков письмо — я над ним от души посмеялся, чем несколько развеял мрак тех достаточно нелегких дней. У меня сохранилось несколько выдержек из этого пространного послания.

...Вы шесть с половиной недель мучили нас в Наблусе²²⁰; и вот мы ушли из Наблуса и надеялись, что после таких мучений вы отправите нас на отдых, так ведь нет — Вы заставили нас с полной выкладкой идти на Иордан. А еще Вы выдали каждому по гранате и велели нести в кармане, чтобы обозу было легче. О лошадях Вы заботитесь, а о людях — нет. Мы шли на Иордан, точно нищие, пытаясь одним воздухом. И вот дошли до Иордана — замечательное место, верно? Удивительно, что Вы не нашли для нас ничего похуже. Есть ли в этой богом забытой стране что-нибудь хуже Меллахи? [Нет, это явно писал не сионист!] Вы продержали нас в этом пекле еще шесть с половиной недель — хотя других никогда не задерживали там больше, чем на две-три недели, — да ведь чего там, еврей и не такое вытерпит!

Из этого письма явствует, что, по крайней мере, некоторые из бойцов считали меня причиной их невзгод, тогда как у начальства я постоянно попадал в черные списки за то, что пытался по мере сил облегчить их участь.

ГЛАВА XVIII

ПОБЕДНЫЙ ВЕНЕЦ

Как только дела в окрестностях Эс-Сальта более или менее наладились, я поспешил в Амман. Вскочил в попутный автомобиль; тут же обнаружилось, что в нем находится офицер по имени Лоув. Я спросил, не приходится ли он родственником одному моему знакомому по имени Гарри Лоув, и услышал в ответ: «Я его брат».

Оказавшись в Аммане, я выяснил, что штаб генерала Чейтора находится довольно далеко за городом, но рядом с железнодорожной станцией Хиджаз. Над палаткой генерала развевался дивизионный флаг — наконец-то мне удалось его настичь! Я от всей души поздравил генерала с важнейшей победой, одержанной в столь короткие сроки. За четыре дня войска его продвинулись более чем на шестьдесят миль, преодолев предгорья и вершины Моавитских гор с их сложным рельефом, сражаясь с превосходящими силами врага. Генерал захватил два древних города, Эс-Сальт и Амман, овладел железной дорогой на Хиджаз и полностью разгромил четвертую турецкую армию. Всего было взято около одиннадцати тысяч пленных, под шестьдесят пушек, сто пятьдесят пулеметов, сотни тонн всевозможных боеприпасов, винтовочные же патроны исчезали миллионами; а кроме того, большое количество железнодорожных вагонов и также провианта, лошадей, мулов, обозных кибиток, грузовиков и проч. Блистательная операция, равных которым немного съществует на этом, да и на других театрах Великой войны.

Тем, кто уповаает на силу меча, хочу сообщить, что в этой операции не участвовал ни единий всадник, вооруженный саблей или копьем. Мужественные АНЗАКи сражались, объединяя силу человека, лошади и винтовки. Правда, в войсках Чейтора недоставало одного мощнейшего оружия — военного корреспондента, который описал бы все эти подвиги!

Пока я находился в лагере генерала Чейтора, произошел трагический эпизод. Сержант-сигнальщик, находившийся неподалеку от нас, осматривал неразорвавшуюся гранату, и она взорвалась прямо у него в руках — сам он погиб, еще несколько человек были ранены.

Оказалось, что в Аммане (бывшей римской Филадельфии) сохранилось множество памятников греко-римского периода. Внушительный амфитеатр, все еще в весьма неплохом состоянии, гордо возвышается среди руин. Судя по обилию разбитых колонн и рухнувших арок, разбросанных по огромной территории, во времена, когда Рим правил миром, это был очень значительный город. От древней Раввы Амона почти ничего не осталось. На вершине холма, неподалеку от римского города, все еще возвышаются стены древней цитадели, но та ли эта цитадель, что так долго сопротивлялась Иоаву²²¹, или сооружение более позднего периода, сказать не могу.

Я провел в Аммане всю ночь, спал в тени разрушенного амфитеатра. Когда-то стены эти, видимо, сотрясались от воплей толпы, сгрудившейся вокруг просторной арены. Теперь здесь царила тишина. Лишь совы и летучие мыши кружили среди разбитых арок или вылетали из трещин в колоннах — видимо, потревоженные крепким словцом какого-нибудь австралийского солдата, уснувшего беспокойным сном среди развалин. Лагерные огни еще светились среди руин, я же нашел приют в грузовике — уютно устроился, завернувшись в одеяло, и провел в тепле всю ночь.

Могу засвидетельствовать на основании личного опыта, что слова пророка Иезекииля²²² «я сделаю Равву стойлом для верблюдов и сынов Аммоновых — пастухами овец» (Книга пророка Иезекииля. 25:5) сбылись в точности. В древности это, видимо, был очень уютный город — и я убежден, что при нормальном правительстве он еще сможет восстановить свою славу. Земля тут плодородна, воды прохладны и текут в достатке. В нынешнем, довольно нищем городе живет множество черкесов²²³ — во время двух предыдущих рейдов британцев на город они самым предательским образом атаковали нас с тыла. Во время рейда 30 марта 1918 г. новозеландские конные стрелки понесли значительные потери.

Вскоре после рассвета я покинул древний город аммонитов и отправился в Эс-Сальт, наслаждаясь великолепным видом Ливанских гор с их заснеженными вершинами, которые протянулись вдалеке; передо мной же, у подножия горы Хермон²²⁴, лежали Гилеад и Башан. Эс-Сальт и окружающие его холмы являются своего рода воротами в простирающиеся дальше плодородные земли. В жизни не видел винограда столь крупного, как тот, что растет в Гилеаде, — да и вкуснее никогда не пробовал. Фиги здесь тоже замечательны на вкус и растут в изобилии и в самом Эс-Сальте, и в его окрестностях.

Поползли слухи, что остатки турецких сил, закрепившихся возле Хиджазской железной дороги к югу от Аммана, собираются предпринять попытку прорваться к северу, на Дамаск, через Нимрин. Генерал Чейтор приказал мне подготовиться к отражению этого прорыва. Я дал телеграмму майору Нилу с распоряжением подготовить оборонительные позиции, а 28 сентября сам вернулся в расположение и вновь взял на себя командование батальоном.

Пока бойцы Чейтора удерживали противника на Иордане, а потом гнали его по Моавитским горам, главнокомандующий задействовал большую часть своих сил для уничтожения врага на территории к западу от Иордана. Краткий отчет об этой операции, возможно, заинтересует читателя. В окрестностях Яффы были сосредоточены франко-британские силы, состоявшие из пяти пехотных дивизий, французского соединения в составе около 4000 бойцов, пятой австралийской бригады легкой кавалерии, двух бригад горной артиллерии и восемнадцати батарей тяжелой и осадной артиллерии. Среди апельсиновых и оливковых рощ, неподалеку от Яффы и Лода, тщательно укрывались четвертая и пятая кавалерийские дивизии, австралийская конная дивизия (за вычетом одной бригады) и четыре эскадрона французской колониальной кавалерии (спаги и «Африканские охотники»)... Они были готовы совершить рывок к северу, как только пехота и артиллерия прорвут вражеские линии к северу от Яффы. Эта высокомобильная группировка позволила достичь блестательной победы, хотя, полагаю, историки вряд ли станут славословить Египетский экспедиционный корпус с тем же усердием, с каким пела ему хвалы не располагавшая точными сведениями публика: ей тогда было невдомек, что на том участке боевых действий соотношение британских и турецких сил было примерно таким же, как соотношение сил тигра и домашнего кота.

Подавляющая часть турецких войск находилась на линии, протянувшейся от Джиср-эд-Дамеха на Иордане через Наблус до Туль-Керама на Средиземном море — или к югу от нее. На этом фронте у турка было приблизительно 17 000 пехотинцев, 1000 кавалеристов и 266 орудий. Коммуникации были растянуты и работали плохо. От штаб-квартиры в Константинополе было целых 1200 миль, туннели в Аманских и Таврских горах еще не были построены, в Райаке изменялась ширина колеи, железнодорожная линия, по которой турку подвозили подкрепления, боеприпасы, амуницию и провизию, как на Палестинский, так и на Месопотамский фронт, прерывалась, по меньшей мере, в трех местах. Турецкого бойца плохо кормили,

командование было из рук вон; медицинская служба работала скверно. Между турками и немцами шли постоянные трения, а турецкая армия состояла из самых разных народностей, причем многие из них люто ненавидели своих хозяев. Словом, все признаки грядущей катастрофы были налицо.

Утром 19 сентября в Яффе начался один из самых триумфальных кавалерийских походов всех времен и народов. Участники его остановили своих скакунов лишь пять недель спустя, в далеком Алеппо, отмахав около пятисот миль по вражеской территории. Они взяли в плен или уничтожили свыше пятидесяти тысяч турок, взяли Дамаск, Бейрут и Алеппо, тем самым положив бесславный конец Османской империи. Этот несказанный подвиг совершила относительно небольшая группа конников. Впрочем, надо помнить, что без активной поддержки других видов войск — пехоты, артиллерии и особенно авиации — им никогда бы не удалось достичь столь впечатляющей победы.

Крайне символично, что победа, увенчавшая эту войну, была одержана именно в 1918 г. Всем известно, что еврейское летосчисление отличается от христианского, но не все знают, что нашему 1918 г. соответствует 5679 год еврейского календаря. Особенность еврейского языка заключается в том, что у каждой цифры есть свой особый смысл, не сводящийся к обычному численному значению. Пророки, мудрецы и ученые создали эту систему в незапамятные времена. Неужели тогда уже было предрешено, что увенчавшая наши усилия победа, победа, которая — в этом я убежден — ускорит воссоздание Израиля, будет одержана именно в 5679 году. Не берусь сказать, но разве не удивительно, что смысл цифр 5, 6, 7 и 9 толкуется как «Гаарец»²²⁵, «венец победы».

ГЛАВА XIX

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАЛЕСТИНЫ

Когда Турция, на свою беду, выступила в Великой войне на стороне нашего противника, она разорвала узы дружбы, существовавшие на протяжении чуть ли не целого столетия. Многие годы мы придерживались политики содействия сохранению целостности Османской империи, поскольку, пока Палестина находилась под ее владычеством, мы могли быть спокойны за свои интересы в Египте. Теперь же, притом что Османская империя фактически прекратила свое существование, Палестина становится важнейшим объектом наших интересов на Востоке.

Палестина является вратами трех континентов — Европы, Азии и Африки, и поэтому ее стратегическое, политическое и экономическое значение неоценимо и уж в любом случае несопоставимо с крошечным размером ее территории. Любой стратег, любой специалист по военной истории подтвердит, что хотя Палестина и лежит на некотором удалении от Суэцкого канала, она оказывает значительное влияние на эту важнейшую для нас торговую и коммерческую артерию. Восточная граница Египта, протянувшаяся от Рафы на Средиземном море до Акабы на одноименном заливе на Красном море, с военной точки зрения не имеет никакого смысла. Из истории нам известно, что во все эпохи армии беспрепятственно пересекали Синайскую пустыню и творили что хотели с жителями прибрежной полосы Нила. В самом начале Великой войны мы и сами были не в состоянии удержать этот рубеж и вынуждены были отступить до Суэцкого канала. Да, там мы нанесли туркам поражение и вытеснили их из Египта, однако риск для наших коммуникаций был тогда крайне велик. Больше так рисковать нельзя, в будущем Суэцкий канал должен быть надежно защищен, особенно с востока, со стороны стратегически важной границы — границы с Палестиной. Если иудейские укрепления будут в руках у дружественного нам народа, а мы по-прежнему будем иметь превосходящие силы на море, нападение на Египет с востока или с севера станет практически невозможным.

Меня всегда поражало, почему в самом начале войны мы не взяли и не укрепили два важнейших порта: Хайфу и Яффу. Сделать это было несложно, поскольку они практически не охранялись, а тамошнее население было по большей части настроено пробритански. В начале войны можно было занять и укрепить к тому же и Газу. Будь у нас в руках три этих важнейших пункта, туркам не удалось бы сосредоточить в Палестине войска и направить их на захват Египта. Ни одна армия не прошла бы по приморской равнине, имея с фланга столь непосредственную угрозу, а другой путь в Египет, по восточной части Иорданской долины, многочисленной армии просто не одолеть. Лет восемьдесят назад Ибрагим-паша²²⁶ вынужден был отходить из Дамаска в Египет по этому пути, поскольку морские порты были в наших руках. Из древней столицы Сирии он вышел с восьмьюдесятью тысячами бойцов, и хотя на пути они не приняли ни единого боя, потери от болезней, голода, жажды и изнеможения составили свыше шестидесяти пяти тысяч. Из этого примерно понятно, какую возможность мы упустили, не воспользовавшись превосходством нашего флота и не захватив во время Великой войны эти порты на Леванте²²⁷.

Физическая география Палестины лишь усиливает ее стратегическую значимость. По долготе Палестина делится на четыре зоны, практически полностью пересекающие ее с севера на юг. У побережья неширокой полосой лежат приморские равнины Филистии, Шарона²²⁸ и Акры²²⁹. Они простираются от границы с Египтом до Ливанских гор. Следующий пояс — это продолжение Ливанского хребта, который почти непрерывной линией тянется через центральную Палестину, а потом на юге теряется в пустыне. Эта холмистая гряда и есть сердце Святой Земли, к ней относятся провинции Галилея, Самария и Иудея. Полностью хребет прерывается лишь между Галилеей и Самарией, где его рассекают долина Ездрелон и Изреельская долина, создавая проход с востока на запад²³⁰. По этому проходу со стародавних времен шли из Египта и в Египет армии. Следующая зона — это впадина Иорданской долины, глубочайшая в мире, которая протянулась от «вод Мерома»²³¹ у подножия горы Хермон — там она лежит на уровне Средиземного моря — до Мертвого моря, где она опускается почти на 1300 футов ниже уровня моря. К востоку от Иорданской долины лежат горы Аврана, Гилеада и Моава. Эта плодородная зона имеет ширину от двадцати до шестидесяти миль и находится на высоте от двух до четырех тысяч футов над уровнем моря. На севере и на востоке она теряется в Аравийской и Сирийской пустынях.

Естественными границами Палестины служат Средиземное море на западе, Сирийская пустыня на востоке, Аравийская и Синайская пустыни на юге и труднодостижимые перевалы в Ливанских горах на севере. Поблизости от моря нет границ лучше, чем горные перевалы и пустыни. Из этого следует, что если Палестине вернут ее библейские границы, то во всех опасных точках можно будет поставить войска, так что захват территории станет практически невозможным. Палестине достаточно будет совсем небольшой армии, и она станет почти столь же неуязвимой, как кантоны Швейцарии.

Интересы Британии настоятельно требуют создания в Палестине дружественного нам государства, которое послужит буфером между нами и теми агрессивными соседями, что могут достаться нам с севера и с востока. Величайшие военачальники и государственные мужи прошлого понимали, что, дабы владычествовать на востоке, прежде всего, необходимо заручиться содействием жителей Палестины. Александр Македонский осознавал, какую огромную помощь его греческой империи на Востоке могут оказать евреи. Он относился к ним в высшей степени дружелюбно, даровал им все мыслимые гражданские и религиозные свободы. Позднее, когда Палестина оказалась под властью Рима, Юлий Цезарь, первый и величайший из всех римских императоров, отчетливо понимал, что без дружественного содействия Палестины ему не одолеть восточных соседей, парфян и персов, и, дабы заручиться поддержкой евреев, освободил Палестину от уплаты дани, вывел оттуда свои легионы, снял с евреев воинскую повинность и даровал им полную свободу вероисповедания — не только в Палестине, но и по всей империи.

Если взглянуть на более близкие времена, мы выясним, что Наполеон по мере сил придерживался той же политики, что и его великие предшественники. В самом начале своей карьеры он даже предпринял попытку вернуть евреям Палестину и, возможно, преуспел бы, став тем самым французским повелителем всего Востока, но, на его несчастье, адмирал Нельсон в битве при Ниле лишил его владычества на море. Наполеона это, впрочем, не остановило — он повел своих солдат через Синайскую пустыню и покорил почти всю Палестину. Вот только благодаря господству на морях британского флота мы смогли перебросить значительные силы в Акру²³², и, потерпев поражение при знаменитой осаде этого города, Наполеон вынужден был отказаться от своих амбиций на Востоке.

Дружеское расположение Палестины имело огромное значение во времена Древней Греции и Рима, но сегодня оно еще важнее для обеспечения мира и процветания Британской империи. Соответственно, подписав знаменитую Декларацию Бальфура, где Англия выразила свое намерение содействовать созданию еврейского национального очага в Палестине, наши государственные мужи всего лишь следовали примеру величайших деятелей прошлого. Бессмысленно отрицать, что популярность Англии на Ближнем Востоке уже не та, что была тридцать-сорок лет назад. Египтяне со всей отчетливостью продемонстрировали, что не испытывают к нам особы любви. Кроме того, совершенно очевидно, что у арабских королевств свои собственные планы на будущее — и это может нанести огромный вред нашим коммуникациям на Востоке. Естественно, Турция — вернее, то, что осталось от некогда великой империи, — осознает, что падением своим обязана именно Англии, а политика Греции, по крайней мере, в данный момент, тоже идет вразрез с нашими интересами. Соответственно, нам просто необходимо добиться, чтобы Палестина была колонизирована теми, чьи интересы во всем совпадают с интересами Англии, кто готов в любой момент заключить союз с Британской империей.

Евреи — единственный народ, отвечающий этим условиям. Они всегда считали Палестину своим исконным достоянием, и хотя две тысячи лет назад их безжалостно изгнали с этой земли, все страшные годы изгнания они лелеяли надежду когда-нибудь вернуться в Землю Обетованную. Они всегда испытывали к нам дружеские чувства, и если сейчас Англия обойдется с народом Израиля по справедливости, чувства эти умножатся многократно. Некоторое время евреи не смогут существовать в Палестине самостоятельно, соответственно, цель их и задача будут состоять в том, чтобы с открытой душой сотрудничать с державой, которая не только вернула им землю их предков, но и сильной рукой защищает их от посягательств и агрессии соседей. Я убежден — они пойдут в будущее рука об руку с Англией. Интересы британцев и евреев столь схожи и так тесно переплетены, что их можно сравнить с рукой и перчаткой. Короче говоря, когда дружественное нам еврейское государство станет свершившимся фактом, жизненно важные интересы Британской империи в этой части мира будут неколебимы.

ГЛАВА XX

СКАНДАЛ С ИЕРУСАЛИМСКИМ ГОСПИТАЛЕМ

Как читатель помнит, я получил приказ вернуться в Нимрин и противодействовать попыткам турок пробиться к югу. Оказавшись в лагере, я обнаружил там около полутора тысяч турецких военно-пленных. Сотни из них были слишком слабы и больны, чтобы двигаться дальше, однако около тысячи оказались вполне в состоянии передвигаться — их под конвоем капитана Харриса и группы бойцов тридцать восьмого батальона отправили в Иерихон, а после короткого отдыха там — в лагерь военнопленных в Лоде. 1 октября штаб батальона был перенесен в Иерусалим. По пути туда мы наблюдали жалкое зрелище — несчастных турецких пленников, больных и изголодавшихся, которые едва ползли по крутому склону, поднимавшемуся от Иорданской долины к Иудейской пустыне; многие падали и умирали от изнеможения. Нашим врачам едва хватало сил управляться с нашими больными, которых все-таки подкосил ядовитый климат Меллахи, и теперь ряды наши таяли с каждым днем.

Новый наш лагерь располагался примерно в миle от стен Иерусалима, к югу, на дороге в Хеврон, и когда мы туда добрались, сотни бойцов, измотанных нечеловеческими условиями Иорданской долины, оказались больны малярией. Та же болезнь поразила и почти всех офицеров. Сам я в последнее время тоже чувствовал себя далеко не блестяще, однако квалифицированная помощь нашего врача капитана Холдина Дэвиса позволяла мне оставаться в строю.

К сожалению, перед самым нашим прибытием в лагерь прошел проливной дождь. Земля намокла, а поскольку никакого стационарного госпиталя не было, несчастных больных положили прямо на мокрую землю, выдав каждому лишь по одному одеялу; ни лекарств, ни медицинской помощи не было. Нам не отрядили ни медсестер, ни санитаров, ухода за больными не было никакого, за исключением того, что предоставляли их товарищи, еще способные передвигаться. Это прискорбное состояние дел, которое легко было бы предотвратить, если бы в штабе имели привычку думать

наперед, привело к тому, что многие умерли от малярии и воспаления легких, а один бедняга в бреду сам перерезал себе горло.

Капитан Дэвис в Нимрине тоже заболел, и его отвезли в карете милосердия в госпиталь. Я срочно затребовал нового врача, но ответа не получил — прошел почти год, прежде чем командование сподобилось прикомандировать к еврейскому батальону, в котором тогда было почти две тысячи человек личного состава, нового медика. Впрочем, без стационарных госпиталей остались не только евреи, но и другие — британцы, австралийцы, новозеландцы и индийцы. Ситуация сложилась совершенно недопустимая, требовалось донести ее до сознания ответственных за нее бюрократов.

Отвратительно было наблюдать, что немецкий хоспис на Масличной горе — здание, которое идеально подошло бы для госпиталя, — отдали штабным, в то время как больные и раненые, претерпевшие столько тягот и честно исполнившие свой долг, лежали на мокрой земле повсюду в окрестностях Иерусалима. Те немногие врачи, что помогали им, не несли никакой ответственности за это безобразие — они трудались как каторжные. Вся вина за преступную халатность лежит на генеральном штабе. В июле предыдущего года я уже писал в донесении, что в Иерусалиме необходимо организовать особый госпиталь для бойцов-евреев, но на это, разумеется, никто не обратил внимания. А предприми командование соответствующие действия, скольких смертей, скольких бессмысленных страданий можно было бы избежать. Только в моем батальоне мы потеряли свыше двух десятков бойцов: я уверен, что все они выжили бы при нормальном уходе, и если бы не своевременное прибытие (в составе тридцать девятого батальона) военврача капитана Саламана, которому я препоручил всех больных, потери, возможно, были бы еще ужаснее. После всех пережитых нами тягот личный состав батальона сократился примерно почти с тысячи до шестерых офицеров и полутора сотен рядовых.

Скудоумие как минимум некоторых представителей генерального штаба лучше всего продемонстрирует приведенная ниже переписка. Напомню, что еще из Иорданской долины я докладывал генералу Алленби, что медицинское обеспечение нашего батальона оставляет желать лучшего. Это пришлось не по душе кому-то из штабных — они вычислили частную телеграмму, которую я за несколько месяцев до того (18 июля) отправил секретарю медицинского комитета Еврейского полка в Лондоне, где говорилось: «Обсудить сэром Невилом Макреди. Настоятельно советую создать опорный пункт Иерусалиме».

Солдаты и офицеры Легиона у Стены Плача в Иерусалиме.

Обнаружив эту волнистую эпистолу, помощник начальника штаба направил генералу Чейтору следующее послание:

А.13780

Касательно медицинского обслуживания еврейских батальонов

Генералу Чейтору

Штаб-квартира группировки Чейтора

К этому письму прилагается копия телеграммы, отправленной, по нашим сведениям, командиром 38-го батальона королевских стрелков.

Просим Вас вызвать этого офицера и выяснить у него, в связи с чем и на каком основании он дает советы по вопросу, который касается исключительно Главнокомандующего, при этом не ссылаясь на Главнокомандующего и не получив предварительно от него разрешения.

(подпись) генерал-майор, помощник начальника штаба

Генеральный штаб 1-го эшелона

17 сентября 1918 г.

Вся эта шумиха поднялась из-за того, что несколькими месяцами раньше я отправил частную телеграмму в еврейский медицинский комитет, дабы сообщить, что, по моим представлениям, опорный пункт для госпиталей должен располагаться в Иерусалиме! Телеграмма была послана в ответ на послание лондонского комитета с запросом, возможно ли организовать отдельную медицинскую службу для солдат-евреев. По дате вышеприведенного послания видно, что направить его генеральный штаб счел необходимым непосредственно накануне большого наступления. Было бы куда больше пользы для дела, если бы помощник начальника штаба занялся обеспечением госпитальных коек для несчастных больных и раненых, вместо того чтобы именно в этот момент мешать

действиям войск, принимавших участие в важнейшем наступлении, от исхода которого во многом зависела судьба Англии. А, кроме того, для послания этого и вовсе не было никакого повода, ибо 26 июля 1918 г., сразу же по получении телеграммы от комитета, я отправил в генеральный штаб следующую докладную записку:

38-й батальон кор.[оловских] стр.[елков]

№ А/412/1/3

31-я пех.[отная] бриг.[ада] № 57д

10-я див.[изия] № 1324А

ХХ корпус № П.С.А. 565

Ген. штаб 1-го эшелона № а/13780

Штаб 31-й пех.[отной] бриг.[ады]

Я получил следующую телеграмму от достопочтенного секретаря медицинского комитета еврейских частей:

«Руководительница службы медицинских сестер санкционировала создание службы еврейских медсестер в Палестине. Можете ли вы организовать отдельные палаты для евреев в существующих госпиталях или по-иному организовать это дело? Комитет ждет ответа».

Относительно приведенной выше телеграммы хочу доложить, что когда в Англии я занимался организацией еврейских подразделений, я рекомендовал создать еврейский опорный госпиталь, что было санкционировано начальником штаба сэром Н. Макреди; после отбытия из Англии в Египет мы получили инструкции, что находиться он будет в Плимуте.

Из этого следует, что начальник штаба неверно понял мои соображения, ибо я считаю, что госпиталь этот должен находиться в Египте или в Палестине. Я отправил в Англию телеграмму с заявлением, что в Англии нет потребности в отдельном еврейском госпитале.

Я уверен, что вышеприведенная телеграмма есть результат переговоров с начальником штаба; предлагаю донести эту ситуацию до сведения генерального штаба 1 эшелона, дабы они связались с военным министерством и выяснили, какое решение принято по этому вопросу. Лично я убежден, что госпиталь этот должен располагаться в Иерусалиме.

(подпись) Д. Г. Паттерсон, подполковник,

командир 38-го бат.[альона] К. С.

Полевой штаб, 26/8/18.

На это был получен следующий ответ:

А/13780

Касательно палат и военных госпиталей для евреев

Ген. штаб 20-го корпуса

Касательно вашей докладной записи № П.С.А. 565 от 30/6/18 и присоединенной к ней переписки по вопросу создания еврейских палат в воен-

ных госпиталях, сообщаю, что всех бойцов-евреев будут отправлять в особую палату 27 госпиталя, пока общее число раненых позволит придерживаться данной процедуры.

(подпись) Ф. Дейлпимпл, подполковник, секретарь начальника штаба от имени помощника начальника штаба.

Ген.[еральный] штаб 1-го эшелона

10/7/18

Из чего следует, что если бы помощник начальника штаба имел хоть малейшее представление о том, что творится в его департаменте, ему не пришлось бы строить эти мелочные козни и задавать вопросы по поводу частной телеграммы, отправленной в Лондон парой месяцев раньше. Генералу Чейтору хватило здравого смысла придержать это послание до конца операции, после чего он переслал его мне. Нужно было объясняться — и вот копия моего ответа:

Штаб группировки Чейтора

А/412/1/3

Касательно вашего письма (исх. 412 от 13/10/18) по вопросу организации медицинского обслуживания еврейских батальонов, считаю необходимым для прояснения ситуации сообщить, что я напрямую сообщался с военным министерством на предмет создания еврейских батальонов и имел несколько встреч с сэром Невилом Макреди по делам, связанным с этим еврейским движением. Строго говоря, в Англии меня считали его фактическим руководителем, и посему решения по самым разнообразным вопросам мне часто приходилось принимать самому. Еще в Англии я изложил сэру Невилу Макреди свои соображения касательно госпиталя для бойцов-евреев, и, получив телеграмму от неофициального медицинского комитета, ответил частной депешей, в которой рекомендовал связаться с ним, а также выразил свои частные взгляды на данную проблему.

Мое мнение, выраженное в частном послании, никак не является «советом по данному вопросу» — отправляя эту телеграмму, я не держал ничего подобного в мыслях. Я всего лишь порекомендовал комитету обратиться к сэру Невилу Макреди, с которым я ранее уже обсуждал этот вопрос, а также отметил, где, на мой взгляд, лучше всего расположить опорный пункт.

Разумеется, никто не собирался предпринимать никаких действий, не проконсультировавшись с главнокомандующим Египетским экспедиционным корпусом; кстати сказать, я направил копию этой телеграммы в генеральный штаб, сопроводив ее письмом, где рекомендовал создать опорный пункт в Иерусалиме.

Прилагаю копию моего письма; одновременно хочу выразить сожаление относительно того, что к моему совету о создании госпиталя в Иерусалиме не прислушались. Если бы еврейский госпиталь был создан здесь до

начала нынешней операции, мы смогли бы избежать как лишних страданий, так и многих потерь. Бойцы еврейских батальонов, в крайне тяжелом состоянии, сотнями лежали в Иерусалиме на мокрой земле только потому, что в переполненных госпиталях им не было места, кроме того, у нас по несколько дней не было возможности эвакуировать лежачих больных.

Военные врачи, оказывавшие помощь на месте, ни в чем не виноваты; они просто не могли справиться с таким объемом работы в отсутствие персонала и стационарных госпиталей. Добавлю, что после несения службы в Иорданской долине и последующих боев 27 офицеров и 824 унтер-офицера и рядовых из вверенного мне батальона находятся в госпиталях.

В заключение должен сказать, что несколько удивлен тем, что частная телеграмма, отправленная частному лицу в июле месяце, вдруг сделалась предметом обсуждения.

Еще раз подчеркиваю: я не давал никому никаких советов, лишь высказал частное мнение и, отправляя эту телеграмму, не имел никаких иных намерений.

(подпись) Д. Г. Паттерсон, подполковник,
командир 38-го бат.[альон] кор.[оловских] стр.[елков].

Полевой штаб

19/10/18

В результате ходатайства еврейского медицинского комитета в Англии в двадцать седьмой госпиталь в Аббасии под Каиром был направлен контингент медсестер-евреек, руководимый сестрой Оппенгеймер²³³, — мне неоднократно приходилось слышать горячие похвалы в их адрес от тех, кто оказался на их попечении. Нельзя также забывать, что множество палестинских евреек вызвались служить сестрами милосердия после того, как британская армия заняла Яффу и Иерусалим. Я настойчиво добивался того, чтобы их предложение было принято и их зачислили на службу и соответствующим образом обучили, ибо предвидел, что их руки обязательно понадобятся в тот момент, когда будет предпринято решительное усилие изгнать турок из Палестины. Увы, к совету моему не прислушались, хотя, как я уже продемонстрировал, нужда в сестрах милосердия в Иерусалиме была огромной. Позднее около полудюжины евреек, в том числе сестры Берлин, хорошо известные в Яффе и Иерусалиме, были все-таки приняты на службу и направлены в госпиталь в Белахе. Я неоднократно бывал там, навещая своих бойцов, и когда я задал старшей сестре вопрос, как проявляют себя еврейки, она ответила, что у нее никогда не было столь ответственных и безотказных работниц. Прискорбно, что штаб отреагировал на бескорыстное предложение евреек только тогда, когда фактически уже было поздно.

ГЛАВА XXI

ЖИЗНЬ В ЛОДЕ

9 октября остатки батальона были отправлены по железной дороге из Иерусалима в Лод и там прикомандированы к гарнизонным войскам, обеспечивавшим охрану коммуникаций. Узнав, что нас разлучают с АНЗАКами, мы страшно опечалились, ибо все бойцы батальона с величайшим восхищением, уважением и приязнью относились к генералу Чейтору и членам его штаба — да и вообще испытывали дружеское расположение ко всем офицерам и рядовым кавалерийской дивизии АНЗАКов. Больных и недужных так и не забрали в госпиталь — там не было мест, и я оставил их на попечении тридцать девятого батальона и их старшего врача капитана Саламана.

Обоз наш должен был проследовать из Иерусалима в Лод 5 октября, однако животные были истощены непосильным трудом, а почти все погонщики страдали от малярии, поэтому я представил командованию рапорт, где говорилось, что они смогут двинуться только через неделю. В результате они остались в Иерусалиме еще на несколько дней после того, как штаб батальона покинул Священный город. Когда обоз наконец-то добрался до Лода, оказалось, что и животные, и люди вконец измотаны. Один из лучших моих унтер-офицеров, капрал Ллойд²³⁴, был в горячке и в бреду, а еще несколько бойцов, которые должны были остаться в иерусалимском госпитале, но их туда не взяли, прибыли на повозках. Их я отправил в местный госпиталь; к сожалению, капрал Ллойд так и не справился с болезнью и вскоре после этого умер. Как я уже говорил, малярия пощадила лишь полдюжины офицеров, но и они один за другим отправлялись на госпитальную койку, пока от батальона не остались лишь капитан Лидли, лейтенант Буллок и я! Одним из последний сдался майор Нил, но его свалил столь жестокий приступ, что никто не надеялся, что он выживет. Некоторое время имя его оставалось в списке «опасно больных», но, по счастью, потом он оправился.

День за днем немногие наши оставшиеся бойцы перекочевывали в госпиталь, и в конце концов я оказался в столь безысходной ситуации, что снова возвзвал к помощи австралийцев — у них неподалеку от нас был лагерь резервистов под командованием майора

Фергюсона²³⁵. Я отправился туда, рассказал, что мне не хватает людей даже для того, чтобы кормить животных, и попросил выделить мне человек двадцать, которые могли бы поить, выгуливать, чистить и проч. обозных животных. Как всегда, австралийцы с готовностью пришли на подмогу и оказали мне всю необходимую помощь.

Вскоре после того как тридцать восьмой батальон передислоцировали из Иерусалима, полковник Марголин тоже получил приказ следовать в Лод, хотя и было известно, что в лагере у него сотни больных. Не знаю, что стало бы с этими несчастными, подчинившись он приказу и бросив их на произвол судьбы, недужных и беспомощных, — читатель может и сам догадаться. На счастье этих бедолаг, полковник Марголин отказался уходить до того момента, когда всех больных заберут в госпиталь. В конце концов он добился того, что бойцов его поместили в палаты, а после этого и он сам, и остатки его батальона встали лагерем в миле от нас в Сурафенде, деревушке между Лодом и Яффой.

Вечером 22 октября полковник Марголин и капитан Саламан приехали верхом ко мне в лагерь и поведали, как дурно и несправедливо обращаются с солдатами-евреями в госпиталях, приводя по ходу множество конкретных примеров. Будучи старшим офицером еврейских батальонов, хотя при этом и неевреем, я был в высшей степени оскорблен тем, с каким, недостойным англичан, отношением пришлось столкнуться людям, которые проливали кровь за Англию, и тут же понял, что если я не выскажу открытого протеста против этой несправедливости, я тем самым погрешу против своего долга как перед моими подчиненными, так и перед всем еврейством. Я пришел к выводу, что лучший способ дать делу ход и заявить протест против дискриминации евреев — подать рапорт о том, чтобы меня освободили от командования. Рапорт был должным образом препровожден в генеральный штаб, но поскольку некоторые его сотрудники вовсе не желали, чтобы я оказался в Англии и трубы там об их подвигах, отставку мою не приняли. Некоторые штабные офицеры слишком хорошо понимали, что, дай они мне возможность вернуться в Англию, я немедленно поведаю тамошним властям о том, что их законные представители в Палестине отказываются проводить официальную политику британского правительства, а, напротив, делают все возможное, чтобы Декларация Бальфура превратилась в пустую бумажку.

До генерального штаба от нашего лагеря было всего мили две, и я подумал, что не помешало бы повидаться с генерал-майором Луисом Жаном Больсом, начальником штаба, и потребовать от

него, чтобы он положил конец издевательствам над евреями и заставил своих подчиненных «играть по-честному». Я нанес визит этому джентльмену, однако он, по одному лишь ему ведомым причинам, отказался меня принять. Я доложил его адъютанту, что лагерь мой находится неподалеку и я буду рад видеть генерала у себя в любой удобный тому момент, однако, выходя из его кабинета, отчетливо сознавал, что такого удобного момента не представится никогда, — так оно, собственно, и вышло.

Когда моя просьба об отставке была отклонена, а попытка переговорить с начальником штаба отвергнута, я высказал решительный протест против сделавшейся повсеместной антиеврейской политики и заявил, что если положение не изменится, я поставлю в известность военного министра и Парламент. После чего я получил из генерального штаба письмо с просьбой представить список моих претензий, а также изложить свои рекомендации касательно улучшения условий жизни еврейского батальона. В своем ответе я указал, сколько страданий перенес батальон в результате обрушившихся на него гонений, и привел конкретные примеры несправедливого, пристрастного отношения к нам во весь период нашей службы в составе ЕЭК. Кроме того, я подал отдельную до-кладную записку, где рекомендовал ряд нововведений, которые способствовали бы улучшению условий жизни бойцов. Там было пять конкретных предложений; во внимание не было принято ни одно.

Одно из предложений заключалось в том, что батальону необходимо присвоить еврейское название и кокарду с еврейской символикой. Военный министр пообещал нам это еще в сентябре 1917 г., если батальон должным образом зарекомендует себя в бою. Собственно говоря, военное министерство уже присвоило нам и название, и кокарду, но сотрудники штаба намеренно утаивали это от нас. Совершенно случайно, год спустя, я выяснил, что господа из египетского генерального штаба занимаются подобным укрывательством. О случайной путанице не могло быть и речи — я неоднократно посыпал им письма с вопросом, удостоился ли уже батальон этих почестей.

Итак, большинство моих офицеров и рядовых прямо на моих глазах отправились в госпиталь, сам я был нездоров и чувствовал себя очень одиноко в опустевшем лагере, и вот однажды ночью я сел писать письмо соболезнования миссис Кросс. Я сообщил ей, что хотя мы делали запросы во все турецкие госпитали, от Эс-Сальта до Дамаска, мы так и не получили никаких сведений о ее муже. Закон-

чил я письмо словами, что хотя надежда еще и не совсем угасла, она должна приготовиться к худшему: боюсь, ей больше не суждено увидеть своего мужа.

Была уже почти полночь, когда я наконец лег, но заснуть не мог и читал в слабом свете свечи. Вдруг в дверях моей палатки возникло бледное, призрачное лицо, и если бы я не был твердо уверен в том, что Кросс давно погиб, я принял бы это лицо за лицо Кросса. После чего замогильный голос произнес: «Вы не спите, сэр?» И тут я окончательно пришел к выводу, что все это мне снится. Когда же незнакомец шагнул к свету, я убедился, что это действительно Кросс, — и вскочил, дабы поприветствовать его с тем восторгом, с каким приветствуют друга, восставшего из мертвых.

Выяснилось, что когда партия их попала в засаду, Кросс был ранен и упал рядом с песчаной дюной, где его и обнаружили турки. Они забрали его с собой, а поскольку они стремительно отступали, его пешком прогнали до Аммана, а потом поездом отправили в Дамаск. Оттуда его собирались перевести дальше к северу, но тут в город вошли англичане. В неразберихе Кроссу удалось бежать, и в конце концов он сумел пробраться ко мне. Именно поэтому никто и не знал о его местонахождении — по ходу он не обращался ни в один из госпиталей.

Миссис Кросс уже получила от военного министерства официальное уведомление, что муж ее пропал без вести и, скорее всего, погиб. Я сказал Кроссу, что только что отправил его жене письмо с сообщением, что, увы, его, по всей видимости, уже нет в живых. Он, разумеется, тут же послал ей частную телеграмму и сообщил, что жив и здоров, — я же телеграфировал те же сведения официальным путем в военное министерство. Полагаю, что миссис Кросс сохранит мое письмо соболезнования как память о том, какую роль сыграл ее муж в Великой войне.

ГЛАВА XXII В РАФЕ

Перемирие с Турцией было объявлено 31 октября 1918 г. — весть эту сопровождали пушечная пальба и ракеты. Летчики из BBC на радостях выписывали в небе над нашим лагерем в Лоде замысловатые фигуры. 6 ноября батальон получил приказ проследовать в Рафу²³⁶ для отдыха, переэкипировки и реорганизации, и рано утром седьмого числа мы прибыли в этот приграничный пункт, рубеж между «пустыней и землей засеянной». Рафа, собственно, находится в Египте, сразу за границей с Палестиной, на Палестино-Египетской железной дороге, милях в пяти от Средиземного моря, — здесь и были поставлены шатры Израиля.

В тех краях по всему побережью тянется пояс песчаных холмов и песчаных дюн, шириной мили четыре. Линия их изрезана до чрезвычайности — некоторые пики взметаются футов на сто, в других местах зияют миниатюрные пропасти, долины и ущелья. Этакая горная страна в лилипутском масштабе. Песок тут такой твердый, что по нему можно скакать верхом, к великому счастью тех, кто не прочь поохотиться на гиен и шакалов, которые бродят во множестве по этой голой земле. Воздух среди песчаных дюн удивительно свеж и живителен — после мучительных недель в Иорданской долине мы впивали его с восторгом. По берегу же миллионами раскиданы удивительные ракушки.

Если удалиться от моря, то, в конце концов, полоса песка резко заканчивается, и у самой ее границы бедуины царапают землю своими допотопными плугами, относящимися еще к временам Авраама. Зеленые посевы, радующие взгляд, лежат почти что в тени песчаного откоса. Дальше простираются песчаные почвы холмистых долин, которые в основном возделывают арабы — повсюду разбросаны их деревушки, — а также бедуины, которые приходят и уходят по своей прихоти. Земля похожа на соты — она усеяна норками пищух, так что скакать здесь на большой скорости довольно опасно. Вот в какое спокойное местечко мы попали после тяжких и полных событий дней в Иорданской долине и в Гилеаде.

Бойцы один за другим возвращались из госпиталя; благодаря этому, а также переводам из сорокового батальона у нас скоро на-

бралось тридцать офицеров и около полутора тысяч унтеров и рядовых. После недолгого отдыха мы приняли на себя охрану коммуникационных линий — мы отвечали за безопасность многих миль железнодорожного полотна и прилегающей территории. Наша жизнь превратилась в бесконечную череду дежурств, сопровождений, нарядов, а также учений — когда хоть кого-то удавалось освободить ради этого от других дел. Кроме того, нам было поручено охранять несколько тысяч военнопленных, равно как и огромный, брошенный турками, склад боеприпасов, снаряжения, техники, всевозможные мастерские и проч.

Вскоре после прибытия в Рафу нас покинул капитан Лидли — он демобилизовался по собственному желанию и вернулся в Англию. На его место я назначил капитана Дунканна Сэндисона²³⁷ — шотландца, величайшего упрямца из всех, кто носит килт, первостатейного офицера, всей душой преданного своему делу; его любили все, кроме отъявленных злодеев.

В начале декабря мы получили из сорокового батальона королевских стрелков очередную партию новобранцев — все они были американскими гражданами. Я решительно возражал против того, чтобы в сложившихся тогда обстоятельствах мне присыпали неподготовленных бойцов, — обучать их было некогда, ибо батальон днем и ночью нес поистине непосильную службу. Сам я прекрасно сознавал, что нельзя давать новобранцам задания, выполнить которые способны только опытные солдаты, — рано или поздно это закончится трагедией. Я предвидел, что новоприбывшие станут нарушать дисциплину: не потому, что они были плохи сами по себе, а потому, что за отсутствием подготовки понятия не имели о воинской дисциплине. Соответственно я попросил штаб забрать у нас новичков — их было около восьмисот человек — и направить на обучение; я неоднократно предупреждал командование, какие в противном случае могут быть последствия, однако на мои просьбы никто не обратил ни малейшего внимания.

Бесконечных сожалений достойно то, что эти полные энтузиазма американские добровольцы, притом пламенные сионисты, так и не получили возможности себя проявить. Я помню, что во время смотра, сразу по их прибытии в Рафу, я был приятно удивлен их внешним видом — как выпрекой, так и статью. По физическим данным они далеко превосходили тех рекрутов, которых мы в свое время набирали в Англии, — полагаю, во всем ЕЭК не нашлось бы другого отряда таких молодцов. Однако они были совсем не обучены, не имели представления о дисциплине — дюжие эти ребята то

и дело попадались на нарушении воинского устава. Они попросту не понимали, что это такое — служить в армии. В связи с этим с большинством из них мне пришлось познакомиться лично. В мои «приемные часы» у нас состоялось множество любопытных бесед. Разумеется, я никогда не забывал, что причина большинства их промахов — недостаточная подготовка, и поступал с ними соответственно. Воинские их проступки, как правило, были несерьезными — того рода, какого ждешь от новобранцев, потому что они — новобранцы. И все же иметь в батальоне, который в любой момент может быть брошен в бой, восемьсот необстрелянных новичков — большая опасность.

Меня это так сильно тревожило, так ясно я сознавал, чем может кончиться дело, что, не дождавшись ответа от командования, я стал оглядываться по сторонам в поисках помощи и поддержки в нелегком этом положении. Единственным человеком, который мог оказать мне помощь, был председатель сионистской комиссии, которая тогда как раз работала в Палестине. Все помнят, что вскоре после принятия знаменитой Декларации Бальфура доктор Вейцман, президент сионистской организации, был отправлен в Палестину в должности главы комиссии, которая должна была ознакомиться с условиями жизни евреев и обеспечить их безопасность. Перед отбытием из Англии доктор Вейцман имел аудиенцию у Его Величества и привез с собой мощное оружие в виде писем от премьер-министра и мистера Бальфура к генералу Алленби. Некоторое время доктор Вейцман весьма плодотворно трудился в Палестине, а потом его отзвали обратно в Англию в связи с тем, что сионистская политика как раз рассматривалась правительством. Свои полномочия доктор Вейцман передал доктору Эдеру; к нему то я и обратился, ибо было чрезвычайно важно, чтобы ни единое пятнышко позора не легло на еврейский батальон. Однако доктору Эдеру, равно как и мне, ничего не удалось добиться.

Я отчетливо сознавал: отношение к еврейским батальонам является вопиющим нарушением британской традиции честной игры. Да, возможно, генерал Алленби не знал о том, как обращаются с нами некоторые члены его штаба и прочие мелкие чиновники, — разумеется, ему не докладывали о подобных мелочах. Будь он в курсе событий, я убежден: он никогда не позволил бы поставить под удар доброе имя какого бы то ни было батальона в составе ЕЭК, бросив туда восемьсот необстрелянных новобранцев, которых, «в связи с требованиями текущей обстановки», пришлось сходу направлять на задания, выполнить которые под силу только опыт-

ным бойцам. Увы, оповестить его о своей дилемме я не мог: начальник штаба генерал-майор Луис Жан Больс запретил мне обращаться к главнокомандующему напрямую, так что все мои донесения по этому вопросу застrevали в руках у тех, кто поставил себе задачу любой ценой дискредитировать евреев в Палестине.

Как я уже говорил, еще с момента начала операции в Иорданской долине я жаловался на здоровье и теперь сильно напоминал ходячий скелет, однако все надеялся, что, придерживаясь строгой диеты, как-нибудь выстою; по крайней мере, до сих пор я не попал на госпитальную койку. Решив, что несколько дней отпуска пойдут на пользу моему здоровью, я запросил увольнительную и отправился в Каир. Там, совершенно случайно, я столкнулся на улице с капитаном Саламаном — ему мой вид не понравился до такой степени, что он немедленно препроводил меня в госпиталь Насрия и перепоручил офицеру медицинской службы капитану Уолласу²³⁸. За пару недель Уоллас добился значительного улучшения, после чего меня перевели в прекрасный санаторий в Сырдарье, где и старшая сестра, и ее подчиненные были сама доброта и заботливость. Краткое пребывание в этом замечательно организованном заведении довершило курс лечения, и вскоре я смог вернуться в батальон.

ГЛАВА ХХIII

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНЗАКОВ

В это же примерно время наш батальон проинспектировал начальник над коммуникациями, и вот какое мы произвели на него впечатление:

Штаб

Палестинских коммуникационных линий

8 января 1919 г.

Инспекция Вашего батальона доставила мне большое удовольствие, я был приятно удивлен прекрасной выправкой Ваших бойцов.

(подпись) И. Н. Бродбент,

Начальник палестинских коммуникационных линий.

Итак, мы оказались в полной изоляции, на краю пустыни; жизнь в Рафе была скучной и довольно тяжкой. Главной здешней бедой были песчаные бури: жаркий ветер, который называется «хамсин», дул по многу дней кряду, в воздухе висела мелкая песчаная пыль, и жизнь делалась совершенно непереносимой. Пыль забивала глаза, нос и горло, а пища, какую ни возьми в рот, скрипела на зубах. Арабское слово «хамсин» означает «пятьдесят»: считается, что именно столько дней и дует этот жаркий ветер, однако, слава богу, в Рафе он редко задувал дольше чем на неделю.

Других войсковых подразделений поблизости не стояло, делять скучу было не с кем. Были там саперы из Железнодорожной дивизии, но они оказались полнейшими эгоистами: у них имелся прекрасный концертный зал, однако они не позволили нашим музыкантам там выступить. Даже в Рафе мелкая штабная сошка пыталась сплясать под дудку генштаба и по возможности осложнить нашу жизнь — пока они не познакомились с нами поближе.

Принимая во внимание все это, можно себе представить, как мы обрадовались, когда в Рафу вступили наши старые друзья из дивизии АНЗАКОВ и устроили там свой штаб. С АНЗАКАМИ мы расстались в Гилеаде, и с тех пор видеться нам не доводилось, однако мы знали, что они стоят лагерем на зеленых полях и красивых пастбищах, окружающих еврейское поселение Ришон-ле-Цион.

Превратности судьбы заставили их покинуть эти идиллические места, однако какие бы злые ветры не занесли их в Рафу, для нас это было все равно что благословение Божье. Мало того, что воцарился мир, так теперь мы еще вновь оказались в кругу старых друзей. И тут пошли скачки, вылазки на охоту, состязания, поединки боксеров — даже явился предприимчивый фотограф и запечатлел сцены лагерной жизни, группы офицеров и рядовых.

В песчаных дюнах вокруг Рафы нередко находили древние монеты, и генерал Чейтор, как правило, лично возглавлял партии, отправлявшиеся на поиски этих и других останков древних времен. Каждый раз мы находили что-то интересное: глазурованные глиняные черепки, осколки стекла, бусины, булавки, браслеты, кольца. Очередная песчаная буря сдувала верхний слой песка, и можно было отправляться за новыми находками на уже обследованную территорию — мы непрерывно состязались друг с другом за самые интересные находки. У генерала в этом смысле был глаз-алмаз, и обнаружить что-либо там, где проехал он, было почти невозможно. В Шеллале он отыскал прелестные древние мозаики, погребенные в песках, сделал прекрасные зарисовки и очень художественно их раскрасил, так что мозаики были, как настоящие. Я страшно обрадовался, когда он подарил мне копию с одного из рисунков.

Пологие холмы, среди которых мы жили, были усеяны могилами павших австралийцев и новозеландцев — когда мы проезжали здесь верхом с генералом Чейтором (а случалось это довольно часто), он рассказывал об операции, которая развернулась здесь, когда британцы впервые вошли в Палестину. Он в красках описывал боевые действия, в которых принимала участие его бригада во время победоносной битвы под Рафой.

Генерал тогда чудом избежал смерти. В разгар сражения он скакал галопом с одной позиции на другую в сопровождении всего лишь одного адъютанта — и они внезапно напоролись на окоп, буквально забитый турками. По счастью, турки решили, что следом за генералом скакет целый эскадрон, поэтому тут же вскинули руки и сдались. Генерал оставил адъютанта эскортировать пленных, а сам поскакал дальше руководить сражением.

Один раз мы доехали на автомобиле до Газы и провели там несколько весьма любопытных дней. Остановились у Али-Мунтара, холма, расположенного к востоку от города, — здесь находился штаб генерала Чейтора во время первой битвы за Газу²³⁹ — и он описал мне тогдашнюю обстановку. С этой точки видно практически всю Газу и окружающую ее местность.

Хочу напомнить, что в первой битве мы одержали победу, которая, однако, пока не признана историками, поскольку в итоге нам пришлось поспешно отступать к Рафе. Однако окажись наш натиск немного мощнее и будь на то воля верховного командования, Газа была бы нашей. Собственно, в какой-то момент мы ее действительно взяли: часть бригады генерала Чейтора вошла в город, они захватили несколько сотен пленных и парочку пушек, которые весьма успешно обратили против засевших в городе турок — их нелепая новая форма была прекрасно видна на расстоянии прямого выстрела. Турки начали в массовом порядке бросать оружие и сдаваться, но тут — увы! — британские войска внезапно получили приказ к отступлению, поскольку вдали заприметили колонну турецких подкреплений. Стоило, однако, бросить в бой британскую дивизию, находившуюся в резерве, и перерезать путь этой самой колонне, состоявшей из усталых, измученных жаждой бойцов; мы бы, безусловно, подавили сопротивление противника и одержали полную победу.

Приказ об отступлении генерал Чейтор получил вскоре после полудня, но поскольку один из его эскадронов находился прямо в городе, а на передовых позициях у него было много раненых, он выждал до наступления темноты, а потом уже отошел, забрав всех раненых, равно как и турецких пленных, и турецкие пушки. Может, кто-то в тот день и потерпел поражение, но никак не генерал Чейтор и не его бригада. Вторая битва при Газе была, как известно, с треском проиграна — мы вынуждены были отступить, понеся многочисленные бессмысленные потери.

В другой раз я вместе с полковником Кроллом²⁴⁰ из медицинской службы АНЗАКОВ съездил на автомобиле в Бер-Шеву. Именно в этот момент генерал Алленби, приняв командование над Палестиной, совершил успешный прорыв — и уже не отступал ни на шаг. По ходу этого прорыва АНЗАКОВ и австралийская кавалерийская дивизия совершили широкий обходной маневр, зашли на Бер-Шеву с фланга и внезапно обрушились на Тель-эль-Саву, расположенную милях в трех к востоку. Они галопом налетели на турецкие окопы и ворвались в Бер-Шеву в вихрях и клубах пыли — турки же пустились наутек в противоположную сторону, так, что только пятки сверкали, и затаились в холмах в стороне Хеврона. Новозеландцы утверждали, что это они взяли Тель-эль-Саву, поскольку именно они обошли ее с фланга; австралийцы же уверяли меня, что это они ворвались туда бешеным галопом. В любом случае австралийцы и новозеландцы одержали решительную победу (причем вклад в нее

внесли и те и другие), показав один из лучших примеров кавалерийской атаки в этой войне. Натиск, стремительность и изобретательность их были бесподобны, причем проявили ее бойцы всех рангов.

На маленьком кладбище под Бер-Шевой я навестил могилу майора Марквелла²⁴¹, храбрейшего офицера, павшего в том бою. Еще мы осмотрели древний город Бер-Шеву — очень было интересно заглянуть в колодец, который выкопал в этом историческом месте праотец Авраам. Из Бер-Шевы мы поехали на автомобиле в Газу, двигаясь вдоль бывшей турецкой линии фронта; каждый клочок земли был укреплен, превращен в лабиринт траншей и окопов, тут и там возвышались могучие редуты.

После взятия Бер-Шевы боевой дух турок был окончательно сломлен; впрочем, отступили они не без сопротивления, особенно на Атавинехе — хорошо укрепленном редуте в центральной части их позиций. После взятия Бер-Шевы подполковник Ньюкомб с частью Верблюжьего корпуса совершил бросок к северу, чтобы перерезать туркам путь отступления по дороге Бер-Шева — Хеврон. Однако в нескольких милях от Хеврона они попали в окружение. Три дня они отбивались от шести батальонов противника, однако, в конце концов, израсходовав все боеприпасы и потеряв многих бойцов, вынуждены были сдаться.

Судьба склонна преподносить сюрпризы. Если бы в тот день подполковник Ньюкомб²⁴² не попал в плен, он бы наверняка получил почести и награды; впрочем, позднее, в Константинополе, его ждало куда более ценное вознаграждение. Пока он находился там в плену и оправлялся от ран, он познакомился с прелестной юной дамой, которая, сильно рискуя, помогла ему совершить побег, а впоследствии стала его женой.

ГЛАВА XXIV

ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕНЬ

Вскоре после прибытия АНЗАКОв в Рафу генерал Чейтор выразил желание сделать смотр нашему батальону и вручить награды офицерам, унтер-офицерам и рядовым, которые заслужили их, находясь под его началом. То был великолепный солнечный день, и весь свободный от службы личный состав батальона выстроился на площадь; прибыл генерал Чейтор, дабы сделать им смотр и принять «генеральский салют». Батальон выстроился буквой П, офицеры, унтер-офицеры и рядовые, подлежащие награждению, стояли в центре; каждого вызывали по имени и прикалывали награду к груди, одновременно возвещая о его подвигах всем присутствующим.

Капитан Т. Б. Браун получил боевой крест с нашивкой за мужество, проявленное при разведывательных вылазках на вражескую территорию: он командовал разведывательной партией. Лейтенант Флигельстон²⁴³ также был награжден боевым крестом за мужество и выдержку, которые он проявил как пулеметчик. Лейтенант Кэмерон и лейтенант Буллок получили боевые кресты с нашивками за мужество, проявленное при проведении разведки в Иорданской долине. Капрал Блум²⁴⁴, ефрейтор Эльфман²⁴⁵, рядовые Энджел и Робинсон²⁴⁶ были награждены боевыми медалями за мужество, проявленное на Меллахе, а также во время недавних операций. Майор Нил получил звание «За боевые заслуги» за успешное командование батальоном в то время, когда батальон входил в состав «колонны Паттерсона»; капитан Лидли получил боевой крест за штабную работу, а старшина роты сержант Плант²⁴⁷ получил медаль «За воинскую службу» за особые заслуги на протяжении всех боевых действий.

После награждения генерал произнес следующую речь:

Полковник Паттерсон, господа офицеры, унтер-офицеры и рядовые бойцы тридцать восьмого еврейского батальона королевских стрелков!

Я специально прибыл сегодня сюда, прежде всего, чтобы представить к награде офицеров и рядовых, которые заслужили их во время недавних боевых действий, когда батальон находился под моим командованием.

Кроме того, я хотел сказать вам, как я был огорчен тем, что не смог поста-

вить вас в авангарде наступления на Эс-Сальт. Вам там было самое место, и я хотел, чтобы вы были там, однако индийские пехотинцы и другие подразделения оказались в более благоприятной позиции для атаки, вы же находились далеко к северу, в жарких песках Иорданской долины. Впрочем, даже окажись вы в авангарде наступления, вряд ли бы вам пришлось принять активное участие в бою — кавалеристы вырвались далеко вперед и захватили Эс-Сальт и Амман еще до того, как подошла пехота.

При этом не могу не отметить, какое сильное впечатление произвели на меня ваши действия на меллахском фронте, в особенности захват перевправы Ум-эш-Шерт и разгром, по моему приказу, турецкого арьергарда. Это позволило мне переправить конные части за Иордан, и, следовательно, вы внесли непосредственный вклад во взятие Эс-Сальта, равно как и в захват орудий и прочих боевых трофеев, а также во взятие Аммана, что позволило перерезать железную дорогу на Хиджаз, и в разгром четвертой турецкой армии, что стало огромным шагом на пути к великой победе под Дамаском.

Я кратко поблагодарил генерала за похвалу в адрес батальона, после чего батальон прошел маршем мимо награжденных, чем и завершилась эта замечательная церемония. Для батальона то был действительно выдающийся день.

Из вышесказанного яствует, как зарекомендовал себя еврейский батальон и сколь высоко оценил его единственный человек, который мог судить о наших боевых подвигах по собственному непосредственному опыту. При этом все деяния еврейского батальона целенаправленно замалчивались усилиями чиновников из генерального штаба. Да, еврейские подразделения упоминались в официальных донесениях по всему миру, однако упоминания эти были под строжайшим запретом в палестинской и египетской прессе. Бойцы-евреи, равно как и еврейское население, разумеется, видели в этом обиду и даже унижение — ведь со стороны создавалось впечатление, что мы плохо исполняем свой долг, хотя, на деле, еврейский батальон ничем не посрамил и даже покрыл славой британское оружие. Соответственно, по всей справедливости он должен был быть упомянут, и не раз, в местной, палестинской и египетской, прессе, однако все эти упоминания вычеркивались местной цензурой, которую «Таймс» справедливо назвала «самой некомпетентной, беспомощной и самой суровой из всех, какие существуют в странах, находящихся под британским управлением».

Все обратили внимание на эту несправедливость, когда в речи, произнесенной в Каире в декабре 1918 г., главнокомандующий пе-

речислил национальности всех бойцов, сражавшихся под его началом, включая армян и представителей Вест-Индии, однако подчеркнуто обошел молчанием подвиги евреев в Палестине. На фоне тех преследований, которым мы подвергались, это молчание выглядело особенно красноречивым.

Вот что, однако, значилось в его донесении, попавшем в английскую печать, — видимо, по счастливой случайности, цензор проглядел это место:

Донесение генерала Алленби

31 октября 1918 г.

Боевые действия к востоку от Иордана.

Противник, однако, продолжал удерживать подходы к переправам на Западном берегу, делая невозможным переправу войск через Иордан в Ум-эш-Шерте и проч.

Рано утром 22 сентября бойцы тридцать восьмого батальона королевских стрелков захватили переправу в Ум-эш-Шерте.

Все боевые подразделения показали себя с лучшей стороны и с честью выполнили боевую задачу.

Хочу особо отметить высокие боевые качества недавно образованных подразделений. Среди них... 38-й и 39-й (еврейские) батальоны королевских стрелков.

(подпись) Г. Алленби, генерал,
командующий ЕЭК.

В ответ на поздравительное письмо секретаря Американской сионистской организации главнокомандующий написал:

22 ноября 1918 г.

Дорогой сэр,

Рад уведомить, что письмо Ваше мною получено...

Вам, полагаю, приятно будет услышать, что еврейские батальоны неизменно показывают себя с самой лучшей стороны...

Я получил поздравительные послания от многих выдающихся лиц, но выше других ценою письмо прекрасного, воистину великого человека — Теодора Рузельта²⁴⁸. Письмо это, написанное всего за три недели до его кончины, добралось до меня лишь в конце марта — Рузельта уже два с лишним месяца не было в живых. Письмо было по ошибке отправлено во Францию и долго блуждало из одной армии в другую, пока наконец кто-то не заметил в адресе букв «ЕЭК» и не переправил его в Палестину:

11 декабря 1918 г.

Дорогой полковник Паттерсон!

От всей души поздравляю Вас с тем, что Вам довелось, в роли командира, принять участие в одном не только из самых важных, но и самых драматичных эпизодов этой войны. То, что под Вашим началом сыны Израиля перебили «голени и бедра» аммонитянам, — немалая заслуга.

Что до моей личной утраты, гибель моего сына Квентина²⁴⁹ стала тяжким ударом, но этот удар был бы еще тяжелее, если бы сын мой не ушел в первых же рядах сражаться в этой войне. Еще два моих сына²⁵⁰ были ранены, один из них навсегда остался калекой. Другой же оправился и сейчас в чине подполковника командует полком, который в настоящее время про-двигается к Рейну. Кермит — капитан артиллерии, он служил сначала в Месопотамии, а потом под командованием Першинга²⁵¹ участвовал в битве в Аргонском лесу²⁵².

С поздравлениями от всего сердца,

Искренне Ваш,

Т. Рузвельт.

Хотя в штабе старательно замалчивали наши подвиги, наши друзья, местные сионисты, прекрасно знали, как доблестно сражается батальон; нам было очень приятно получить следующее официальное послание от сионистской комиссии:

Сионистская комиссия в Палестине

Старшему офицеру по политическим делам,

Генеральный штаб, для передачи далее

Тель-Авив, Яффа, Палестина

15 октября 1918 г.

Полковнику Паттерсону, кавалеру звания «За боевые заслуги»

38-й батальон к. с.

Дорогой полковник Паттерсон!

От лица Сионистской комиссии, с особым удовлетворением посылаем Вам и находящимся под Вашим командованием бойцам 38-го и 39-го батальонов королевских стрелков искренние поздравления в связи с особыми успехами королевских стрелков в последнем сражении, итогом которого стало полное освобождение Палестины. Мы неуклонно и с живейшим интересом следим за действиями Ерейского Легиона, и проявленное им мужество наполняет нас особой гордостью.

На состоявшемся вчера заседании Сионистской комиссии лейтенант Жаботинский доложил, что четверо бойцов Вашего батальона удостоены особых наград. На заседании было принято решение поздравить Вас с этой честью и попросить Вас об одолжении передать поздравления Комиссии бойцам, заслужившим награды.

Мы желаем Вам, равно как и всем офицерам и бойцам, находящимся под Вашим началом, всего самого наилучшего.

Искренне преданный Вам, дорогой полковник Паттерсон,

Жак Моссери²⁵³,

Секретарь

(подпись)

Вскоре после возвращения в Англию я получил от генерала Чайтора следующее послание — знаю, что оно наполнит сердца добрых старых бойцов нашего батальона особой гордостью:

Веллингтон, Новая Зеландия

9 марта 1920 г.

Дорогой Паттерсон,

Надеюсь, теперь история тридцать восьмого батальона уже стала достоянием гласности. Ведь очень немногие слышали о боевых качествах этого батальона, о том удивительном факте, что по ходу операции, которая, надеюсь, наконец-то открыла евреям свободный путь в Палестину, на берегах Иордана сражался еврейский батальон — совсем неподалеку от тех мест, где их предки под командованием Иисуса Навина впервые ступили на землю Палестины; все, кто узнают об этом, непременно желают знать больше.

Я навеки признателен и Вам, и Вашим бойцам за отменную службу в те дни, когда вы находились под моим началом в Иорданской долине.

Ваш налет на турецкий арьергард во время его попытки контратаковать нас на Иордане серьезно облегчил дальнейшее наступление на Моавитские горы.

С наилучшими пожеланиями,

Искренне Ваш,

(подпись) Э. У. Чайтор.

ГЛАВА XXV

ЗАПРЕТ НА ВХОД В СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

24 февраля 1919 г. я был официально назначен командующим «округом Рафы». «Округ» был довольно велик: на юге он включал в себя почти всю Синайскую пустыню, а на севере — Палестину почти до самого Бир-Салема; на востоке же простирался далеко за Бер-Шеву в глубь Аравийской пустыни. Нам полагалось охранять почти полтораста миль железнодорожного полотна и постоянно следить за бедуинами и их перемещениями — в противном случае они начинали выкидывать на железной дороге всякие фокусы. Пришлось ввести постоянное патрулирование, и не проходило и дня, чтобы они не подкидывали нам свеженькую задачку. Труба, по которой поставлялась из Египта пресная вода, шла вдоль железнодорожной насыпи, и, разумеется, мучимые жаждой странники-исмаилиты считали обычным делом проломить эту самую трубу ради того, чтобы напиться и напоить верблюда. Приходилось все время быть начеку, дабы подавлять поползновения друзей и союзников в самом зародыше. Кроме того, они, ничтоже сумняшеся, тащили муку, фурраж и прочее с военных складов в Рафе — у наших стражей то и дело происходили развеселые стычки с мародерами. Не могу не отметить, что к возможности получить пулю эти проходимцы относились с похвальной беспечностью.

Пока рядом была дивизия АНЗАКов, наши проказливые соседи меня не особенно тревожили, однако когда АНЗАКов спешно отозвали в Египет на подавление вспыхнувших там беспорядков, дело приняло совсем иной оборот. Помимо тридцать восьмого батальона, в моем распоряжении были индийские пехотинцы, стоявшие в Газе, и южно-африканские войска в Эль-Арише. Но по ходу демобилизации передислоцировали и их, так что вся огромная территория осталась в распоряжении и под контролем одного только еврейского батальона. Бойцы мои выполняли свои нелегкие обязанности на удивление хорошо. Они были рассыпаны по мелким постам вдоль железнодорожной линии, часто — в окружении арабских деревень и бедуинских стоянок, однако я не припомню никаких трений между евреями и арабами, хотя обстановка для того была

самая подходящая, — видимо, настоящей вражды стороны все-таки друг к другу не испытывали. Да, собственно, и по всей Палестине евреи и арабы уживались на удивление мирно и вот уже сорок лет с начала еврейской колонизации дружно трудились бок о бок.

Когда националисты развязали в Египте беспорядки, комендант Эль-Ариша²⁵⁴ испугался, что они перекинутся и на этот крупный арабский город. В связи с этим я отправил туда подкрепление под командованием одного из своих офицеров, капитана Яффе. Аэропланы, прилетевшие с аэродрома в Гелиополисе, кружили над Эль-Аришем на малой высоте, вселяя в тамошних жителей страх божий. Эта демонстрация силы, равно как и авторитет военного коменданта полковника Паркера²⁵⁵, позволяли соблюдать спокойствие, и никаких беспорядков не последовало.

Позднее нам пришлось охранять множество политических заключенных, присланных из Египта после подавления беспорядков; это добавило батальону еще нелегкой работы.

В Рафе находился огромный склад оружия, раскинувшийся на много акров; для нас это был постоянный источник беспокойства, его охраняли по периметру днем и ночью. Пока этим занимались еврейские войска, ничего неподобающего там не происходило, но после их вывода по недоброму стечению обстоятельств весь склад взлетел на воздух; были многочисленные человеческие жертвы.

Хотя от батальона и требовали постоянной работы на пределе сил, у бойцов было одно великое утешение. Под моим началом они были избавлены от всяческих мелких проявлений дискриминации, и хотя при мне находилось пятеро штабных офицеров, они оказались славными ребятами, с готовностью делавшими все от них зависящее, чтобы с еврейским батальоном обходились по справедливости.

В начале апреля мы получили из штаб-квартиры приказ, который донельзя огорчил всех бойцов: согласно ему, ни один военнослужащий-еврей не имел права входить в Иерусалим во время празднования еврейской Пасхи. Вот что говорилось в приказе:

«Всем евреям, находящимся на военной службе, запрещено входить за стены Иерусалима с 14 по 22 апреля включительно».

Мне и представить себе трудно более откровенную провокацию в отношении бойцов-евреев, более жестокое оскорблении в их адрес. Вход в Иерусалим им был запрещен именно в дни празднования Пасхи. Вы только представьте себе! Впервые в жизни бойцы-евреи оказались в Палестине, и им закрыт доступ к стене иерусалимского храма в праздник Пасхи! Только еврей способен понять,

что именно этот запрет значил для этих людей; нетрудно представить, какому испытанию подверглась их лояльность и как это сказалось на дисциплине. Насколько провокационным и оскорбительным был этот приказ, станет еще яснее, если добавить, что евреи составляют большинство населения Иерусалима и, соответственно, нет никакой разумной причины, по которой бойцы еврейского подразделения в составе британской армии были лишены права входа в древний город, в то время как другие британские военные пользовались свободным доступом; тем более что поведение бойцов-евреев в то время было просто образцовым. Пожалуй, со времен императора Адриана²⁵⁶ никто еще не издавал столь унизительного распоряжения.

Чтобы хоть как-то сгладить промашку властей, я организовал празднование Пасхи в Рафе, позаботившись, чтобы оно прошло со всей торжественностью и весельем, с какими у евреев принято праздновать этот великий праздник. Заплатив немалые деньги, мы раздобыли опресноки²⁵⁷, строго кошерные, равно как и кошерные мясо с вином. Численность батальона тогда была около двух тысяч, так что подготовкой праздничного пиршества пришлось заняться всерьез: лейтенант Жаботинский, лейтенант Лазарус²⁵⁸ и достопочтенный Фальк превратились в возниц и доставили в наше расположение все необходимое. Великолепное это было зрелище, когда мы все вместе сели за стол и запели Агаду²⁵⁹ на самом краю Синайской пустыни.

Сионистская комиссия²⁶⁰ и лично мисс Бергер²⁶¹, сионистка из США, оказали нам материальную помощь; то же самое сделали и наши друзья-англичане. Действующий председатель Сионистской комиссии прислал мне по этому случаю следующее послание:

Сионистская комиссия в Палестине
 Старшему офицеру по политическим делам,
 Генеральный штаб, для передачи далее
 Иерусалим, 6 апреля 1919 г.
 Полковнику Паттерсону, кавалеру звания «За боевые заслуги»
 38-й батальон к. с.
 Дорогой полковник!
 От имени Сионистской комиссии хочу попросить Вас зачитать это письмо бойцам Вашего батальона во время седера²⁶².
 Комиссия счастлива предоставить им средства на празднование Песаха, Дня избавления, и мы надеемся, что день этот принесет им великую радость. У нас сейчас есть все основания уповать, что молитвы, которые мы

возносили на протяжении долгих лет, скоро будут услышаны; полагаю, что бойцы испытывают радость и гордость от сознания того, что своим мужеством и самопожертвованием внесли достойный вклад в наше общее дело. Комиссия, выступая от лица Сионистской организации, выражает им от имени всего еврейского народа благодарность за преданную службу — как сейчас, так и ранее — свободолюбивой стране, Великобритании, которой они дали клятву верности, и нашему народу Израильскому, во имя будущей славы которого они жертвовали своими жизнями. Выдающаяся роль, которую они сыграли и продолжают играть, навсегда останется ярким следом в долгой истории нашего древнего народа.

С сердечным приветом,

(подпись) Гарри Фриденвальд²⁶³,

Действующий председатель Сионистской комиссии.

Поскольку Рафа находится сразу за границей Палестины и, соответственно, в «галуте»²⁶⁴, празднование у нас длилось восемь дней. Многие бойцы рассчитывали, что так как до границы от нашего лагеря всего-то несколько ярдов, то на восьмой день я прикажу испечь обычный хлеб, по которому некоторые уже соскучились. Но я и слышать об этом не хотел — и с того самого дня стал считаться самым ортодоксальным евреем во всем батальоне!

ГЛАВА XXVI

ЧЕМПИОНАТ ПО БОКСУ

Период демобилизации принес с собой волну беспорядков и нездорового возбуждения, и, дабы отвлечь бойцов интересными и увлекательными занятиями, в ЕЭК повсеместно устраивали соревнования по боксу, футболу, крикету и прочим видам спорта. Вскоре после того, как нас передислоцировали в Рафу, из генерального штаба была прислана программа спортивных мероприятий. Разумеется, самый большой интерес в действующей британской армии вызывали соревнования по боксу²⁶⁵, и тридцать восьмой батальон принял активное участие в этих состязаниях.

По условиям соревнований, участвовать в нем могли сборные команды бригад и даже дивизий. Поскольку мы не относились ни к одной бригаде или дивизии, нам пришлось набирать команду из числа личного состава батальона, что было, разумеется, совсем не просто. Однако я не мог не воспользоваться такой возможностью доказать, что при правильной тренировке бойцы еврейского батальона смогут выстоять против команды любого другого подразделения, любой бригады или даже дивизии британской армии. Я сформировал спортивный комитет, создал команду боксеров, купил им перчатки, груши и проч. и отправил их вместе с тренером в Эль-Ариш, за тридцать миль от нашего лагеря, на средиземноморское побережье. Там они бегали кроссы и эстафеты, боксировали, купались, танцевали — словом, сержант Гольдберг²⁶⁶, наш тренер по боксу, доводил их до нужной спортивной формы.

До финала в Каире должны были дойти только сильнейшие, и, дабы отсеять более слабые команды, участников чемпионата разделили на четыре группы: первая — для бойцов, расквартированных в Египте, вторая — для палестинцев, третья — для сирийцев, четвертая — для лучших представителей австралийцев и новозеландцев. Проинспектировав команду тридцать восьмого батальона перед самым началом чемпионата, я понял, что наши шансы на успех весьма высоки — боксировали наши спортсмены отменно.

Наконец настал день палестинского чемпионата. Все мы пребывали в величайшем возбуждении, и все лелеяли надежду на успех. Наши спортсмены вышли на ринг в Кантаре, вокруг которо-

го собирались тысячи зрителей. Боксировали они великолепно, однако здесь не место вдаваться в подробности. Довольно того, что мы одержали верх над всеми соперниками, взяли пять золотых медалей и завоевали звание чемпионов Палестины, которое давало нам право участвовать в финале чемпионата — в грандиозном состязании всех представителей ЕЭК в Каире. Что могло быть прекраснее: бойцы-евреи стали чемпионами Палестины.

Можете себе представить, какое празднество состоялось в нашем лагере, когда команда с победой вернулась в Рафу, какое громовое «ура» раздалось, когда в одном из клубов я вручил победителям золотые медали. Вот их имена:

Рядовой Бурак — тяжелый вес

Рядовой Танкинов — второй полусредний вес

Рядовой Коэн — легкий вес

Рядовой Франкс — полулегкий вес

Рядовой Гольдфарб — легчайший вес

Итак, в первом раунде этих типично британских спортивных состязаний верх одержал всеми презираемый еврейский батальон!

Оставался еще финал в Каире, где нам предстояло встретиться с чемпионами Египта, Сирии и австралийских войск. В Эль-Арише опять начались изнурительные тренировки, и я готов засвидетельствовать: в тот славный вечер 13 марта не было на каирском ринге бойцов, подготовленных лучше, чем наши. Именно тогда, в присутствии тысяч зрителей, съехавшихся из самых разных мест, прошел первый этап состязания.

И вновь еврейских батальон одержал победу практически во всех поединках, нанеся поражение боксерам из британских частей. И вот остался финальный этап чемпионата ЕЭК, в котором нам предстояло выступить против австралийцев: они, в свою очередь, одержали победу над соперниками. То был памятный вечер (и, кстати, мартовские иды²⁶⁷). Накал страстей вокруг ринга был необычайно высок, и представители обеих сторон показали себя как нельзя лучше. В итоге еврейский батальон сумел взять верх над австралийцами.

Победу нам, однако, не присудили — на том основании, что в сборной команде нашего батальона не было ни одного офицера. И хотя одного офицера я в состав команды включил, судья (британский генерал, не австралиец) заявил, что офицер этот лишь «прикомандирован» к тридцати восьмому батальону и, соответственно, не может считаться его представителем. Собственно говоря, практически все офицеры нашего батальона были всего лишь «прико-

мандированы», но, вот, поди ж ты! Видимо, кому-то показалось, что будет «неправильно», если один еврейский батальон возьмет да и разгромит весь Египетский экспедиционный корпус!

Почти так же хорошо показали себя и наши футболисты — мы очень неплохо выступили в чемпионате Палестины. В крикете, сугубо английском виде спорта, батальонная команда, наставником которой был капитан Пейп²⁶⁸, тоже выступила весьма достойно, одолев всех соперников, за исключением авиаторов, в матчах в Бир-Салеме; ну, а в бейсболе нашим американцам и вовсе не было равных: уж тут они были настоящие мастера и часто демонстрировали свое искусство, к великому удовольствию тех, кто раньше никогда не видел этой игры.

Наши музыканты тоже оставались на высоте и с легкостью заняли ведущее положение в Палестине — соперничать с ними мог один только тридцать девятый батальон. Стоило мне только обронить слово, что наш лучший скрипач Чайков²⁶⁹ собирается дать концерт, и в музыкальную палатку набивалось в четыре раза больше народа, чем она в принципе могла вместить. Кончилось тем, что один завистник переманил у нас Чайкова. Комендант Иерусалима полковник Сторрс так долго умолял меня уступить ему музыканта, что я не смог отказать, тем более что сам Чайков от этого только выгадал: он поселился в Священном городе и стал там директором школы музыки.

ГЛАВА XXVII

ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ СКАЧКА

В начале мая нас перевели из Рафы в Бир-Салем. Передовой отряд выдвинулся шестого числа, десятого за ним последовал штаб батальона; мы заступили на дежурство вместо седьмой индийской пехотной бригады, которая была передислоцирована в Хайфу.

В Рафе наше место занял сороковой (еврейский) батальон королевских стрелков, который на тот момент состоял преимущественно из молодых палестинцев, завербованных майором Джеймсом де Ротшильдом и лейтенантом Липси. Некоторое время командовал батальоном подполковник Ф. Д. Сэмюэл, однако он вернулся в Англию в то время, когда батальон нес гарнизонную службу в Хайфе.

На его место был назначен полковник Скотт²⁷⁰, чрезвычайно добросовестный офицер и, кроме того, с большим сочувствием относившийся к сионизму. В Рафе ему пришлось нелегко — и все из-за недальновидных действий военных властей. Бойцы сорокового батальона завербовались в армию с условием, что служить они будут в Палестине; но местные штабные чины проигнорировали этот пункт соглашения и отдали приказ части личного состава передислоцироваться на Кипр. Это было нарушением условий, оговоренных при вербовке, бойцы отказались подчиниться, в итоге начальству пришлось уступить и отменить этот неразумный приказ. Ради чего офицеры штаба, прекрасно знавшие об этом условии — служить только в Палестине, — довели прекрасный батальон чуть не до мятежа? На Кипр можно было послать любую другую часть. По счастью, полковник Скотт не дал своих бойцов в обиду во время этих неприятных событий и прослужил с ними до декабря 1919 г., когда сороковой батальон объединили с тридцать восьмым.

В начале мая я постоянно видел повсюду — на железнодорожной станции, семафорах, на мастерских, на паровозах, грузовиках и вагонах — непонятно откуда бравшиеся надписи: «Помни 11 мая». Имелась в виду, понятное дело, та дата, когда, как полагали бойцы (справедливо или нет), всех их демобилизуют, — ведь должно было пройти ровно полгода с момента Перемирия, заключенного 11 ноября 1918 г. До меня доходили слухи, что в ЕЭК зреет заговор с целью поднять в этот день всеобщий мятеж; потом я выяснил, что

бойцы из других частей подбивают бойцов моего батальона бросить свои обязанности.

Узнав об этом, я решил подавить мятеж в зародыше и поставил себе задачу поговорить с каждым из бойцов, даже на самых удаленных постах, и донести до их сведения, что на них, как на евреях, лежит особая ответственность. Я убеждал их ни в коем случае не поддаваться на уговоры провокаторов из других частей. Я говорил им, что британские солдаты, пожалуй, и могут позволить себе взбунтоваться, однако евреи, находящиеся на службе британской короны, — никогда. С гордостью сообщаю, что в моем батальоне ни один человек не уклонился 11 мая от исполнения своих обязанностей, все шло своим чередом. В других же местах действительно вспыхнули мятежи; тысячи британских солдат в Кантаре²⁷¹ устроили беспорядки и поставили город с ног на голову. Впрочем, историю эту замяли, были достигнуты определенные договоренности и, насколько мне известно, наказывать бунтовщиков не стали. Постепенно жизнь вернулась в нормальное русло.

На тот момент, когда мы вышли из Рафы, наш личный состав насчитывал пятнадцать офицеров и 1300 бойцов других рангов. Служба в Бир-Салеме, Лоде и Рамлехе оказалась крайне тяжелой. Зачастую бойцам приходилось нести службу по три ночи в неделю, а в свободные от караульной службы часы их отряжали эскортировать пленных и проч., поскольку в Лоде находился большой лагерь, где содержались турецкие и немецкие военнопленные.

В Бир-Салеме нас прикомандировали к третьей (лахорской) дивизии, которой командовал генерал Хоскин²⁷². С огромным удовольствием сообщаю, что этот офицер, равно как и члены его штаба, с большой душевной теплотой приветствовали нас в Бир-Салеме и делали все от них зависящее, чтобы устроить нас как можно удобнее. Генерал Хоскин и его подчиненные для меня — яркая звезда среди тех мрачных британских созвездий, меж которых нам суждено было вращаться. Как сильно меняется моральный дух полка или батальона, если бойцы знают, что штаб всегда готов прийти им на помощь (в чем, собственно, и состоит функция штаба) и что штабные не станут чинить им препятствия на каждом шагу! В первом случае бойцы будут трудиться с полной самоотдачей, во втором же повернутся к начальству спиной, а при таком раскладе трудиться с радостью и единодушием совершенно невозможно. То было счастливое время для молодых львов Иуды — начальник штаба и его подчиненные оказывали нам всевозможную помощь и содействие. И мы еще ведать не ведали, какие тяжкие

испытания ждут нас после отбытия генерала Хоскина и его замечательных офицеров, которых бойцы называли «сагибами»²⁷³.

Батальон в неоплатном долгу перед мистером Джессопом²⁷⁴, неутомимым секретарем египетского отделения Ассоциации молодых христиан, который преподнес нам замечательную палатку для собраний — со столами, стульями, скамьями, светильниками и проч. Без этого дара от молодых христиан нам пришлось бы весьма тяжко, ибо лагерь располагался среди песков, где не было никаких построек, да и вообще никаких удобств — стоявшим по соседству войскам повезло куда больше.

Необходимо отметить, что хотя состоятельные евреи из Каира и Александрии вносили щедрые пожертвования в фонд ЕЭК, призванный обеспечивать удобства бойцов, еврейскому батальону оттуда не перепало решительно ничего, что могло бы поднять наш дух в этом невеселом месте. Мы просили граммофоны и проч., но не получили ничего — даже ответа!

Впрочем, в Бир-Салеме мы были вознаграждены. В наш лагерь среди песков постоянно приходили, дабы нас подбодрить, замечательные гости. Среди них — хакам-бashi (верховный раввин Яффы) Уззиэль Бенцион²⁷⁵ и знаменитый голландский поэт, доктор де Хаан²⁷⁶. Помню, последнего очень заинтересовала ручная обезьянка, принадлежавшая одному из рядовых, однако забавная зверюшка не проявила к поэту ни малейшего почтения и выразила недвусмысленное намерение оставить ему на пальце следы своих зубов в память о визите. Жители Яффы, во главе которых стоял господин Бецалель Яффе²⁷⁷, и Ришон-ле-Циона, возглавляемые господином Глускиным, всегда принимали нас в этих поселениях с отменным гостеприимством.

Пока мы стояли в Бир-Салеме, я провел много приятных вечеров в компании господина Ахарони²⁷⁸, известного натуралиста, жителя Реховота. Пожалуй, во всей Сирии и Палестине не найдется другого такого знатока местной природы. Он много и увлекательно рассказывал о своих приключениях среди бедуинов во время экспедиций за интересными образцами флоры и фауны для европейских музеев. Когда началась Великая война, ему удалось раздобыть двух птенцов страуса неизвестного науке подвида — он надеялся доставить их живьем в Англию. Однако когда начались перебои с продовольствием, кормить страусов стало нечем, пришлось их забить. Из них изготовили чучела, которые теперь находятся в знаменитом музее лорда Ротшильда в Тринг-Парке, графство Букингемшир. Историю про страусов господин Ахарони рассказал

мне, когда мы отмечали «Праздник Кущей»²⁷⁹ в тени «красивых дерев, ветвей пальмовых и ветвей дерев широколиственных и верб речных», и радость наша была велика, ибо угощение Геварета Ахарони пришлось мне очень по душе..

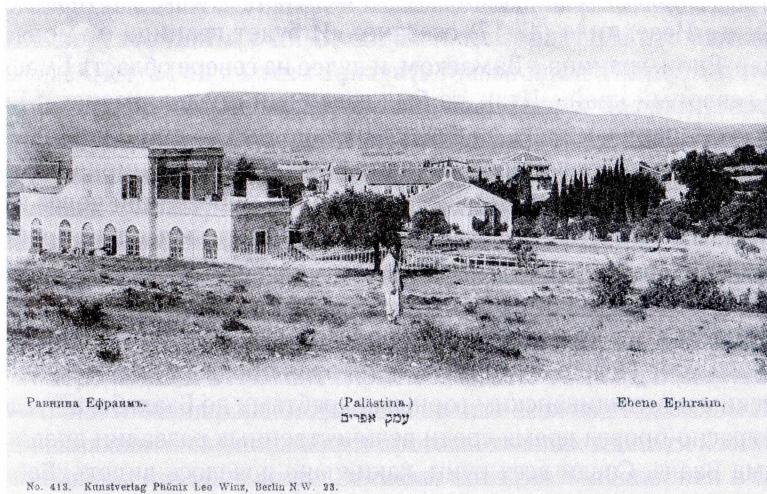
Примерно в это же время в разных частях Палестины, Сирии и Египта стали организовывать войсковые скачки; офицеров призывали участвовать в них, а также привлекать к этому занятию рядовых — главным образом, чтобы отвлечь их от непрерывных разговоров о демобилизации. 5 июня такие скачки состоялись в Сурафенде, в нескольких милях от Бир-Салема, и поскольку от нас ждали, что мы поддержим это начинание, я решил поучаствовать в одном из заездов вместе со своей Бетти.

Бетти моя была каурой красавицей, нрава, впрочем, капризного и непредсказуемого, как и свойственно существам женского пола. Я уже знал все ее причуды, знал, как с нею говориться, она же в ответ выкладывалась в полную силу. Не раз и не два ей удавалось отвязаться от коновязи, но свободой она пользовалась только затем, чтобы доскакать до моей палатки и засунуть туда морду, после чего, явно удовлетворенная, мчалась обратно на свое место. Порой она, похоже, замечала вещи, невидимые человеческому глазу, потому что случалось, когда мы не спеша ехали рысью, она внезапно кидалась в сторону, будто напуганная самим дьяволом.

В третьей лахорской дивизии служил тогда азартный и опытный спортсмен майор Потт из индийской кавалерии. Этот офицер прекрасно продумал программу скачек, и все шло без сучка и задоринки. Стоял прекрасный солнечный день, тысячи людей собрались на ипподроме — бойцы из окрестных лагерей, гражданские из Иерусалима, Яффы и ближних поселений; немало здесь было также арабов и бедуинов.

Заезд, в котором должна была участвовать Бетти (кстати, я назвал ее в честь другой Бетти, тоже красавицы, которая летала стрелой!), оказался весьма многочисленным, и я, к сожалению, после жеребьевки очутился на внешнем крае. Я понимал, что если сразу после старта не вырвусь вперед достаточно, чтобы перестроиться в центр, шансов на победу у меня будет мало, поскольку примерно в середине ипподрома нужно было проходить широкий поворот. Мне удалось хорошо стартовать, и, оторвавшись от остальных, я сместился внутрь, к самому ограждению; две трети дистанции Бетти шла впереди, но когда мы вышли на финишную прямую, я слегка отпустил ее и нас обогнал майор Потт верхом на знаменитой кобыле, которую, как ни странно, тоже звали Бетти. Майор вырвал-

ся довольно далеко вперед, однако я чувствовал, что у моей Бетти хватит сил для последнего рывка, и послал ее вперед, дабы она показала все, на что способна. Постепенно мы нагнали соперника и шли почти голова в голову — на последних ярдах две Бетти фактически выровнялись, причем зрители неистовствовали и скандировали: «Давай, Бетти! Давай, Бетти!» Мы мчались во весь опор. Бетти моя делала все, дабы обскакать тезку, — и вот, наконец, под рев толпы, Бетти одержала победу, вырвавшись чуть-чуть вперед, — только, увы, это была не моя Бетти!

Эфраимская долина (открытка из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

ГЛАВА XXVIII

ДАМАСК

К концу июня я успел поучаствовать еще и в скачках в Александрии, а потом сел в «родном городе» Гипатии²⁸⁰ на пароход и отправился в Бейрут, дивный морской порт, приютившийся на краю могучего и прекрасного Ливана. Мои друзья Бустросы²⁸¹ устроили мне очень теплую встречу. С балкона великолепной резиденции мадам Бустрос открывался вид, равного которому нет в целом мире; в саду у нее произрастали все мыслимые плоды и цвели все мыслимые цветы. Бейрут воистину напитан медом и молоком, он, безусловно, находится в границах библейской Земли Обетованной. В Книге Иезекииля (47:17) сказано: «И будет граница от моря до Гацар-Енон, граница с Дамаском, и далее на севере область Емаф; и вот северный край». Итак, то был северный предел, назначенный народу Израиля, и здесь он действительно жил во дни Давида и Соломона. Путешествие через Ливан — это сплошное пиршество из красивейших пейзажей на земле. Когда мы перевалили через вершину холма, я в последний раз оглянулся на горы и долину, простиравшиеся до Бейрута и окаймленные сверкающим морем, и то было будто бы видение Рая.

Вместо того чтобы ехать прямо в Дамаск, я свернул с дороги в Рияке и добрался до долины Бека, которая простирается между Ливанским и Антиливанским горными хребтами до Баальбека²⁸², где я прекрасно провел время среди величественных развалин древнего храма Ваала. Среди всех руин, какие мне довелось видеть, Баальбек — самые живописные и впечатляющие. Фивы, возможно, масштабнее, но это египетское чудо не произвело на меня впечатления, равного тому, которое я испытал, стоя под великолепными колоннами огромного храма языческого бога. Я бродил по развалинам — жалкая пылинка среди гигантских колонн и рухнувших архитравов²⁸³, разметенных разрушительным землетрясением, которое много веков назад сотрясло эту грандиозную постройку. Какие зодчие возвели ее, какие инженеры водрузили одну на другую эти громадные глыбы? Воистину, в те времена Землю населяли гиганты.

На железнодорожном вокзале Баальбека глазам моим предстала девушка дивной красоты — давно уже я не видел подобного —

она продавала персики. Девушка оказалась сирийкой из Ливана, который вообще славится красотой своих дочерей; я рассыпал, как приятельницы называли эту горную гурию «Эдин». Я стоял и дожидался поезда, и тут вдруг поднялась песчаная буря. Когда же она унеслась прочь, Эдин присела и аккуратно слизала пыль с каждого персика, пока корзина ее вновь не заблестела. После этого она невозмутимо принялась предлагать сияющие плоды пассажирам только что пришедшего поезда, которые с готовностью покупали их у улыбчивой барышни! Излишне говорить, что до конца поездки я отказался от покупки персиков — ведь далеко не все продавщицы были столь прекрасны, как Эдин!

Несколько часов в поезде — и я оказался в Антиливане²⁸⁴ и наконец-то увидел Дамаск, древнейший из городов, город, который я давно мечтал посетить. Предание гласит, что когда Магомет был погонщиком верблюдов и ходил с караванами из Медины в Алеппо, караван однажды встал лагерем на холме с видом на Дамаск. Друзья пригласили его пойти с ними погулять по городу. На что Магомет ответил: «Нет, в Рай должно попадать только после смерти!» Я смотрел на город с того же места, однако, не разделяя твердой уверенности пророка в своей посмертной судьбе, решил все-таки посетить этот земной рай, благо представилась такая возможность.

Дамаск справедливо называют жемчужиной в изумрудной оправе. Белые мечети, минареты, купола повсюду выглядывают, распространяя сияние, из изумрудной листвы. Деревья, сады и всевозможные цветы обильны и роскошны, и дополнительную прелесть городу придает журчание многочисленных протекающих через него рек. Я, как и Нааман-сириец²⁸⁵, в свою очередь, обнаружил, что «Авана и Фарпар, реки Дамаска, лучше всех вод Израиля». Последняя находится неподалеку и протекает милях в десяти к югу от древнейшего города в мире. Великий Саладин²⁸⁶ похоронен в Дамаске, и я, разумеется, совершил паломничество к могиле прославленного воина.

Путешествуя по Востоку, я по мере сил пытаюсь избегать караван-сараев, предназначенных для европейцев, дабы познакомиться поближе с местной жизнью. Это открывает путь множеству небольших приключений, событий и воспоминаний — всему тому, что делает жизнь увлекательной. За обедом в знаменитом арабском ресторане я познакомился с доктором Юсефом²⁸⁷, известным в Бейруте и Дамаске медиком. Кроме прочего, разговор у нас зашел о скачках и о лошадях, и мы так сдружились, что он одолжил мне своего горячего чистокровного арабского скакуна, чтобы я мог вер-

хом осмотреть окрестности, — безусловный знак дружбы со стороны этого образованного араба-сирийца.

Сразу за границей города, на берегах реки Барады (библейской Аваны) я заприметил лагерь бедуинов со множеством красивых на вид лошадей; я отправился туда и встретился с шейхом, вождем племени. Сидя в широком кругу старейшин, которые потягивали из крошечных чашечек кофе, я выяснил из их разговора, что они — бродячие курды и как раз собираются на свою обычную стоянку в Персии. Я дал понять, что не прочь был бы присоединиться к каравану, и тут же получил их доброе согласие. Однако как бы мне ни хотелось постранствовать с ними по пустыне, нельзя было забывать, что мой еврейский батальон дожидается меня в Бир-Салеме. Курды очень заинтересовались, когда я сказал, что собираюсь в паломничество в Эль-Кудс (то есть в Иерусалим), ибо, разумеется, все они были добрыми мусульманами и чтили Священный город.

Из Дамаска я проехал по Хиджазской железной дороге до Дераа. Едва покинув древнюю столицу Сирии, поезд пошел по пустыне, где обитают исмаилиты²⁸⁸. Эти дерзкие бродяги с незапамятных времен подстерегали и грабили мирных путников, оказавшихся на их бескрайних просторах. Нас никто не тронул по одной простой причине: в стратегических местах вдоль всей железной дороги стояли британские и индийские кавалерийские части. Несколько месяцев спустя, когда войска были выведены, бедуины взялись за прежние штуки, с веселым рвением разбирали рельсы, грабили и даже убивали пассажиров. Так, от рук этих мародеров безвременно погиб командант Бьянчини²⁸⁹, офицер Итальянского королевского флота, мой добрый приятель. Бьянчини искренне интересовался сионизмом и много трудился на его благо, смерть его стала тяжкой утратой для его многочисленных друзей. Не бывало на флоте другого столь жизнерадостного и обаятельного моряка.

Мы без приключений добрались до Дераа (древней Эдреи), а оттуда двинулись по боковой ветке к западу, в Хайфу. Поезд карабкался вверх и огибал укрепления у реки Ярмук; в Самахе мы оказались на южном берегу Галилейского озера, пересекли Иордан и проехали несколько миль вдоль берега. Потом дорога свернула из Иорданской долины в Изреельскую, которая тянется до равнины Ездрелон. Эти узкие долины, дом колена Иссахарова, отделяют голову Палестины от тела, или, иными словами, Галилею от Самарии и Иудеи. Этот край всегда был, пользуясь нашим ирландским выражением, «ахиллесовой пятой» Израиля. На протяжении долгих веков армии Вавилона, Ассирии, Персии и Египта двигались взад-

вперед по этим плодородным краям. Открытые перевалы к югу делали Самарию легкой добычей. Бейсан (древний Бетшан²⁹⁰), охраняющий восточный край долины, который возвышается над переправой через Иордан, большую часть своей истории находился в руках неприятеля.

Именно в окрестностях этой известной древней крепости Барат одержал победу над Сисарой²⁹¹, военачальником Иавина²⁹², царя Ханаанского — эта победа воспета в знаменитой Песне Деворы²⁹³. Здесь же Гедеон²⁹⁴ разбил войско мидианитов. Его девиз «Меч Господа и Гедеона!» стал также девизом сионистов, столь мужественно служивших Англии при Галлиполи. Примечательное совпадение: крики и шум, поднятый тремя отрядами Гедеона, обратили мидианитов в бегство; так же и сионисты, погонщики мулов, обратили в бегство турецкую армию, когда, под звон цепей и топот копыт, устремились на них темной ночью и промчались галопом через передовые порядки турок, которые, хоронясь, подползали к британским окопам, дабы их атаковать!

В позднейшей военной истории Израиля есть повесть о том, как филистимляне с боем пытались утвердить свое господство на этих равнинах, повергнув армию Израиля под командованием первого его царя, Савла²⁹⁵, который, пережив горечь поражения и поняв, что путь к отступлению отрезан, бросился на свой меч и погиб на горе Гелвуй. В той же битве, на том же месте гибель Ионафана²⁹⁶ положила конец его дружбе с Давидом и породила бессмертный плач: «Краса твоя, о, Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные!»

Все эти истории из Ветхого Завета проносились в моих мыслях, пока мы катили по исторической долине между горой Гелвуй и Бейсаном слева, справа же высилась остроконечная гора Тавор²⁹⁷. Я заметил среди посевов полдюжины прекрасных антилоп, и мне вспомнились иные страны и иные времена. Воспоминания об Африке стали еще явственнее, когда я разглядел на насыпи огромную черную змею, футов шести в длину, которая стремительно уползла прочь от опасности. Вскоре, взглянув на север, я увидел Назарет²⁹⁸, венчающий один из Галилейских холмов. Некоторое время мы ехали вдоль берега Кишона, где Илия²⁹⁹ некогда заклеймил лже-пророков. Наконец, обогнув могучее плечо горы Кармель, мы оказались в тихой гавани, в приютившейся в тени этой горы Хайфе; дальше — к югу, на Лод и Бир-Салем. Все путешествие из Дамаска заняло часов пятнадцать, даровав мне незабываемое зрелище библейских ландшафтов.

Утром 1 июля я навестил Акру, дабы принять участие в скачке (и потерпел фиаско из-за выкрутас хронометражиста), и неожиданно для себя оказался неподалеку от жилища знаменитого Абдул-Бахи³⁰⁰, приверженца доктрины всеобщего братства людей. Работы у него воистину непочатый край, ибо в данный момент особого братства в мире что-то не наблюдается. Его миссия — объединить всех жителей Земли, устраниТЬ все расовые и религиозные преграды и предрассудки. Поскольку патриархи, папы, архиепископы, муллы и проповедники разных религий так и не сумели внушиТЬ человечеству понятия «братской любви», Лиги Наций не помешало бы принять в свои ряды мудреца из Акры и поставить его во главе «Лиги учителей», причем главным предметом обучения долженствует сделать любовь к ближнему. Одно точно: Лига Наций никогда не добьется гармонии в мире, если не учить молодежь любить братьев своих и всячески им помогать, вне зависимости от их национальности.

Нельзя забывать, что после своего удивительного похода по Египту с десятитысячной французской пехотой Наполеон осадил Акру. Этому выдающемуся полководцу удалось пересечь с армией Синайскую пустыню, где не было ни простых, ни железных дорог, как не было и воды, без усилий взять Газу, Яффу и Хайфу — и, не вмешайся британский флот, он, несомненно, пополнил бы число своих трофеев и Акрой, и, возможно, Сирией. Путешественники, пересекающие пески Синая в уютном железнодорожном купе, отчетливо осознают всю силу духа этого доблестного воина, равно как и столь же доблестной французской пехоты.

ГЛАВА XXIX

СРЕДИ ФИЛИСТИМЛЯН

Когда генерала Хоскинса отзывали из Бир-Салема и назначили на командную должность в Англии, место его занял генерал-майор сэр Джон Ши — мы уже некоторое время служили под его началом во время войны. Находясь он постоянно на месте, я убежден, прискорбные события, о которых рассказ пойдет далее, никогда бы не произошли. К сожалению, почти все то время, пока мы были прикомандированы к его дивизии, генерал Ши отсутствовал и обязанности его исполнял один из бригадных офицеров. Этот бригадир, судя по всему, был прекрасно осведомлен об антисемитских взглядах некоторых офицеров генерального штаба и дул в соответствующую дуду. Как это будет видно из дальнейшего, его рвение по части претворения в жизнь их неблаговидных чаяний зашло столь далеко, что даже эти влиятельные офицеры, чью политику он проводил, не смогли спасти его от последствий его беспросветной глупости.

Его антисемитизм проявился сразу же после того, как мы оказались у него под началом. Определенные объекты были объявлены запретными для «еврейских солдат» — но не для тех, кто служил в других батальонах. К бойцам-евреям постоянно придирилась военная полиция, так что спокойно прогуляться за пределы расположения они могли, только сняв свои кокарды и заменив их другими (каковые они для вящего удобства держали наготове в карманах). Стоило им прибегнуть к этой уловке — и военная полиция их не трогала. Похоже, как только генерал Z появлялся на сцене — и английской традиции честной игры как ни бывало. Я раз за разом подавал официальные жалобы на предмет отношения к моим бойцам, но они оставались без ответа. Мне, как офицеру британской армии, стыдно было поднять в лагере глаза по причине столь несправедливого, неанглийского отношения к моим подчиненным.

Нетрудно себе представить, что подобное отношение со стороны штаба сильно осложняло мою работу как командира. Во-первых, зная, с чем приходится сталкиваться бойцам всех рангов, ни офицеры, ни рядовые не хотели оставаться в составе батальона. Требовать от них полной самоотдачи было в таких обстоятельствах

крайне непросто. Когда мы стояли бок о бок с АНЗАКами, пусть и страдая от убийственного климата проклятой Иорданской долины, мы тем не менее ощущали душевный подъем, поскольку представители штаба и бойцы этой знаменитой дивизии относились к нам по-честному и по-дружески. В Бир-Салеме же, напротив, от душевного подъема не осталось и следа.

Хочу напомнить, что перед отправкой из Рафы в батальон прислали около восьмисот новобранцев. Все они отличались необыкновенно крепким телосложением, однако будучи молодыми американцами, вели себя довольно необузданно, и управляться с ними было нелегко. Как только их зачислили в батальон, им сразу же пришлось испытать на себе всю суровость армейской службы: их отправляли патрулировать дальние участки и охранять посты на удаленных территориях, где они отвечали за многотысячные лагеря военнопленных, большие отрезки железнодорожного полотна, склады боеприпасов, провианта и амуниции стоимостью во много миллионов фунтов, и т. д. Служба была крайне тяжелой, — как правило, лишь каждую вторую ночь они проводили в постели, хотя, по армейскому уставу, личный состав по мере возможности должен отдыхать как минимум три ночи подряд. Большинство моих старых опытных бойцов из тридцать восьмого батальона к этому времени уже были демобилизованы, или отправлены по состоянию здоровья в Англию, или посланы выполнять особые обязанности на участке между Каиром и Алеппо, так что подавляющая часть их нелегких обязанностей легла на плечи американских новобранцев. Обучать их было решительно некогда, и я считаю чуть ли не чудом то, что в сложившихся обстоятельствах они столь достойно проявили себя.

Нет для командира задачи тягостнее, чем попытка поддерживать в батальоне дисциплину, притом что окружают его враждебно настроенные офицеры штаба, у которых нет иной заботы, кроме как раздражать и подвергать унижениям как офицеров, так и рядовых. От побудки до отбоя я только тем и занимался, что по мере сил противодействовал проискам власти предержащих, которые постоянно пытались посеять недовольство и смуту в наших рядах. Чуть ли не каждый день я получал от своих подчиненных жалобы на преследования, которым они подвергались в Бир-Салеме. Что же удивительного в том, что в результате всех этих передряг некоторые из американских добровольцев потеряли терпение и стали спрашивать себя: «Почему это мы должны служить Англии, если с нами тут обращаются, как с собаками?»

Я считал своим долгом как можно чаще разговаривать с бойцами, поскольку прекрасно понимал, что лояльность их буквально испытывается на излом. В такие моменты я напоминал им, что именно по ним судят о чести и достоинстве всего еврейства и каким бы провокациям они ни подвергались, они обязаны им противостоять. Центральное правительство в Англии сочувствует их идеалам, так что рано или поздно справедливость восторжествует и нынешние дурные времена закончатся. Я взывал к ним, как к евреям, увещевая их выполнять свой солдатский долг, и к чести их следует сказать, что они всегда откликались на мои призывы.

Еще до того, как преследования эти перешли в острую форму, был объявлен набор добровольцев для службы в Палестинской оккупационной армии. Несколько сот американцев из нашего батальона горячо откликнулись на этот призыв, однако в результате пристрастного к ним отношения горячность их постепенно поутихла и они стали требовать демобилизации и репатриации. Небольшая группа бойцов из числа американских граждан — они несли службу на дальнем посту в Белахе, милях в шестидесяти к югу от Бир-Салема, — прислала мне коллективный рапорт с требованием демобилизовать их, в противном случае они отказывались, после определенной даты, выполнять свои обязанности. Я, разумеется, переправил их рапорт в штаб дивизии.

До этого я уже много месяцев без устали посыпал командованию просьбы демобилизовать этих бойцов и отправить их обратно в Соединенные Штаты, и вот наконец узнал — неофициальным путем, что готовится приказ об их репатриации. Я отправил своего адъютанта в Белаху сообщить бойцам, что отслужить им осталось всего несколько дней, и потребовать, чтобы до тех пор они честно выполняли свой солдатский долг. Примерно половина бойцов откликнулись на мой призыв, остальные же — молодые, необстрелянные — отказались выполнять свои обязанности после того, как истек срок, обозначенный в их рапорте. Они бездельничали, отсиживаясь в палатках и обозначая тем самым свою позицию. С удовлетворением сообщаю, что бойцы-евреи, как из Америки, так и из Великобритании, служившие под моим началом в Бир-Салеме, не поддавались на провокации и продолжали честно выполнять свой долг.

Я лично провел дознание относительно поведения этих юных глупцов из Белахи, после чего передал их в руки полевого трибунала, а протоколы с изложением всех обстоятельств направил генералу Z. Обвинительная часть протоколов была составлена в крайне

осторожной форме, однако мои формулировки, судя по всему, пришлись генералу не по душе — он заменил их обвинениями в мятеже и прислал документы со своим начальником штаба мне на подпись. На просмотр документов у меня было лишь несколько минут — начальник штаба опаздывал на поезд. Формулировки генерала мне не понравились, однако, как любой честный солдат, я подчинился приказу и подписал документы, передал их нетерпеливо дожидавшемуся офицеру и пожелал ему удачи — после чего он галопом умчался прочь.

Согласно королевскому армейскому уставу, военнослужащий, попавший под трибунал, имеет право попросить у любого офицера, чтобы тот оказал ему на суде дружескую поддержку. Разумеется, долг этого офицера — сделать все возможное, чтобы добиться оправдательного приговора. Бойцы из Белахи попросили себе в адвокаты лейтенанта Жаботинского, и он, хотя и без особой охоты, взял на себя эту неблагодарную работу. Защищал он их без всякого желания, поскольку, по его понятиям, им полагалось бы до конца честно исполнять свои обязанности, несмотря на все обиды на высоких начальников.

Заседание трибунала состоялось в Кантаре; по ходу его лейтенант Жаботинский указал на грубую ошибку в протоколе, в результате чего обвинение в мятеже провалилось и заседание пришлось прервать. Председательствовавший на заседании офицер (ранее он служил в полку генерал-майора Луиса Жана Больса) пришел в ярость от этого фиаско и заявил: «Это полковник Паттерсон во всем виноват, и я собираюсь подать на него рапорт». Мой адъютант капитан Сэндисон, суровый, упрямый шотландец, выполнял на суде функции обвинителя; ему были известны все факты, поэтому он сразу же повернулся к председателю и сказал: «Вы не имеете права делать таких заявлений в адрес моего командира. Командующий дивизией не принял написанный им протокол, который был составлен по всем правилам, и сам выдвинул эти обвинения; надеюсь, вы поняли, на кого нужно писать рапорт».

Пришлось созвать новое заседание трибунала, однако новое обвинение уже было куда менее тяжким — неповиновение приказу. Но даже и по этому обвинению бойцов наказали по всей строгости — служба в штрафных батальонах сроком до семи лет. Думаю, что если бы их признали виновными по первому обвинению — в мятеже, — их всех расстреляли бы.

Ни на миг не сомневаюсь, что если бы эти молодые американцы прошли нормальную армейскую подготовку, ничего этого

просто не случилось бы. Я заранее оповестил начальство о том, как, скорее всего, разовьются события, если я получу под начало этих новобранцев, но никто не прислушался к моему предупреждению. Могу сказать одно: если бы с бойцами любого австралийского, английского, ирландского или шотландского батальона обращались так, как обращались с этими евреями, дивизионный штаб, скорее всего, просто сгорел бы дотла — а с ним вместе и командир дивизии. Кстати сказать, мятежники из других британских частей, которые открыто выказывали неповиновение и дебоширили в Кантаре, и вовсе не представали перед трибуналом!

До того как мне навязали этих новобранцев, тридцать восьмой батальон королевских стрелков был образцовым подразделением, преступность в нем оставалась практически на нуле. Бойцы сносили все: изматывающие марши, службу на износ, изнурительный физический труд, перебои с поставкой воды и провианта, зной Иорданской долины и антисемитские выпады местных военных начальников и при этом смогли заслужить похвалу генерала, под началом которого действовали в боевых условиях.

Несмотря на пренебрежительное отношение к нам, власти признавали, что мы приносим немалую пользу. Помимо того, что мы обеспечивали порядок на значительной части Палестины, мои офицеры, унтер-офицеры и рядовые занимали важные посты в ЕЭК повсюду — от Алеппо до Каира. Нагрузка на тридцать восьмой батальон постоянно возрастала: старшие офицеры видели, что еврейский солдат надежен, трезв и неприхотлив — а это три важнейших качества, которые я неуклонно воспитывал в своих бойцах, хотя, собственно говоря, трезвость и так — прирожденная добродетель всех солдат-евреев.

ГЛАВА XXX

ПАДЕНИЕ ГОЛИАФА

Оголтелый антисемитизм генерала Z наконец довел его до того, что в один прекрасный день — 16 июля, если быть точным, — он прискакал верхом в наш лагерь и принялся оскорблять бойцов, угрожать некоторым из них, а одного ни в чем не повинного рядового даже огrel хлыстом — и все это без наималейшего повода; при этом он употреблял такие выражения, от которых покраснел бы даже сам Биллингстейт³⁰¹. Меня в тот момент в расположении не было, однако несколько свидетелей подробно описали мне это безобразное происшествие; в голову мне пришло только одно — что генерал внезапно повредился рассудком. Весь батальон негодовал; мне стоило немалых усилий успокоить бойцов и снова наладить нормальный распорядок.

Рядового, который получил удар хлыстом, отправили в госпиталь с распухшей рукой, другие бойцы, в адрес которых прозвучали личные оскорблени, явились с докладом ко мне в кабинет и официально пожаловались на такое обращение. Я препроводил их жалобы генералу Z, присовокупив результаты медицинского осмотра пострадавшего. В ответ он распорядился о построении этих бойцов, дабы у него была возможность поговорить с ними.

Я организовал эту непростую встречу. Чтобы другие бойцы батальона, все еще возмущенные, не проявили открытой враждебности к генералу, когда он явится к нам в лагерь, я распорядился, чтобы они не покидали палаток, а у входа в каждую стоял бы унтер-офицер: им было дано указание следить за тем, чтобы не произошло ничего неподобающего. Прибыв к нам, генерал извинился перед обиженными им бойцами, однако негодование их было столь велико, что поначалу они отказались принять его извинения и ответить на предложенное рукопожатие. В конце концов, после получасовых уговоров, они согласились принять извинения, но только при условии, что они будут принесены публично, на построении всего батальона. Генерал выполнил это требование, и весьма досконально, так что я уже было решил, что история благополучно завершилась и что в будущем генерал Z не будет относиться к нам с пристрастием только лишь потому, что мы евреи.

Некоторым утешением среди всех этих невзгод было то, что жизнь в батальоне текла ровно и даже радостно, внутренних разногласий не возникало. Мне лично было совершенно все равно, еврей передо мной или нет. Помню, еще когда мы находились на фронте, в батальоне появился новый офицер — по причине какого-то недоразумения я принял его за еврея. Впоследствии он отличился в бою и, к моей великой радости, был награжден боевым крестом — я всегда испытывал особое удовольствие, представляя к награде или к повышению офицера-еврея. Я отправил этого офицера, вместе с девятью другими, составить «миньян» (необходимое количество мужчин для отправления еврейских религиозных ритуалов) на похоронах рядового, погибшего при взятии Ум-эш-Шерта, — и только после этого совершенно случайно узнал, что он никакой не еврей.

Впрочем, было одно исключение из обстановки гармонии и боевого братства, которые царили в нашем батальоне. Однажды к нам перевели офицера, который до того больше года отслужил в генеральном штабе. Вскоре после прибытия он публично оскорбил одного из офицеров-евреев, а потом отказался принести извинения. Ситуация попала на рассмотрение ко мне, и, поскольку офицер упорствовал, я отправил его к генералу Z. На вопрос последнего, почему он позволяет себе оскорблять однополчан, провинившийся ответил: «Я евреев не люблю. И в генеральном штабе их не любят, и вам, сэр, об этом известно». Генерал отдал ему приказ принести извинения, что, надо сказать, он и сделал с должной учтивостью, однако его замечание об отношении к евреям в генеральном штабе должно о многом сказать читателю — хотя ни для меня, ни для генерала оно не стало откровением!

Мы надеялись, что неладам с генералом на этом настанет конец, но, увы, мы ошибались. Могу привести множество примеров несправедливого отношения к моим бойцам, однако не стану утомлять этим читателя. После принесения извинений лично у нас генерал больше не появлялся, при этом на батальон так и сыпались все мыслимые придирики, оскорбления и проявления мелочной тирании. Поведение нашего командира со всей очевидностью показало, что извинялся он только для отвода глаз, под страхом наказания за свое поведение, которое не лезло ни в какие рамки. Собственно, кончилось тем, что мне пришлось обратить внимание главнокомандующего на его поступки, после чего его отстранили от должности и он более не докучал сынам Израиля.

ГЛАВА XXXI

ЖАЛОБЫ

Дабы читатель не счел вышесказанное преувеличением, я хочу привести несколько официальных жалоб, полученных мною от офицеров батальона. Из них станет ясно, в сколь сложном положении я оказался из-за отношения генерального штаба к чаяниям евреев.

Некоторые заинтересованные лица из каких-то своих соображений усердно распространяли слухи, что проявлений антисемитизма в Палестине не существует. Пусть читатель сам судит о преступном прекраснодушии этих лиц:

Лод, 4/7/19

A7/48

Сэр,

имею доложить, что среди бойцов нашего батальона возникло серьезное недовольство; то же можно сказать и о бойцах других еврейских подразделений, что, безусловно, влияет и на настроение наших людей.

Причины недовольства куда глубже, чем отсрочка демобилизации. Почти 3/7 всех здешних иудеев вызвались служить в Палестине во имя своих сионистских идеалов, откликнувшись на обещания, содержащиеся в декларации, написанной мистером Бальфуром от лица правительства Его Величества 2 ноября 1917 г.

Теперь же у бойцов складывается впечатление, которое разделяет общественное мнение Палестины, что обещания нарушены, причем нарушают их здешние власти.

В Палестине неприкрыто проводится политика антисемитизма. Жителям-евреям отказано в элементарном равенстве прав: Священный город, где еврейская община является самой многочисленной, передан под начало муниципалитету, состоящему из воинствующих антисемитов; к применению силы против евреев там относятся с терпимостью, целые районы города закрыты для евреев под угрозой применения силы — с ведома и попустительства властей; высокие чиновники, чьи действия любой суд квалифицировал бы не иначе как призывы к погромам, не только остаются безнаказанными, но и продолжают занимать свои посты. Еврейский язык подвергается официальному ostrакизму; среди чиновников распространилась мода на антисемитизм и антисионизм — впрочем, чиновники

лишь берут пример со своих начальников; честные попытки добиться соглашения с арабами срываются всевозможными способами, такими как наказание видных деятелей арабской общины за проеврейские настроения.

К бойцам-евреям относятся, как к париям. Единственной наградой нашим батальонам за тяжкий и самоотверженный труд стали оскорблении и поношение; зародившись в высших эшелонах власти, они теперь просочились и в самые низы, отравив отношения между еврейскими и английскими бойцами. Если где-то возникает опасность насилия против еврейского населения, бойцов-евреев выводят из этих районов и отправляют исполнять трудовые повинности, тем самым лишая их возможности защищать своих единокровников.

В праздник Пасхи были оскорблены самые чистые религиозные чувства бойцов-евреев — им на всю неделю закрыли доступ к Стене Плача. Ни одно еврейское подразделение не было расквартировано на территории Иерусалима, равно как и в других городах, священных для евреев.

Когда на стоящего на посту еврея набрасывается с побоями дюжина пьяных солдат, а пьяный офицер разоружает его и тем самым бесчестит, никто не несет наказания. Увольнения в некоторых городах превратились в истинную муку, поскольку военной полиции даны особые указания вести охоту на евреев; некоторые слабохарактерные бойцы прячутся от этого унижения, снимая кокарду своего батальона и надевая вместо нее кокарду другого подразделения.

Кроме того, нарушаются обещания, данные им военными властями: бойцов, завербовавшихся для службы в Палестине, отправляют против их воли в Мессину, Египет или на Кипр; бойцы, пошедшие служить с ожиданием того, что их денежное довольствие будет таким же, как и у остальных бойцов британской армии, внезапно обнаруживают, что их жены и дети не получают никакого вспомоществования.

В сложившихся обстоятельствах и лучшим из них трудно противостоять отчаянию; они не видят смысла в дальнейшей службе, понимая, что данные им обещания нарушены, что в Палестине создается не национальный очаг для еврейского народа, а поле деятельности для антисемитов; им отвратительна сама мысль, что, молча снося все это, они попустительствуют тому, что они — и не только они — считают предательством.

Они не в состоянии до конца сформулировать свои жалобы, равно как и собрать необходимые документальные свидетельства, но под их желанием «вырваться отсюда» скрыто глубокое разочарование, одно из жесточайших даже в еврейской истории.

Вы, сэр, всегда выступали за ускорение процесса демобилизации; я, как Вам известно, придерживался мнения, что долг каждого добровольца — оставаться в составе еврейского легиона до тех пор, пока этого требуют обстоятельства, и я продолжаю надеяться, что, несмотря ни на что, боль-

шинство бойцов до конца прослужит в его рядах. Однако и я вынужден признать, что в нынешней ситуации невозможно требовать от личного состава новых нравственных жертв, ибо вера бойцов поколеблена.

Надеюсь, что те, кто откажется от борьбы, не воспользуются примером тех безответственных, впавших в заблуждение невежд, которые выбрали неверные средства для борьбы за правое дело. Надеюсь, что они спокойно и с достоинством дождутся демобилизации, до конца будут выполнять свои обязанности и тем самым преподадут недальновидным правителям этой страны урок честной игры — этот урок им воистину необходим.

Остаюсь, сэр,

Вашим покорным слугой,

Х. Х.

Подполковнику Д. Г. Паттерсону,

командиру 38-го бат.[альона] королевских стрелков

От Х. Х.

Бир-Салем

17/7/1919

Командиру

38-го бат.[альона] королевских стрелков

Сэр,

Имею честь просить Вашего содействия в том, чтобы моя просьба об отставке из вооруженных сил Его Величества была препровождена далее по официальным каналам вкупе с изложенными ниже причинами, толкнувшими меня на этот шаг, притом что ранее я вступил добровольцем в Оккупационную армию.

Отставка, сэр, — это единственный доступный мне способ выразить протест против совершенно несправедливой, но получившей повсеместное распространение дискриминации батальона, в котором я имею честь служить. Хочу особо подчеркнуть, сэр, что это несправедливое и совершенно не соответствующее британскому духу отношение затрагивает не только мою честь как еврея, но и мой престиж британского офицера, а последнее, разумеется, мешает мне достойным образом выполнять мои воинские обязанности.

Постыдная выходка, имевшая место вчера утром, — не более чем кульминация в бесконечной череде нападок и оскорблений, которым подвергается наш батальон с самого момента прибытия в ЕЭК — подвергается лишь потому, что это еврейский батальон. Я считаю, сэр, что нападки на батальон являются прямым оскорблением каждому отдельному его бойцу, и, оставшись в составе вооруженных сил Его Величества, я, к моему прискорбию, не имею возможности должным образом, без ущерба для моей чести и чести моей расы, реагировать на оскорбительное отношение военного начальства к моим соплеменникам, а тем самым — и ко мне лично.

Уклоняясь от темы, хочу отметить, что принадлежность к еврейству не помешала мне исполнять мой долг во Франции, Фландрии и Палестине, и от лица бесчисленных представителей моей расы, павших в бою на разных театрах войны, выражаю свое возмущение, причем сильнейшее возмущение, укоренившимся ныне недостойным отношением к еврейским военнослужащим.

Я могу до бесконечности перечислять мелкие оскорблении, имело место и несколько весьма серьезных инцидентов — обо всем этом я готов, буде это потребуется, дожлить подробно.

Имею честь оставаться, сэр
Вашим покорным слугой,
У. У.

Не только офицерам-евреям эта жизнь казалась невыносимой, напряжение сказывалось и на других. Вот какое письмо я получил от одного из моих старших офицеров-христиан после очередной выходки со стороны штабных.

Командиру
38-го батальона королевских стрелков
Сэр,
имею честь просить немедленно освободить меня от моих обязанностей и позволить мне отбыть в Англию для демобилизации. Мне сорок лет, и достойное исполнение воинского долга всегда было величайшим моим упоминанием. Однако я не в состоянии терпеть невыносимые условия, навязанные нашему батальону здешними властями; сожалею, что вынужден обеспокоить Вас своей просьбой в такой момент.

Имею честь оставаться, сэр,
Вашим покорным слугой
С. С.

Бир-Салем, 24 августа 1919 г.

Полагаю, что эти рапорты дают некоторое представление о том, в сколь сложной ситуации я оказался. Одной рукой я вынужден был парировать удары, которые сыпались на батальон со стороны местных властей, другой — делать все в моих силах, дабы умиротворять своих разгневанных офицеров, унтер-офицеров и рядовых, доведенных до отчаяния отношением к нашему батальону.

Антиеврейская политика была направлена не только против еврейских батальонов, но и, самым беззастенчивым образом, — против гражданского еврейского населения, на которое так и сыпались всевозможные оскорблении. Собственно, британская военная

администрация превратила знаменитую Декларацию Бальфура — официальное заявление британского правительства — в ничто, в предмет насмешки.

В начале 1919 года глава тогдашней палестинской администрации, официальный представитель британского правительства, публично оскорбил евреев на еврейском концерте: он демонстративно остался сидеть и приказал своим сотрудникам сделать то же самое во время исполнения еврейского гимна «Ха-Тиква», притом, что все остальные, разумеется, встали. То было совершенно преднамеренное оскорбление чувств этого народа. Видимо, в Англии что-то неладно, если такого человека назначают представлять ее власть.

Примерно в то самое время, когда эти антиеврейские выпады были в разгаре, Палестину посетил судья Брандайс³⁰² из Американского верховного суда; велики были его изумление и ужас при виде этого столь не характерного для англичан отношения к евреям и ко всему еврейскому. Я лично доложил ему об издевательствах над Декларацией Бальфура, каковыми являлись действия британской военной администрации в Палестине, и добавил, что очень сожалею, что мистер Бальфур не добавил к своему знаменитому заявлению еще одно слово. Судья спросил, что за слово я имею в виду, я ответил: что Палестина вновь должна стать национальным очагом для «преследований» еврейского народа.

Я знаю, что судья Брандайс поспешил обратно, крайне обеспокоенный всем, что увидел и услышал, ибо все это полностью шло вразрез с официальной политикой Англии. Он доложил на Даунинг-стрит³⁰³ о положении дел в Палестине, после чего местным военным властям было сделано внушение, что они обязаны проводить именно ту политику, которая заявлена в Декларации Бальфура. То был серьезный удар для недальновидных чиновников, которые уже рассчитывали на долгое правление на Ближнем Востоке; они-то, похоже, отчетливо видели письмена на стене. Хочу еще раз подчеркнуть, что сложившееся положение было результатом действия исключительно местных властей, которые преднамеренно искажали и пятнали предписанный английским правительством политический курс.

ГЛАВА XXXII

ПУТЕШЕСТВИЕ К ГАЛИЛЕЙСКОМУ МОРЮ

Я давно мечтал съездить к Галилейскому морю (оно же Тивериадское озеро), и вот, ближе к концу октября, мечта моя осуществлялась: воспользовавшись «Неделей в Дамаске»³⁰⁴, во время которой увольнительные раздавали с большой легкостью, я (однажды, в восемь тридцать утра) ускользнул из Лода и около двух пополудни добрался до деревушки Цемах, расположенной на южном берегу озера. Вид, открывшийся мне в первую же минуту, — озеро простидалось до самого горизонта и постепенно таяло в розовой дымке, — был невыразимо прекрасен. Краски оказались восхитительны — я присел на шатком пирсе и долго впитывал новый для меня пейзаж с благоговением истового паломника.

Озеро мерцало и поблескивало под ярким солнцем, отвесные склоны безлесных холмов усиливали ощущение таинственности, которое пропитывало тишину. Вдали, справа, находилось то место, где гадаринские свиньи^{304а}, одержимые бесами, кинулись в воду и канули в ней. Глядя в бинокль к северу, я увидел в блистающей дали рощи вечнозеленых деревьев и понял, что именно там Иордан проистекает из «вод Мерома»³⁰⁵ и, одолев скалистое ущелье, впадает в озеро. Слева я сумел разглядеть несколько деревьев и построек и сообразил, что вижу Капернаум³⁰⁶, тот самый, где, как все помнят, благочестивый римский центурион выстроил синагогу. Переведя взгляд к западу и ближе, я увидел место, где когда-то находилась Вифсаида³⁰⁷. Направив бинокль еще западнее и еще ближе к себе, я различил круглые башни и прямоугольные стены Тверии³⁰⁸, а по левой руке, в юго-западной оконечности озера, лежало цветущее еврейское поселение Киннерет — прямо возле того места, где стремительный поток Иордана вытекает из озера и устремляется к Мертвому морю. В теплой воде резвились ребятишки, и даже несколько юных дам со скрытыми покрывалом лицами довольно щедро обнажали свои стройные ножки, шлепая по воде вдоль песчаного берега в тени утесов.

И тут в эту патриархальную сцену ворвался моторный катер, прилетевший из Тверии забрать пассажиров. Мы попрыгали в него

с ходившего ходуном пирса и через час уже взбирались по изъеденной жучком лестнице, ведущей к Тверии, городу, который и поныне выглядит почти таким же, каким его построил Царь Ирод Антипа³⁰⁹, хотя за протекшее время город неоднократно страдал от землетрясений. Я был приятно удивлен, обнаружив чистую и вполне удобную гостиницу, которой с большой сноровкой руководила фрау Гроссман. В Тверии еще стояла жара, однако фрау Гроссман умудрилась, как по волшебству, доставить мне к ужину бутылку холодного пива — самого желанного напитка в этой иссушенной долине.

Рано утром я нанял лодку с веселым и добродушным арабским экипажем из трех человек, и они перевезли меня через озеро в Капернаум. Воды эти и поныне столь же богаты рыбой, как во дни Симона Петра³¹⁰, рыбаки Капернаума закидывают сети, как и во времена апостолов, — и одежды их по-прежнему столь же скучны.

Бродя среди развалин, я столкнулся с удивительным францисканцем³¹¹, отцом Венделеном³¹², который оказался само гостеприимство. То был немец почтенного вида, очень красивый, рослый, воплощение христианской самоотверженности; похоже, он полностью смирился с ударом, который был нанесен его стране. Он оказался не только монахом, но и архитектором, спроектировал множество францисканских монастырей, церквей и соборов в разных частях мира, а прежде чем принять постриг, он был воином — покуривая трубку, он пересказывал мне свою многоликую жизнь, и я заметил, что глаза его заблестели, а плечи расправились, когда он стал описывать, как вел в атаку гусарский батальон в одной из битв Франко-Прусской войны. Добрый падре показал мне то, что осталось от синагоги, построенной благочестивым центурионом, слуга которого был исцелен. Видимо, когда-то это было великолепное здание, однако одно из землетрясений почти стерло его с лица земли.

Вернувшись в гостиницу, я обнаружил, что туда прибыли из Египта две сестры милосердия — они намеривались провести в Тверии несколько дней — и за ужином я пригласил их присоединиться ко мне на следующее утро для совместной экскурсии на другой берег, на что они с радостью согласились. Военный комендант Тверии любезно предложил мне конный эскор特 и верховую лошадь — они должны были дожидаться меня на северной оконечности озера, там, где в него впадает Иордан: я собирался пробраться как можно дальше вверх по течению в направлении Мерома.

Из Тверии мы отплыли на заре; плаванье оказалось чрезвычайно приятным, по пути мы даже позавтракали на борту. Сестра Кук,

которую Бог наградил дивным голосом, так растрогалась, что начала петь, и мы так восхитительно проводили время, что даже и не заметили, как сели на мель на песчаной косе у самой реки Иордан. Лодочник выскочил из лодки и столкнул свое суденышко на открытую воду, после чего мы пошли на веслах дальше. По обе стороны от нас простирались бескрайние поля спелой кукурузы. Любопытно было смотреть на смуглых юнцов, которые сидели на специальных возвышениях, вооруженные рогатками, и сеяли смерть среди птиц, осмелившихся покуситься на их урожай. Лодка ткнулась носом в берег, после чего мы прошли по тропинке через густой кустарник и вскоре оказались среди бедуинов, которые угостили нас вкуснейшими кукурузными початками. Вот с такой приятностью мы и продвигались вверх по Иордану — то сходя на левый берег, то на правый, по прихоти, пока наконец река не обмелела настолько, что выше лодка продвигаться не могла, — тут и дожидались мой эскорт и моя лошадка.

Эскорт состоял из местных верховых жандармов-арабов, которыми командовал капрал-еврей — он в свое время служил в сороковом батальоне королевских стрелков, и я с удовлетворением отметил, что, судя по всему, евреи и арабы прекрасно ладили друг с другом. Я распорядился, чтобы лодочник отвез сестер милосердия в Капернаум, посоветовав им связаться там с отцом Венделеном — я не сомневался, что они встретят у него самый теплый прием. Убедившись, что лодка благополучно тронулась в обратный путь, причем я отдал матросам строжайшее распоряжение вернуться за мной в оговоренный срок, я вскочил в седло, и мы приступили к исследованию русла Иордана.

Мои сопровождающие (которым также полагалось выполнять обязанность проводников) частенько начисто теряли дорогу в густых зарослях олеандра, однако после многих приключений и злоключений — в числе прочего, я наткнулся на стадо буйволов, которые мирно спали в болотной жиже, — я оказался, с разодранной одеждой и весь исцарапанный, у входа в темное каменистое ущелье, по которому несет свои воды Иордан. Ехать верхом здесь было невозможно, поэтому дальше я пошел пешком, пока солнце, клонящееся к горизонту, не сказало мне, что пора возвращаться.

На обратном пути — мы двинулись другим и куда более легким маршрутом — нам встретился бравый охотник-бедуин; всего пять дней назад он застрелил на склоне холма великолепного леопарда. Я поинтересовался, не стоит ли и мне попытаться повторить его подвиг. Он ответил, что, наверное, стоит, вот только он не исключает, что ждать подходящего случая придется целый месяц. Впрочем, по-

охотиться тут в принципе было на кого — в чаще так и кишили дикие кабаны. Охотник знал назубок все здешние тропы и, поскольку мы по-прежнему блуждали в непроходимых зарослях, вызвался проводить меня к озеру. При расставании он наотрез отказался от предложенных денег, впрочем, позднее я послал ему табака — надеюсь, что посылка дошла благополучно. Когда мы оказались на открытой местности, мои сопровождающие принялись гоняться друг за другом, резко останавливаясь или, наоборот, с места пускаясь вскачь. Оба сидели на чистокровных арабских скакунах и, видимо, очень гордились как своими лошадьми, так и искусством наездников.

Когда мы добрались до озера, я разглядел подходившую лодку; у берега было неглубоко, поэтому я дал лошади шпоры и поскакал навстречу. Лодочники-арабы, хором напевая какую-то причудливую мелодию, подошли ближе, и я прыгнул из седла прямо на панцирь, помахал своим друзьям-жандармам и приказал плыть в Капернаум, где нам надлежало забрать сестер. Оказалось, что они великолепно провели время. И как раз в тот самый момент, когда они вполне невинно любезничали с отцом Венделеном — тот показал им свои угодья, — появился не кто иной, как сам папский легат кардинал Филиппо Джустини³¹³, только что прибывший из Рима с инспекционной поездкой! Впрочем, славный кардинал не пришел в ужас от увиденного, напротив, пригласил дам в трапезную и лично налил им по чашке чая.

На обратном пути из Капернаума мы прошли вдоль западного берега озера и заглянули в Мигдаль³¹⁴. Это современное еврейское поселение, где разводят плодовые деревья. Оно расположено на месте древнего Магдала, родины самой романтической героини Нового Завета Марии Магдалины³¹⁵. К несчастью, управляющего поселением господина Гликина не было на месте, однако его заместитель угостил нас чашкой восхитительного чая на свежем воздухе, в тени огромного фиового дерева. Нас буквально усыпали всевозможными цветами и плодами — апельсинами, гранатами, бананами, арахисом, миндалем, причем все было самого лучшего качества. Нашим лодочникам пришлось потрудиться, чтобы перенести все дары к берегу.

Мы пошли дальше вдоль берега и на подходе к Тверии увидели пещеры, где похоронены знаменитый еврейский философ Маймонид³¹⁶ и два знаменитых раввина, Меир³¹⁷ и Бен Акива³¹⁸. Неподалеку от Тверии находится яма Иосифа³¹⁹. По мнению древних арабских географов, она неотличима от той, в которую бросили любимого сына Иакова. Быстро спускалась ночь, и уже на самом подходе

к Тверии внезапно поднялся сильный ветер, так что мы были рады, когда благополучно достигли тихой гавани. День получился насыщенный, и обе сестры заверили меня, что он стал одним из самых достопамятных в их жизни.

Прежде чем уехать с Галилейского моря, я посетил замечательные горячие серные источники, которые расположены милях в трех к югу от Тверии, — кипящая вода низвергается из трещины в скале. Неподалеку выстроена купальня, куда приезжают люди, страдающие ревматизмом, — и возвращаются исцеленными. На обратном пути я проехал через древнюю Тверию с ее поврежденными колоннами и разрушенными в пыль зданиями. На холме, прямо над современной Тверией, стоит разрушенный дворец Ирода — там я видел остатки той залы, где, говорят, плясала дочь Иродиады, дабы получить голову Иоанна Крестителя³²⁰.

Попади Тверия в руки предпримчивых людей, в ней можно было бы создать зимний курорт. Здесь прекрасно кататься на лодке, ловить рыбу, охотиться на кабанов, ездить верхом по интереснейшим окрестностям, а заодно поправлять здоровье на целебных источниках. Искусные девушки-еврейки изготавливают в этом древнем иудейском городе тончайшее кружево — я увез с собой прекрасные образцы их работы. Кроме того, у горячих источников, там, где достославный рабби Меир проповедовал иудеям Закон, стоит древняя синагога.

Перед отъездом из Галилеи я встретился со старинным приятелем, капитаном Трумпельдором³²¹, который некогда служил под моим началом в Корпусе погонщиков мулов в Галлиполи. Очень приятно было вновь увидеть этого бравого офицера, и мы долго беседовали про старые времена. Трумпельдор только что вернулся из России, где пытался создать Еврейский легион для службы в Палестине. Впрочем, большевики разрушили все его планы, ему самому едва удалось вырваться из их когтей. Увы, через несколько месяцев после нашей встречи в Галилее капитан Трумпельдор там же и погиб, защищая одно из европейских поселений от набега бедуинов. Получив смертельную рану, он еще два часа руководил обороной и умер, не покинув боевого поста. Мало мне доводилось знать столь же мужественных людей, и его гибель стала тяжелым ударом для его друзей и товарищей.

Полагаю, что Галилейское море когда-нибудь будет играть важнейшую роль в экономической жизни Палестины. Оно представляет собой почти неисчерпаемый запас готовой к употреблению энергии. Эта огромная водная масса расположена примерно в се-

мистах футах над уровнем Мертвого моря, куда впадает Иордан. Если прорыть канал от юго-западной оконечности Тивериадского озера и проложить его уступами по Иорданской долине, мы получим падение высоты на триста футов на протяжении всего лишь нескольких миль. Если поставить здесь гидроэлектростанцию, электрической энергии хватит на то, чтобы в корне изменить жизнь во всей Святой земле.

Нельзя забывать, что доселе здесь не обнаружено запасов ни нефти, ни угля, да и лесов не существует; соответственно, стоимость топлива чрезвычайно высока и строительство предприятий, требующих крупных затрат энергии, пока невозможно. Так какой же это дар небесный — энергия благословленного Иордана! Дешевого освещения, отопления, мощностей для машин хватит на всю Палестину. Летом щелкнул выключателем — и под потолком закружился вентилятор, принося в дом благословенную прохладу, а зимой электрический камин подарит живительное тепло жителям горных районов. Зловонные парафиновые светильники и печки уйдут в прошлое, электричества хватит и на освещение, и на обогрев. Хватит энергии и на электрификацию уже построенных железных дорог, а, кроме того, по всей стране можно будет пустить электрические трамваи. Огромные территории, ныне бесплодные, можно будет оросить и сделать плодородными — и они обеспечат всем необходимым многочисленное население.

Если Палестине предстоит стать родным домом для значительного числа евреев, этот важнейший фактор экономической жизни просто нельзя оставлять без внимания: раз уж эта земля столь богата электричеством, его необходимо использовать. Еврейские мозги, еврейские капиталы и еврейские рабочие, безусловно, способны претворить этот план в жизнь, и тогда засушилые безжизненные территории вновь превратятся в земли, текущие медом и молоком. На склонах холмов опять появятся расположенные террасами плантации, а на вершинах гор — фиговые и оливковые рощи, в долинах заволняются плодородные нивы. Земля, многие столетия лежавшая в небрежении, открыта для любых дел — тут можно выращивать фрукты и оливки, строить мыловарни, ловить рыбу, ставить консервные фабрики и проч. Торговый и коммерческий поток, который хлынет через Палестину, будет несоизмерим с нынешними скучными ручейками. Когда страна достигнет должного развития, когда восстановятся древние торговые пути, а порты Хайфы и Яффы будут усовершенствованы, место Палестины на торговой карте мира станет совсем иным.

ГЛАВА XXXIII

СТРАННЫЕ МЕТОДЫ ЕГИПЕТСКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

Как все помнят, автором идеи о создании еврейского легиона, целью которого было содействовать борьбе Британии за свободу всего мира, был лейтенант Жаботинский. Его описание проистекавших из этого возможностей произвело сильное впечатление на английское правительство, и в конце концов лорд Дерби, тогдашний военный министр, вызвал его к себе в министерство, а генерал Смэтс³²² — в военный кабинет; оба — с целью побольше узнать о его предложениях. Эти высокопоставленные лица отнюдь не считали для себя зазорным встретиться с Жаботинским и обсудить вопрос о еврейском легионе, хотя сам он в тот момент был в чине рядового и служил в двадцатом батальоне Лондонского полка. Оба военачальника знали, какую важную роль Жаботинский играет в сионистском движении, знали, что еврейские массы во всем мире смотрят на него как на блистательного юного вождя. Все это было прекрасно известно сотрудникам ЕЭК, однако когда в августе 1919 г. лейтенант Жаботинский (будучи уже офицером!) попросил аудиенции у главнокомандующего, в надежде повлиять на антиеврейскую позицию местных палестинских чиновников, ему не просто отказали, но к нему еще и применили меры воздействия, которые я могу описать только так: подлые и недостойные англичанина.

Жаботинский, естественно, всем сердцем болел за Великобританию. В период службы в Палестине он был одно время прикомандирован, с разрешения главнокомандующего, к Сионистской комиссии. В этом качестве он добился принятия еврейскими поселенцами программы, которая являлась открытым требованием введения в Палестине британского мандатного управления. Мне доподлинно известно, что, служа в составе нашего батальона, он, как мог, пытался пригасить возмущение, которое испытывали бойцы-евреи из-за возмутительного отношения к ним военных властей. Они ничем не заслужили подобного отношения, каковое, впрочем, было совершенно преднамеренным и являлось частью

местной политики, направленной на то, чтобы сделать невозможным претворение в жизнь Декларации Бальфура. Враждебность ко всему еврейскому была настолько очевидной, что только те, кто намеренно закрывал глаза, умудрялись не видеть, какую игру ведут определенные заинтересованные лица. Жаботинский прекрасно понимал, что итогом подобной политики неизбежно станет вспышка насилия против евреев, и, естественно, пытался предотвратить такое развитие событий.

Я хочу, чтобы у читателей не сложилось впечатления, будто между палестинскими арабами и сионистами существовала закоренелая вражда. То, что более сорока лет они прожили бок о бок в дружбе и согласии, есть свидетельство обратного. Выступления, направленные против евреев, которые действительно имели место несколько позже, были выпестованы искусственным образом. Отдельные лица, которые, в сугубо личных целях, надеялись положить конец вековым чаяниям евреев, открыто подстрекали самых отпетых хулиганов из числа арабов к бунту. Я убежден, что в некоторых кругах рассуждали так: когда начнутся волнения, затеянные совершенно искусственно, британское правительство, ошеломленное этими многочисленными осложнениями, согласится с теми, кто дергает за ниточки в Палестине, и официально объявит еврейскому народу, что, исходя из интересов практической политики, дальнейшее следование Декларации Бальфура совершенно невозможно по причине открытой враждебности со стороны арабов. А то, что кто-то открыто оказывает им противодействие и шаг за шагом, дюйм за дюймом движется к воплощению в жизнь идей, выраженных в Декларации Бальфура, вызывало у этих бессовестных интриганов досаду — и это еще мягко сказано.

Одним из таких непокорных и был Жаботинский, человек, имевший немалый вес в еврейской среде. Соответственно, любой выпад против него неизбежно должен был нанести ощутимый удар по еврейскому престижу в Палестине. Жаботинский был иностранцем, евреем из России; у него на первый взгляд не было влиятельных друзей, так что человек этот, вроде бы, прекрасно подходил для того, чтобы власть предержащие могли безнаказанно излить на него свой неправедный гнев, не боясь никаких последствий для себя. Как бы то ни было, прибегая к самым подлым методам, они нанесли удар по тому, кто осмелился открыто заявить местным властям, что своей политикой они создают угрозу представителям его народа, проживающим в Святой земле, и ставят под удар дело возрождения еврейского национального очага.

Увидев, что определенные представители генерального штаба принимают против бойцов-евреев и еврейского населения меры, которые неизбежно приведут к катастрофе, Жаботинский (он искренне полагал, что главнокомандующий ведать не ведает о поведении своих подчиненных) написал генералу Алленби следующее письмо.

Сэр,

Я был инициатором создания как Корпуса погонщиков молов, так и еврейских батальонов. Сегодня я вынужден наблюдать, как плоды моей работы рассыпаются в прах под невыносимым бременем разочарования, отчаяния, нарушенных обещаний и антисемитизма, которыми отравлена вся административная и войсковая атмосфера, а также под бременем невостребованности любых усилий и всякой преданности.

Сложилось общее мнение, что Вы враждебно настроены в отношении сионизма в целом и еврейского легиона в частности. Я все пытаюсь убедить себя, что это не соответствует действительности, что многое творится без Вашего ведома, что речь идет о недоразумении, что ситуацию еще можно переломить.

Основываясь на этой надежде, я хочу предпринять последнюю попытку остановить процесс, который грозит навеки надломить дружеские отношения между англичанами и евреями во всем мире, и очень прошу Вас о личной встрече, которая дала бы мне возможность открыто высказать свое мнение. Пишу, взывая к Вашей чести.

(подпись) В. Жаботинский.

Я ничего не знал об этом письме. Прекрасно отдаю себе отчет, что подобная дерзость могла заставить штабных бюрократов лишь вскинуть руки в священном ужасе, однако хочу напомнить, что положение Жаботинского было в своем роде уникальным. Он не являлся британским подданным, не был знаком с обычными механизмами британской бюрократии. Члены Британского королевского военного кабинета в свое время сочли целесообразным прислушаться к его мнению. Взывая к чести генерала Алленби, Жаботинский был убежден, что если и отступает от общепринятых правил, то лишь в интересах правого дела, и не подлежит за это наказанию. То было искреннее, прямолинейное, честное письмо, идущий из глубин сердца крик, изданный человеком, который видит, как сложная конструкция, которую он создавал с таким трудом, того и гляди обрушится из-за козней антиеврейски настроенных сотрудников Штаба.

И тут случилась любопытная вещь. В штабе знали, что Жаботинский в тот момент находился в Яффе и почти ежедневно наведывался к одному своему тамошнему другу. Примерно через неделю после того, как он отправил главнокомандующему это письмо, в Яффе появился майор из генерального штаба Египетского экспедиционного корпуса и поселился в том же доме, где жил друг Жаботинского. Разумеется, вскоре пути их пересеклись, и майор, который, кстати, прекрасно знал Жаботинского, заметил, что главнокомандующий получил его (Жаботинского) послание и, возможно, в ближайшие дни пошлет за ним, однако для дела будет полезно, если сначала Жаботинский перескажет свои жалобы ему, майору. «Со мной можете говорить откровенно, как с другом, — убеждал его майор. — Я пользуюсь в ЕЭК определенным влиянием и с радостью поспособствую тому, чтобы всякой несправедливости в обращении с евреями был положен конец». Услышав это, Жаботинский без всяких колебаний изложил, как сложившаяся ситуация влияет на повседневную жизнь батальона и на еврейские чаяния в Палестине. По итогам этой «дружеской беседы» майор написал помощнику начальника штаба ЕЭК совершенно клеветнический рапорт. Некоторое время спустя копия этого рапорта абсолютно случайно попала мне на глаза; во всем, что касалось Жаботинского, там, почитай, не было ни слова правды.

Если штабные чиновники были в курсе того, каким способом Жаботинского склонили к этой «дружеской беседе», по итогам которой он был очернен и оклеветан, то мне это напоминает старые добрые времена, когда правители прибегали к помощи *«agents provocateurs»*. Но уж что в генеральном штабе должны были бы знать — так это то, что обвинения, выдвинутые их сотрудником против Жаботинского, совершенно беспочвенны. Они-то уж были осведомлены о том, что Жаботинский — добросовестный и мужественный офицер, честно и доблестно служивший Англии и всегда исполнявший то, что от него требовал долг и даже более того. Однако, судя по всему, в генеральном штабе сильно нуждались в такой вот бумажке. Они с жадностью проглотили наживку, даже не посоветовавшись со мной — да и, насколько мне известно, и вовсе ни с кем. Полагаю, что даже самые предубежденные читатели согласятся: по законам чести и справедливости, этот тайный рапорт должен был быть предоставлен Жаботинскому для ознакомления, дабы он мог его прокомментировать и при необходимости опровергнуть, — и только после этого против него можно было принимать какие-либо меры. В Королевском воинском уставе четко

прописано, что любой неблаговидный отзыв должен быть доведен до сведения офицера, репутацию которого он затрагивает, однако, как я уже не раз имел возможность продемонстрировать, в штабе ЕЭК царил собственный закон, который там ставили выше Королевского устава!

Я не имел ни малейшего понятия о происходившем; я не знал о письме Жаботинского в ЕЭК; я не был осведомлен о беседе с майором из генерального штаба и уж тем более о рапорте, написанном последним. Впервые я заподозрил неладное, когда получил официальное уведомление от заместителя начальника штаба, где говорилось, что «у главнокомандующего имеются собственные, официально назначенные советники по вопросам местной политики и он не намерен встречаться с лейтенантом тридцать восьмого батальона королевских стрелков для обсуждения подобных предметов».

После этого генеральный штаб оперативно избавился от Жаботинского. 29 августа 1919 г. я получил срочный приказ отправить этого офицера в Кантару для незамедлительной демобилизации. Я был искренне удивлен, поскольку в батальоне не хватало офицеров-евреев, и Жаботинский был мне крайне нужен. Я написал рапорт, в котором опротестовал решение о его демобилизации на том основании, что офицер этот необходим мне для дела, но получил лишь категорический ответ. В нем говорилось, что лейтенанту Жаботинскому послан непосредственный приказ проследовать в лагерь Кантара для демобилизации. Если офицер этот еще находится в расположении батальона, ему надлежит сегодня же отбыть в Кантару по железной дороге. Неподчинение данному приказу будет наказано дисциплинарным взысканием. Просьба поставить нас в известность о его отъезде.

Под этим стояла подпись одного из штабных офицеров.

В результате этой пруссаческой выходки Жаботинский вынужден был отправиться в Кантару, где его молниеносно демобилизовали.

Он направил в Армейский совет протест, который я переслал туда лично, сопроводив собственными соображениями. Послание получилось длинное, процитирую здесь лишь один фрагмент.

<...> Вопреки собственному желанию и с глубочайшим сожалением вынужден констатировать, что считаю это решение примером неблагодарности. Я не заслужил подобного обращения со стороны британских властей. С первых дней войны я трудился во имя интересов Великобритании.

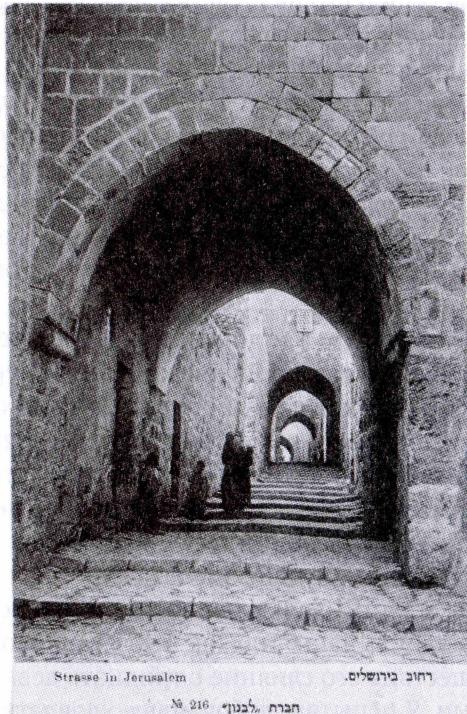
Я не являюсь ни британским подданным, ни иммигрантом. До начала войны я не бывал ни в Соединенном королевстве, ни в каком-либо из Британских доминионов. В Англию я приехал в 1915 г. как журналист из России, корреспондент «Московских ведомостей»³²³, одной из старейших либеральных газет страны. В качестве корреспондента я по мере сил пытался знакомить русского читателя с тем, какие усилия предпринимает Великобритания в борьбе с врагом, и вел активную борьбу с антибританской пропагандой. В то же время я по собственному почину развернул среди евреев из России и нейтральных держав пропаганду в поддержку Антанты и Великобритании. Многие евреи тогда резко отрицательно отреагировали на заключение союза между Англией и Россией. Осенью 1915 г. я основал в Копенгагене газету *Die Tribune*, выходившую на идише раз в две недели, которая заняла жесткую антитурецкую и антигерманскую позицию. Наши публикации постоянно цитировались в американских еврейских изданиях, проникали даже в Австрию и Германию. И здесь я могу с полным правом сказать, что был одним из немногих — а точнее, одним из двоих (первым был доктор Вейцман), кто сформировал нынешние пребританские взгляды всего еврейства. Могу добавить, что все это я делал на личные средства либо на средства, полученные от друзей-сионистов, не имея никакой поддержки от каких-либо британских источников.

Я не располагаю никакими фактами, которые обесценивали бы вышесказанное и оправдывали позицию, занятую генеральным штабом ЕЭК. Насколько мне известно, в мой адрес не было никаких нареканий ни как к офицеру, ни как к человеку; меня никогда, даже намеком, не ставили в известность о том, что в моей деятельности есть нечто предосудительное. В свете этих обстоятельств, моя принудительная демобилизация неминуемо запятнает мою репутацию. Я считаю это решение несправедливым. Прошу отменить это распоряжение и восстановить меня в должности офицера иудейского полка, которую я, безусловно, застужил. <...>

Ответа на это возвзание мы так и не получили — я даже не уверен, что оно достигло Армейского совета. Вот каким несправедливым гонениям подвергся Жаботинский, человек, столько сделавший для Англии в трудный для нее час, неоднократно продемонстрировавший на поле боя, что он готов принести любую, даже самую великую, жертву в борьбе, которую вела тогда Англия. И в награду за свою неизменную преданность Англии он был фактически вышвырнут из армии, причем чрезвычайно странным и вовсе не приличествующим англичанам способом.

Полагаю, читатели согласятся, что если скандальные методы, к которым сотрудники генерального штаба ЕЭК прибегли в случае с лейтенантом Жаботинским, получат распространение в высших

эшелонах власти, это быстро приведет нашу страну к краху и лишит нас нашего доброго имени. Ведь общеизвестно, до чего продажные чиновники довели когда-то могущественную Российскую империю. Если бы и там руководствовались принципами справедливости и честной игры, никогда не разразилась бы большевистская оргия, захлестнувшая эту многострадальную державу. Так пусть же все короли, цари, правители и властители помнят: «Твори справедливость и действуй по справедливости» — вот лучшая преграда на пути большевизма, ибо сказано у Екклезиаста [Екклесиаста]: «Притесняя других, мудрый делается глупым»³²⁴.

Иерусалим. Старый город (открытка из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

ГЛАВА XXXIV

ПЕРВЫЙ ИУДЕЙСКИЙ

Только чувство долга перед моими офицерами и рядовыми заставляло меня продолжать службу в столь враждебной атмосфере после того, как было заключено перемирие. Мы страдали, однако страдали — молча и просто «тянули лямку». Однако среди всех этих неизвестных нам выпал день великого торжества: местный штаб наконец-то довел до нашего сведения принятное уже год назад решение о присвоении нашему батальону особого звания «Иудейский» и о том, что, по повелению Его Величества, нам дано право носить кокарду в форме меноры³²⁵. Уж всяко не по недосмотру эта информация утаивалась от нас на протяжении целого года — ведь она бы неизмеримо повысила престиж евреев, тогда как члены генерального штаба мечтали об одном — чтобы батальон расформировали, уничтожили еще до того, как его бойцам станет известно, что их заслуги признаны верховной властью и что своими подвигами они добились права на особое наименование и собственную кокарду, которые еще в 1917 г. им пообещал лорд Дерби, тогдашний военный министр.

Сразу после того как до нас дошли эти добрые вести, я получил еще один приятный подарок: Еврейский совет Иерусалима прислал мне прекрасно раскрашенный пергаментный свиток, в котором благодарили меня за то, какую твердость я проявил, отстаивая принципы, изложенные в Декларации Бальфура, а также за то, как успешно я руководил еврейским батальоном в его великой борьбе, увенчавшейся полной победой.

А после этого Первый иудейский батальон ждал еще один триумф: в начале декабря 1919 г. из военного министерства поступило распоряжение оставить наш батальон нести гарнизонную службу в Палестине, осуществив его слияние с тридцать девятым и сороковым батальонами. Я испытал глубочайшее удовлетворение, узнав, что, по крайней мере на первое время, батальон останется в составе британской армии, но при этом ему будет присвоено официальное наименование Первого иудейского батальона. Я понимал, что мое дело сделано и что мне самое время пропеть «Ныне отпускаешь»³²⁶. Детище мое выстояло среди всех бурь, столь яростно бушевавших

вавших вокруг, и было избрано нести гарнизонную службу на собственной родине.

Наличие в Палестине постоянного еврейского контингента — мера здравая со всех сторон. Я убежден, что мировое еврейство охотно возьмет на себя все связанные с этим расходы, и это будет разумным вложением средств, поскольку контингент этот станет центром подготовки палестинских добровольцев. А подготовка эта воспитает в них чувство ответственности и позволит евреям молодого поколения с успехом и постоянством идти по простому, но достойному пути их героических предков.

Сразу по возвращении в Англию я имел беседу со старшим адъютантом военного кабинета, по ходу которой потребовал пересмотра бесчеловечных приговоров, вынесенных молодым американцам в Белахе. Адъютант сочувственно отнесся к моей просьбе, однако в тот момент у него не было возможности вмешаться; в итоге я написал премьер-министру письмо, в котором сообщил, что с этими американскими бойцами обошлись чрезмерно сурово и что их по-прежнему держат в заключении в каирской цитадели. Я указал, что столь варварским обращением с людьми, которые добровольно прибыли из-за океана, дабы принять участие в Великой войне, мы наносим обиду сильному союзнику, а это — политика сомнительной мудрости. Далее содержалась просьба еще раз расследовать это дело. Результатом моего обращения стало то, что бойцов оперативно освободили и отправили домой в Соединенные Штаты.

ГЛАВА XXXV

ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПОГРОМ

Вскоре после моего возвращения в Англию в Палестине произошли события, доказавшие справедливость всех моих опасений относительно того, к чему может привести антисемитизм некоторых сотрудников штаба ЕЭК. Настоящий «погром», из тех, которые до того связывались в нашем сознании только с царской Россией, разразился в апреле 1920 г. в Священном городе Иерусалиме: поскольку событие это стало кульминацией безответственных действий военных властей, я считаю необходимым предать гласности связанные с ним факты³²⁷.

Любому пытливому наблюдателю было совершенно очевидно, что враждебная политика администрации неминуемо приведет к взрыву, направленному против евреев. Люди разумные — такие, как, например, арабы, — не могли не видеть, что власти проводят откровенно антиеврейский курс. Декларация Бальфура — вдохновленное свыше послание народу Израиля — так и не была официально опубликована на территории Палестины. Чинились препятствия к употреблению еврейского языка; наблюдалась откровенная дискриминация евреев; еврейские воинские подразделения неизменно оставляли в тени, а с их бойцами обращались, как с пиявами. Хулиганствующие элементы и злокозненные интриганы интерпретировали все это единственным доступным им способом, а именно, что военные власти в Палестине настроены против евреев и сионистов. В умах некоторых местных деятелей росло убеждение, что любой их шаг, который нанесет смертельный удар по чаяниям сионистов, встретит благосклонное отношение власть предержащих в Святой земле.

Хуже того, это зловредное брожение порой выражалось совершенно в открытую. Военный комендант одного крупного города вслух заявил на собрании Ассоциации молодых христиан, в присутствии английских и французских офицеров и официантов-арабов, что если в его городе начнутся антиеврейские беспорядки, он выведет оттуда гарнизон, а сам сядет у окна и будет наблюдать за происходящим, да при этом еще и посмеиваться. Это возмутительное заявление было передано действующему главе администрации

и руководителю политической службы, однако никаких санкций в адрес коменданта не последовало. Подобному бездействию может быть лишь одно объяснение.

В марте 1920 г. войска в Палестине получили следующий чрезвычайный приказ: «Поскольку правительство вынуждено проводить в Палестине политику, непопулярную среди большей части населения, можно ожидать столкновений между евреями и арабами». Формулировка в высшей степени примечательная. Она явно была рассчитана на то, чтобы возложить вину за любые осложнения на евреев, а правительство представить как несчастную жертву, ибо оно, под неким тайным давлением, «вынуждено проводить» политику сионизма.

Узнав, что один известный мне офицер назначен на важный пост в Палестине³²⁸, я счел своим долгом незамедлительно предупредить лидера движения сионизма, к каким прискорбным последствиям может привести это назначение. Я добавил, что интересы не только еврейства, но и Англии требуют публичного протesta против этого назначения. Но, несмотря на мое предупреждение о грозящей опасности, доктор Вейцман просто не мог поверить, что британский офицер может действовать вопреки принципам, декларированным его собственным правительством. Этот славный человек не пережил того, что пережили мы в еврейском батальоне, не мог до конца оценить ситуацию и распознать все витавшие в воздухе интриги. Насколько мне известно, никаких протестов не воспоследовало, и упомянутый офицер получил-таки это назначение. Я с тревогой смотрел в будущее, опасаясь не столько за евреев, сколько за то, какой урон будет нанесен престижу и доброму имени Англии. Впоследствии оказалось, что страхи мои были более чем обоснованны.

Через несколько месяцев после этого назначения по всей стране, с разрешения властей, прошли публичные антисионистские выступления. Они приняли форму маршей по улицам, с барабанным боем и развевающимися знаменами, а также со скандированием фанатичных антиеврейских лозунгов. В Яффе подстрекательские речи произносились прямо со ступеней резиденции военного коменданта, в присутствии британских чиновников; это были призывы к истреблению сионистов. Арабским газетам позволено было публиковать совершенно оголтелые антиеврейские статьи, зато, если еврейская газета решалась проронить хоть слово протesta, ее немедленно призывали к ответу. Эти зловещие события происходили прямо на глазах у евреев, которые понимали, что им факти-

чески не приходится ждать защиты от военной администрации, и сознавали необходимость создания отрядов самообороны, исключительно с целью защиты собственного населения. Такие отряды были созданы, командовать ими был поставлен лейтенант Жаботинский. Этот офицер, с полного ведома военных властей, завербовал значительное число молодых людей и на всякий случай провел с ними военную подготовку. Приняв командование, он первым делом официально уведомил власти о создании отрядов самообороны, их назначении и о выдаче им оружия. Оружие он, собственно, запросил у правительства, напомнив, что в сходных обстоятельствах поселенцам в Галилее уже выдавали винтовки и патроны. Хочу напомнить, что еврейское население Палестины никогда не причиняло властям ни малейшего беспокойства. Напротив, евреи считались самыми законопослушными гражданами и оказывали британской администрации всяческое содействие. Их изумила и озадачила враждебность, проявленная местной администрацией. Не будет преувеличением сказать, что у них появились опасения за свою жизнь, поскольку хулиганствующие элементы из арабского квартала начали в открытую заявлять, что всех их перережут.

Выступления этих головорезов ожидали в пятницу, второго апреля, — в день, когда должна была состояться праздничная процессия «Неби Муса». Раз в год мусульмане со всей Палестины собираются на молитву в мечети Омара (построенной на месте храма Соломона), а потом следуют процессией до гробницы Моисея в Иорданской долине, возле Мертвого моря. В исламском мире Моисей пользуется великим уважением как Пророк. Считается, что, после того как он скончался на горе Нево³²⁹, некий бедуин переправил его тело через Иордан и захоронил в гробнице, которая ныне известна как «Неби Муса»³³⁰, — каждый год ее посещают тысячи паломников-мусульман. День, которого так страшились евреи, прошел без всяческих происшествий. Однако в свете того, что случилось чуть позже, я склонен думать, что спокойствие это было результатом целенаправленных действий, причем не со стороны британской администрации, а со стороны еврейских отрядов самообороны, которые, как мне известно, пребывали в тот день в полной готовности к любому развитию событий.

В воскресенье, 4 апреля, прибыла толпа припозднившихся паломников из Хеврона; они вошли в Священный город через Яффские ворота. Фанатики-подстрекатели расположились на балконе здания муниципалитета и целых два часа произносили перед паломниками пламенные антиеврейские речи — в присутствии

британских официальных лиц, понимавших по-арабски. Нужно учесть, что паломники эти были вооружены, однако не было предпринято никаких попыток остановить подстрекателей — притом, что в наличии имелись и полиция, и войска. За подстрекательскими речами сразу последовали акты насилия. Привожу здесь выдержки из писем, которые получил впоследствии, — в них все эти буйства в подробностях изложены очевидцами, причем один из них — британский офицер высокого ранга, нееврей.

Палестина

10 апреля 1920 г.

Дорогой полковник!

Настали страшные, ни на что не похожие времена. Кто бы мог подумать, что погром «в русском стиле», со всеми его ужасами, может разразиться в Иерусалиме, под британским правлением! Кто мог предположить, что на протяжении трех дней в Священном городе Иерусалиме будут безжалостно резать евреев, старых и молодых, женщин и детей, что станут насиловать, станут поджигать синагоги, осквернять священные свитки, безнаказанно грабить, — и все это под британскими знаменами!

Вам, разумеется, известно об антиеврейском настрое здешней администрации, ибо Вы испытали его на себе, однако в последнее время печально известная «Сирия генуба» (ежедневная арабская газета, выходящая в Иерусалиме) день за днем печатает подстрекательские статьи, направленные против евреев...

Никто не препятствует проведению антиеврейских демонстраций и произнесению подстрекательских речей против евреев. Некоторые подонки из числа арабов в открытую заявляют, что в день праздника Неби-Муса устроят избиение евреев. Еврейская пресса и лидеры еврейской общины предупредили об этом правительство, но их никто не слушал, более того, о проведении праздника было объявлено с великой помпой, на нем присутствовали лорд Алленби и генерал-майор Луис Жан Больс, глава администрации...

Н. Н.

Палестина,

11 апреля 1921 г.

Дорогой полковник!

Мы с женой поехали провести выходные Пасхальной недели в Иерусалиме, и что это оказались за выходные! Задолго до того, как Вы получите это письмо, до Вас наверняка дойдут известия о том, что произошло в Священном городе, но поскольку мы с женой лично видели, как был нанесен

первый удар, и присутствовали при воспоследовавших беспорядках, Вас может заинтересовать наш рассказ.

Случившееся здесь породило самые разнообразные вопросы, и хотя на данный момент с беспорядками покончено, боюсь, это еще не конец.

Утром пасхального воскресенья мы стояли на балконе нового «Гранд-отеля», глядя на движение арабской процессии, только что прибывшей из Хеврона. Процессия достигла Яффских ворот — она на первый взгляд ничем не отличалась от ей подобных, довольно шумная, но вроде бы вполне мирная. Ее сопровождали двое офицеров из военной администрации и несколько полицейских-арабов. Потом участники процессии внезапно выстроились в каре, прямо в воротах, и первое, что мы увидели после этого, был старик-еврей лет семидесяти, которому рассекли череп арабским мечом; как только он упал, в него полетели камни; через несколько минут начались нападения и на других евреев. К этому времени толпа полностью вышла из-под контроля и стремительно ринулась в старый город, грабя и убивая на своем пути; в течение нескольких часов из города регулярно доставляли пострадавших евреев. Военных я при этом не видел.

На следующий день беспорядки возобновились, опять было много раненых, на третье утро — вновь грабежи и избиения, и только тогда военные наконец-то предприняли решительные действия и положили конец беспорядкам...

Искренне Ваш,
(подпись) Е. Н.

Менее чем за полчаса до начала этих беспорядков две роты из отрядов самообороны подошли к Яффским и Дамасским воротам, дабы утихомирить буйнов, проникших в город, однако ворота перед ними закрыли — их охраняли британские военные. Обращаю особое внимание на то, что через несколько минут после начала погрома британские войска удерживали все городские ворота, причем им был отдан четкий приказ: никого не впускать и никого не выпускать — в том числе беззащитных женщин, которые пытались спастись от ужасов, захлестнувших еврейский квартал, — если у них не имелось специальных пропусков.

Почти три дня в городе безнаказанно творились убийства, насилие, святотатства, грабежи — и все это под британским управлением. Есть только одно слово, которым можно описать случившееся, и это русское слово «погром». Оно означает косвенно санкционированное властями нападение на евреев. Убийцам внушено, что они могут убивать, насиливать, жечь и грабить от всей души с молчаливого попустительства властей. Примечательно, что пока длился этот иерусалимский погром, распоясавшиеся молодчики посто-

янно кричали: «Эль доулем ма анна!» — «Правительство с нами!» Нападавшие твердо верили в то, что кричат правду. За три этих страшных дня несколько евреев были убиты, тысячи пострадали (среди них — множество стариков, женщин и детей), чинилось насилие, поджигались синагоги, а принадлежавшее евреям имущество стоимостью в десятки тысяч фунтов было разграблено или уничтожено.

Погром не выплеснулся за пределы стен старого города, где мусульманское население сильно преобладает численностью над еврейским, — собственно, последнее составляет там незначительное и совершенно беззащитное меньшинство. Эти люди непричастны к политике, даже к политике сионизма, они предаются молитвам и созерцанию и отрещены от всего мирского. Им претит даже самозащита, а любая форма насилия для них — святотатство. Эти совершенно безобидные люди обитают на нескольких узких извилистых улочках с базарами в уголке старого города. Защитить еврейский квартал не составляет никакого труда. Поставил несколько вооруженных людей в узких проходах — и этого достаточно, чтобы сдержать написк толпы. Почему военные власти не пошевелили пальцем? Только на третий день они предприняли какие-то действия. А тем временем эти несчастные прошли через настоящий ад. Даже те немногие, что сумели пробиться к городским воротам, не смогли, спасая свои жизни, покинуть город, если у них не было особого пропуска, — им пришлось вернуться туда, где свирепствовала кровожадная, беснующаяся толпа мародеров.

Это — одна из черных страниц нашей истории, и те, кто допустил подобное, не должны остаться безнаказанными. Чтобы оправдать свое бездействие, местные власти бросились на поиск козла отпущения и в результате арестовали Жаботинского и еще дюжину членов еврейских отрядов самообороны.

Жаботинскому предъявили смехотворное обвинение — «бандитизм, разжигание взаимной ненависти среди граждан Османской империи, грабеж, насилие, уничтожение собственности, множественные убийства». Чтобы навесить на него эти абсурдные ярлыки, они, похоже, прочесали весь уголовный кодекс Османской империи. Жаботинский же не был повинен ни в чем, кроме того, что за много недель до беспорядков, с полного ведома властей, основал отряды самообороны, причем только благодаря существованию этих отрядов погромы не приняли куда более угрожающих масштабов. Подавляющее большинство евреев, в том числе почти все евреи-сионисты, живут за пределами старого города, в совре-

менной части Иерусалима, — именно на них и обрушилась бы толпа. Однако вне городских стен не пострадал ни один еврейский дом, и все это потому, что там находились члены отрядов самообороны, готовые к действию.

Отряды самообороны ровным счетом ничем не провинились перед британскими властями. Собственно, многих их членов администрация задействовала в патрулировании окрестностей города. И, тем не менее, был созван британский трибунал, который признал Жаботинского виновным и наложил на него совершенно непомерное наказание — пятнадцать лет лишения свободы!

Сам по себе этот список нелепейших обвинений — уже позор для британского правосудия, а вся эта безобразная история — пятно на нашем честном имени. Замечу к слову, что два араба, которых поймали во время погрома при попытке изнасиловать девушек-евреек, получили тот же приговор, что и Жаботинский, единственное преступление которого состояло в том, что он был евреем.

Жаботинского, в платье узника, бросили в тюрьму, остригли ему волосы и вместе с двумя арабами, обвиненными в изнасиловании, прогнали пешком по Иерусалиму и Кингаре, где он был прекрасно известен как британский офицер. Даже самый свирепый гунн³³¹ из тех, о которых мы читали, ни разу не дошел до такого зверства и тиранства, до которого опустились военные власти ЕЭК в отношении Жаботинского, офицера, который мужественно сражался за нашу страну и всеми силами помогал Англии одержать победу в войне³³².

Разумеется, поднялась волна общественного гнева. Собственно, один из виднейших наших государственных мужей, прочитав телеграмму, сообщавшую об этом варварском приговоре, говорят, заметил: «Эти вояки в Палестине, похоже, вовсе ума лишились!» Дело дошло до Палаты общин, и мистер Черчилль³³³, тогдашний военный министр, сделал особое заявление. Вмешался Военный кабинет, и приговор вскоре был отменен.

Потребовались все эти ужасы, дабы открыть нашим английским политикам глаза на то, что творится в Палестине. Когда они разобрались, что к чему, ситуация начала меняться к лучшему — первым предпринятым к этому шагом стало смещение военной администрации.

ГЛАВА XXXVI

РАССВЕТ

Иерусалим был еще погружен в скорбь и исполнен плача, когда из Сан-Ремо пришла радостная весть, что Контрольный совет ратифицировал обещанное Англией создание еврейского национального очага в Палестине и она объявлена британской подмандатной территорией³³⁴. Дабы подчеркнуть свое стремление обращаться с народом Израиля по справедливости, британские власти приняли мудрое решение назначить управляющим Палестины еврея; должность эту получил сэр Герберт Сэмюэль — он стал первым Верховным комиссаром Палестины.

Когда-нибудь, на великой поверке тех, кто содействовал возвращению евреев в их отчество, на видном и почетном месте окажется имя барона Эдмона де Ротшильда³³⁵. Его бесконечно щедрая помощь делу сионизма и сионистским поселенцам в Палестине была неоценимой для всего движения.

С течением времени Палестина станет занимать в мире все более и более видное место. Мы уже имели возможность увидеть, что она — краеугольный камень нашего политического влияния на Ближнем и Среднем Востоке, и когда она будет полностью колонизирована дружественным нам народом, готовым трудиться рука об руку с Великобританией, все сложные вопросы, касающиеся наших интересов в этой части света, будут решены.

Долгие годы евреи и арабы жили рядом без всяких трений, и я не вижу причин для таковых в будущем. Когда страна окажется под справедливым управлением, когда местные чиновники станут неукоснительно проводить в жизнь политику правительства Его Величества, в Палестине воцарится мир между двумя народами. Когда добросовестная, нелицемерная администрация уравняет чаши на весах правосудия и станет равно сотрудничать как с евреями, так и с арабами, над Святой Землей встанет рассвет новой благодатной эпохи и древние чаяния народа Израиля наконец-то воплотятся в жизнь.

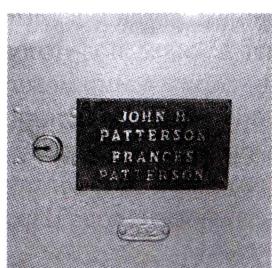
И да не будет предано забвению то, какую роль сыграла в исполнении древнего пророчества Великобритания. Я убежден, что имена мистера Ллойда Джорджа³³⁶ и мистера Бальфура, тех двоих,

что обошлись с еврейским народом по справедливости, навеки останутся в сердцах евреев и всегда будут поминаться с признательностью. Декларация Бальфура стала для еврейства всего мира отправным моментом. С него начался путь к чуду, которое вершиится ныне прямо на наших глазах: народ Израиля возвращается в землю, заповеданную Аврааму и семени его на веки веков. Слава Англии приумножена на многие эпохи вперед тем, что через ее посредничество евреи смогли вернуться в Землю обетованную и вновь создать здесь свой национальный очаг.

«Вечером водворяется плач, а на утро радость»³³⁷.

В Палестине хватит места и евреям, и арабам; собственно, два этих народа прекрасно дополняют друг друга. Сейчас в Палестине проживает около шестисот тысяч арабов, но когда в ней создадут систему орошения и страна вновь процветет, здесь смогут жить пять-шесть миллионов человек. Соседство евреев не пойдет арабам во вред, напротив, еврейская колонизация, еврейская предпримчивость станут благом для всех жителей Палестины.

Еврейские переселенцы, ныне прибывающие в Палестину, исполнены энтузиазма, готовы трудиться и даже отдать жизнь за возрождение своего древнего отечества. Мозги, руки и капитал евреев рано или поздно уподобят Палестину библейскому зеленеющему лавру. Здесь проведут оросительные каналы и посадят леса; мощь водных потоков будет поставлена на службу людям, дабы даровать им свет и тепло. Здесь расцветет торговля, появятся новые базары, где станут продавать всевозможные товары, прекрасная природная гавань Хайфы будет усовершенствована — и все это, разумеется, позволит и арабам, и евреям жить в довольстве и неге. Даже сегодня еврейские поселения — отрада для глаз, и земля по соседству с ними уже устроилась в цене.

Здесь покоятся прах супругов Паттерсон. Кладбище *Angelus Rosedale*.
Лос-Анджелес, Калифорния.

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

¹ **Бендов (Бен-Дов) Яааков** (1882–1968) — выходец из Румынии, художник, фотограф, коллекционер, издатель, один из создателей кинематографа в Израиле.

ВВЕДЕНИЕ

² **Египетский экспедиционный корпус** — воинское подразделение, первоначально им командовал генерал Арчибалд Мюррей, затем генерал Эдмунд Алленби. Состоял из британских XX и XXI корпусов под командованием генералов Филиппа Четвуда и Эдварда Станиславса. Также в него входили Пустынный конный корпус и четыре кавалерийских дивизиона под командованием австралийского генерал-лейтенанта Генри Джорджа Чаувела. Силы арабских повстанцев под командованием принца Фейсала также были неофициально включены в состав Корпуса во время похода на Дамаск. Первоначально Корпус занимался обороной Египта, затем начал вторжение в Палестину. Два неудачных сражения под Газой привели к отставке Мюррея и назначению Алленби, который взял Бер-Шеву и Газу, вступил в Иерусалим 11 декабря 1917 г., а в 1918 г. провел удачную кампанию, разбив турок в битве при Мегиддо, заняв Дамаск, Бейрут и Алеппо. Успехи экспедиционного корпуса заставили Турцию выйти из войны и привели к тому, что Палестина перешла под управление Великобритании (см.: *Mortlock M. J. The Egyptian Expeditionary Force in World War I: A History of the British-Led Campaigns in Egypt, Palestine and Syria. Jefferson, 2010*).

³ См. его мемуары: *Patterson J. H. With the Zionists in Gallipoli*. New York, 1916. В сокращенном русском переводе: *Паттерсон Дж. Г. С еврейским отрядом в Галлиполии / Вступ. ст. К. Чуковского; С прил. ст. В. Жаботинского и И. Трумпельдора. М., 1917*.

⁴ **Гамильтон Йен** (1853–1947) — военный деятель, в годы Первой мировой войны командовал Средиземноморскими экспедиционными силами, участвовал в Дарданельской (Галлиполийской) операции. После ее провала был отозван в Лондон и занимал высокие посты в Генеральном штабе Британских вооруженных сил. Автор дневников: *Gallipoli Diary*. London, 1920.

⁵ **Макреди Невилл** (1862–1946) — британский военный деятель, генерал-адъютант. В годы Первой мировой войны воевал во Франции,

позднее член Военного Кабинета. С 1920 г. один из руководителей операций против Ирландской республиканской армии. Автор мемуаров: *Macready N. Annals of an Active Life*. London, 1927.

- 6 **Иуда Маккавей** (погиб в 161 до н. э.) — руководитель восстания евреев против Антиоха Эпифана. Под именем Маккавей вместе со своими братьями возглавил восстание против попытки Антиоха Эпифана ввести греческий культ вместо иудейства. Он нанес несколько поражений войску Антиоха и восстановил независимость государства.
- 7 **Бар-Кохба Шимон** (казнен в 135 г.) — предводитель иудеев в восстании против римлян при императоре Андриане в 131—135 гг. н. э.
- 8 **Декларация Бальфура 1917 года** — официальное письмо, датированное 2 ноября 1917 г., от министра иностранных дел Великобритании Артура Бальфура к лорду Уолтеру Ротшильду, представителю британской еврейской общины, для передачи Сионистской федерации Великобритании известия о признании правительством права еврейского народа на воссоздание в Палестине национального очага. По словам тогдашнего премьер-министра Великобритании Д. Ллойд Джорджа, «...декларация Бальфура не является простым актом милосердия. Следует понять, что речь идет о сделке в обмен... на поддержку евреями всего мира дела союзников». В феврале 1918 г. о своем согласии с «Декларацией» заявила Франция, 9 мая 1918 г. — Италия, 31 августа 1918 г. ее одобрил президент США Вильсон, а затем, 30 июня 1922 г., конгресс США. 24 апреля 1920 г. на конференции в Сан-Ремо «Декларация Бальфура» была утверждена союзниками как основа послевоенного урегулирования в Палестине, а 24 июля 1922 г. ее включили в текст мандата Великобритании на Палестину, утвержденного «Лигой Наций».
- 9 **Рабан Гамиэль бен Шимон ха-Закен (Старший)** (в христианской традиции Гамалиил) — жил в первой половине I в. Ученый, раввин, внук знаменитого Гиллеля, наси (глава) Синедриона, один из основателей талмудического иудаизма.
- 10 **Еврейский погром в Иерусалиме** в Пасхальные дни 1920 г. произошел при попустительстве британских оккупационных властей. Арабами было убито шесть и ранено 211 евреев. В ответных действиях еврейской самообороны под командованием В. (З.) Жаботинского было убито четыре и ранен 21 араб.
- 11 **Сэмюэль Герберт Луи** (1870—1963) — британский политик, государственный деятель. С 1902 года член Парламента. В 1909 году получил место в кабинете министров, став первым в истории Великобритании членом правительства иудейского вероисповедания. До 1914 г. Сэмюэль не принимал участия в сионистской деятельности, считая сионизм утопией. Однако когда Великобритания объявила войну Турции, он поддержал идею о создании еврейского государства.

ства в Палестине. Познакомившись в декабре 1914 г. с Х. Вейцманом, Сэмюэль помогал ему в его деятельности, в итоге приведшей к опубликованию Декларации Бальфура. В январе–марте 1915 г. Сэмюэль распространил среди членов кабинета министров меморандум, в котором предлагал установить над Палестиной британский протекторат. Позднее Сэмюэль, который был известен как активный сторонник идеи создания еврейского национального очага в Эрец-Исраэль, получил пост первого Верховного комиссара Палестины (1920–1925). На этом посту в отношении арабского населения он проводил политику умиротворения. Покинул этот пост в связи с новой, проарабской линией британского правительства. Мемуарист. (См. о нем: *Wasserstein B. Herbert Samuel: A Political Life. London, 1992.*)

ГЛАВА I. ДЕКЛАРАЦИЯ БАЛЬФУРА

¹² Имеются в виду действия германского подводного флота, стремившегося блокировать пути снабжения Великобритании. В ходе беспощадных действий германских подводных лодок было потоплено множество как военных, так и гражданских судов, в том числе и шедших под флагами нейтральных стран. В конце концов это стало одним из поводов для вступления в войну США.

¹³ **Галлипольская операция** (Дарданелльская операция), 1915–1916 гг. — операция вооруженных сил Англии и Франции в Первой мировой войне, проведенная с 19.02.1915 по 9.01.1916. Целью операции было овладеть проливами Дарданеллы и Босфор, взять столицу Турции и, прорвавшись в Мраморное море, захватить Константинополь. После того как морские операции оказались неудачными, было решено провести комбинированную (сухопутно-морскую) операцию: захватить силами десанта Галлипольский полуостров и укрепления в Дарданеллах с целью обеспечения прорыва флота в Мраморное море, а затем ударом с суши и моря овладеть Константинополем. 25 апреля союзный десант (81 тыс. человек и 178 орудий) под командованием английского генерала Й. Гамильтона начал высаживаться на южной оконечности полуострова Галлиполи. Противник оказал упорное сопротивление, но основные и вспомогательные силы десанта сумели овладеть небольшими плацдармами, потеряв за первые два дня до 18 тысяч человек. Чтобы расширить плацдарм, английское командование решило произвести высадку второго десанта. Из Англии на Галлиполийский полуостров было дополнительно отправлено около 127 тысяч человек. Доведя в начале августа состав войск до 12 дивизий и высадив в ночь на 7 августа новый десант в бухте Сувла (10 тысяч человек), англо-французские войска перешли в наступление. К 10 августа турецкие войска (14 дивизий) отразили наступление. В этих боях англичане и французы потеряли около 45 тысяч человек, примерно

столько же — турки. Неудача англо-французских войск в августе во многом подтолкнула Болгарию к вступлению в войну на стороне Германии. В конце 1915 г., в связи с успешным наступлением австро-германских и болгарских войск на Балканах, разгромом сербской армии и угрозой выступления Греции на стороне Германии, союзники прекратили Дарданелльскую операцию и эвакуировали войска. В этой операции в составе британской армии впервые действовало сформированное в Александрии из еврейских беженцев из Палестины и добровольцев-сионистов еврейское подразделение, т. н. Отряд погонщиков мулов, под командованием Дж. Г. Паттерсона. Эти события он описал в мемуарах «С еврейским отрядом в Галлиполии» (М., 1917).

¹⁴ Имеется в виду США, общественное мнение и правительство которых долгое время придерживались принципов нейтралитета.

¹⁵ **Вейцман Хаим** (1874—1952) — политический деятель, один из лидеров сионистского движения, Президент Всемирной сионистской организации в 1921—1931, 1935—1946 гг., первый президент государства Израиль. Родился в г. Пинске (Российская империя), высшее образование (химик) получил в Германии и Швейцарии. С 1904 года работал как исследователь в научных центрах Великобритании. Участник сионистского движения с 1899 г., делегат практических сионистских конгрессов. С начала войны отверг нейтралитскую позицию руководства мирового сионистского движения. Как ученый-химик, в годы войны сделал открытие, позволившее модернизировать военную промышленность Великобритании. Это привело его в круг британского эстеблишмента и открыло новые возможности для сионистского движения. Вейцман принял активное участие в создании Еврейского легиона в составе британской армии. Во многом благодаря его связям и агитации была достигнута положительная реакция властей на планы официального признания Палестины в качестве еврейского национального очага. Принятие Декларации Бальфура способствовало тому, что Вейцман стал наиболее популярным среди лидеров сионистского движения. В 1918 году он возглавил Сионистскую комиссию, направленную британским правительством в Палестину для оценки перспектив ее будущего заселения и развития. В 1919 году Вейцман возглавил сионистскую делегацию на Парижской мирной конференции. Делегации удалось добиться благожелательного отношения представителей держав-победительниц и лидеров Лиги Наций, что способствовало одобрению Декларации Бальфура на последовавшей за этим конференции в Сан-Ремо и принятию решения о вручении Великобритании мандата на управление Палестиной. На Сионистской конференции 1920 г. в Лондоне Вейцмана избрали председателем Сионистской организации. Он занимал этот пост до 1931 г., а затем снова с 1935 по 1946 г. Автор мемуаров: *The Letters and Papers of*

Chaim Weizmann: August 1898–1931. London, 1934; В поисках пути: Т. 1–2. Тель-Авив, 1990.

- ¹⁶ **Соколов Нахум** (1859–1936) — политический деятель, один из лидеров сионистского движения, журналист, публицист. С начала XX в. активный деятель сионистского движения в Польше, позднее генеральный секретарь Всемирной сионистской организации. В годы войны сторонник поддержки сионистским движением стран Антанты. Активно участвовал в международной деятельности сионистского движения.
- ¹⁷ **Жаботинский Владимир (Зеев)** (1880–1940) — политический деятель, писатель, журналист, поэт, переводчик, один из лидеров сионистского движения, основатель и идеолог движения сионистов-ревизионистов. С начала XX в. вел активную сионистскую деятельность в России. В 1914 году после вступления в войну Турции выдвинул идею создания еврейского военного подразделения для участия в войне на стороне стран Антанты, с тем, чтобы принять участие в освобождении Палестины. Вступил рядовым в Еврейский легион в Англии, участвовал в боевых действиях на территории Эрец-Исраэль. Весной 1920 года он был арестован английскими властями за организацию самообороны во время нападения арабов на еврейское население. Был приговорен к 15 годам каторги, но вскоре освобожден по амнистии и выслан из страны. Автор ряда мемуаров, в том числе посвященных истории Еврейского легиона: Слово о полку (Повесть моих дней). Тель-Авив, 1985 (последнее издание на русском языке: М.; Иерусалим, 2013).
- ¹⁸ **Коэн Джозеф (Иосиф)** (1868–1932) — политический деятель, один из лидеров сионистского движения в Великобритании, глава Британской сионистской ассоциации.
- ¹⁹ Имеется в виду газета «Трибуна», которую издавал и редактировал соратник В. Жаботинского, сионистский деятель из России Меир Гроссман (1888–1964). Она выходила на идише 2 раза в месяц с октября 1915 по август 1916 г. Распространение этой газеты на территории Великобритании было запрещено ввиду того, что в ней резкой критике подвергалась политика русского самодержавия в отношении еврейского населения.
- ²⁰ Автор имеет в виду преследование В. Жаботинского, его арест, тюремное заключение и последующую высылку из Эрец-Исраэль британскими властями. Причиной этих преследований стало его руководство сопротивлением избранному оккупационными властями новому проарабскому курсу.
- ²¹ См. об этом: Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). 1985.
- ²² **Великая хартия вольностей** (лат. *Magna Carta Libertatum*, англ. *The Great Charter*) — грамота, подписанная английским королем Иоанном Безземельным (Король Джон) 15 июня 1215 г. и ставшая одним

из основополагающих конституционных актов Англии. Впоследствии по аналогии так же стали называть подобные документы государственного значения.

- ²³ **Ротшильд Лайонел Уолтер** (1868–1937) — британский банкир, политический деятель. 2 ноября 1917 г. британский министр иностранных дел лорд Артур Джеймс Бальфур в письме к нему, как к одному из лидеров британских сионистов, сообщил о согласии правительства Великобритании «на создание в Палестине национального очага для еврейского народа» (см.: *Rothschild M. L. Dear Lord Rothschild*. Hutchinson, 1983).
- ²⁴ **Бальфур Артур Джеймс** (1848–1930) — британский государственный деятель. В годы Первой мировой войны (1916–1919) занимал пост министра иностранных дел. В 1925 году он сказал о принятой Декларации: «Это лучшее, что я сделал в своей жизни». Мемуарист. (См. о нем: *Young K. A. J. Balfour*. London, 1963; *Judd D. Balfour and the British empire*. London; New York, 1968.)
- ²⁵ Имеется в виду расселение евреев по миру после их изгнания с родины.
- ²⁶ «**В будущем году в Иерусалиме**» — фраза, ставшая одним из символов духовного единства мирового еврейства. Это пожелание произносится в конце последней, заключительной молитвы на Йом Кипур (Судный день) — молитвы Неила.
- ²⁷ **Кир II Великий** — персидский царь, правил с 559 по 530 г. до н. э. После завоевания в 539 г. до н. э. Вавилона распорядился отпустить захваченные и переселенные в Вавилон народы, в том числе и иудеев. Возвращенным в Палестину иудеям, которых некогда увел в плен вавилонский царь Навуходоносор, было разрешено восстановить Иерусалимский храм; им также вернули похищенные Навуходоносором храмовые сосуды. Вместе с храмом и сосудами Иерусалим получил и своего правителя, потомка Царя Давида.
- ²⁸ См.: Книга Иеремии. Гл. 31.

ГЛАВА II. САНАВАЛЛАТЫ

- ²⁹ **Санаваллат** — персидский наместник в Самарии, области к северу от Иудеи, основной политический оппонент Неемии, руководителя восстановления Иерусалима после возвращения евреев из Вавилонского плена (Книга Неемии. 2:10; 4:1, 2).
- ³⁰ **Куррах** — небольшой город в Ирландии, где находилась база британской армии.
- ³¹ **Хатчинсон Роберт** (1873–1950) — военный и политический деятель, генерал-майор. В период Первой мировой войны один из руководителей Военного министерства, позднее член Палаты Общин, директор Национального банка Австралии.
- ³² **Примроуз Неил Джеймс** (1882–1917) — политический деятель; сын премьер-министра Великобритании (1894–1895) и руководите-

ля Либеральной партии лорда Розбери, внук барона Мейера Ротшильда; член Парламента с 1910 по 1917 г.; майор британской армии. Погиб в Эрец-Исраэль в 1917 г.

³⁵ **Ормсби-Гор Георг (лорд Харлик)** (1855–1938) — политический деятель, член Парламента от Консервативной партии с 1901 г.

³⁴ **Сибаг-Монтефиори Эдмонд** (1869–1929) — общественный деятель, противник сионизма; как президент Англо-еврейской ассоциации, пытался помешать обнародованию Декларации Бальфура.

³⁵ **Эдер (Идер) Давид Монтгэю** (1866–1936) — врач, специалист в области психологии; общественный деятель; входил в руководство сионистским движением в Великобритании. Находился в Эрец-Исраэль с 1921 по 1927 г. Член «Сионистской комиссии», работавшей в Эрец-Исраэль в начале 1920-х гг.

³⁶ **Саламан Рэдклиф Нахам** (1874–1955) — врач, генетик, профессор Кембриджского университета.

³⁷ **Ланда Меир Джек** (1874–?) — еврейский общественный деятель, участник сионистского движения в Великобритании. Его архив находится в университете г. Саутгемптон (Великобритания).

³⁸ **Гринберг Леопольд Яаков** (1861–1931) — журналист, один из лидеров сионистского движения в Великобритании. Редактор газеты «Jewish Chronicle».

³⁹ **Липсон Соломон** (1878–1959) — главный раввин британских вооруженных сил в годы Первой мировой войны. Его архив находится в университете г. Саутгемптон (Великобритания).

⁴⁰ **Сайкс Марк** (1880–1919) — дипломат, полковник британской армии, в 1918 г. один из авторов плана раздела «Турецкого наследства». Х. Вейцман писал о нем: «Трудно перечислить все услуги, оказанные нам Сайксом. Именно он придавал нашей работе более официальный характер... Если бы не советы таких людей, как Сайкс, мы, не имея опыта проведения сложных дипломатических переговоров, несомненно, совершили бы массу опасных ошибок» (*Weizmann Ch. Trial and Error. New York, 1949. P. 149*). Сайкс — один из авторов соглашения с Францией по разделу «Турецкого наследства», т. н. Пакта Сайкс — Пико (1916) (см.: *Cape J. Mark Sykes: Portrait of an Amateur. London, 1975; Sykes Ch. S. The Big House: The Story of a Country House and Its Family. London, 2005*).

⁴¹ **Эмери Леопольд Чарльз Морис** (1873–1955) — государственный и политический деятель, журналист. Член Палаты Общин с 1911 г. В период Первой мировой войны служил в разведке в Балканских странах, позднее работал в секретариате премьер-министра Д. Ллойда Джорджа. Содействовал принятию «Декларации Бальфура» и созданию Еврейского легиона.

⁴² **Окленд Кэмбелл Геддес** (1879–1954) — государственный и военный деятель, дипломат, член Парламента. В годы Первой мировой

войны возглавлял управление по призыву в британскую армию. Посол Великобритании в США в 1920–1924 гг.

⁴³ См.: Книга Неемии. Гл. 2 и 4.

⁴⁴ Георг V(1865–1936) — король Великобритании с 1911 по 1936 г.

ГЛАВА III. ФОРМИРОВАНИЕ ЕВРЕЙСКОГО БАТАЛЬОНА

- ⁴⁵ Дерби Эдвард Георг (1865–1948) — государственный и военный деятель, в годы Первой мировой войны — Государственный секретарь. В начале войны отвечал в Военном министерстве за проведение кампаний по рекрутингу в армию (в Британии до 1916 г. отсутствовал принцип всеобщей воинской обязанности). Он призывал создавать батальоны, в которых «друзья по совместной работе в гражданской жизни сражались бы плечом к плечу за честь Британии». Эти слова стали девизом того времени и вызвали массовый патриотический подъем и коллективное вступление в ряды армии.
- ⁴⁶ В состав этой группы входили наиболее видные представители т. н. старого, ассимилированного и антисионистски настроенного английского еврейства: Люсъен Вольф, Клод Монтефиоре, Эдвин Монтею, Давид Александр.
- ⁴⁷ Ист-Энд — район Восточного Лондона, ограниченный стеной лондонского Сити на западе, Темзой на юге, рекой Ли на востоке и районами Хэкни и Виктория-парк на севере. Место традиционного поселения евреев — эмигрантов из стран Восточной Европы и России в конце XIX — начале XX в.
- ⁴⁸ С самого начала войны Исполнительный комитет Всемирного сионистского движения принял решение о нейтралитете (см.: Вейцман Х. В поисках пути. Тель-Авив, 1990).
- ⁴⁹ Масличная гора — возвышенность, тянущаяся с севера на юг против восточной стены Старого города Иерусалима, по другую сторону долины Кидрон. На южной оконечности Масличной горы, на ее западных и южных склонах, расположено еврейское кладбище, сакральное с религиозной точки зрения место погребения евреев в Эрец-Исраэль. С еврейским кладбищем на склоне Масличной горы связана традиция, согласно которой «в конце дней Мессия взойдет на Масличную гору и оттуда, по звуку трубы пророка Иехезкеля (в русской традиции Иезекииль), начнется воскресение из мертвых» (ср. Книга Иехезкеля. 37). Захоронение здесь началось еще в эпоху Первого храма. После 1967 года, когда Масличная гора полностью была возвращена под контроль Израиля, еврейское кладбище было реставрировано и стало доступно для захоронений.
- ⁵⁰ Кили Джеймс Даниэль (1865–1953) — политический деятель, член Либеральной партии, член Палаты общин от Лондонского района Ист-Энд с 1916 по 1922 г. Предприниматель.

ГЛАВА IV. ОБУЧЕНИЕ В ПЛИМУТЕ

- ⁵¹ Вероятно, Ноулс Роберт — участник англо-бурской и Первой мировой войн, майор, позднее полковник.
- ⁵² **Франк Леопольд** (р. 1894) — британский сионист, предприниматель, меценат.
- ⁵³ **Уолфорд Лайонел Дэвид** (р. 1894) — предприниматель, участник сионистского движения в Великобритании.
- ⁵⁴ **Поунал Ассхетон (Эштон)** (1877–1953) — военный деятель, полковник, участник англо-бурской и Первой мировой войн. С 1918 по 1945 г. — член Британского Парламента от Консервативной партии. В 1930-е годы участвовал в деятельности Англо-германского общества дружбы. Сторонник сближения и умиротворения Германии.
- ⁵⁵ **Эпштейн Яааков (Яков)** (1880–1959) — скульптор, выходец из еврейской семьи из Польши. Родился в США. С 1902 года жил во Франции, затем в Великобритании. В 1917 году участвовал в создании еврейского легиона. Автор большого количества скульптурных работ, которые находятся в самых престижных галереях Англии. После Второй мировой войны был возведен в Рыцарское достоинство.
- ⁵⁶ Имеется в виду период с 1827 по 1856 г., когда евреи стали в массовом порядке призывать в русскую армию, в том числе и детей с 10–12 лет. В армии евреи подвергались насилиственной христианизации и ассимиляции.
- ⁵⁷ **Нил Джеральд** (1891–1981) — капитан, позднее майор 38-го батальона.
- ⁵⁸ Вероятно, **Мардермott Роберт** — участник Первой мировой войны, офицер (майор) Дублинского пехотного полка.
- ⁵⁹ **Вольф Бернард** (1881–1918) — лейтенант 38-го батальона. Похоронен на Британском военном кладбище на горе Скопус в Иерусалиме.
- ⁶⁰ **Петтикоут-Лейн** — улица в лондонском районе Ист-Энд, на которой находится одноименный рынок, известный с начала XX в. большим количеством еврейских портняжных мастерских и магазинов готового платья и поддержанной одежды.
- ⁶¹ **Фредман Мейер** (р. 1894–?) — финансист, глава еврейской общины г. Плимута.
- ⁶² **Кук Аврахам-Ицхак** (1865–1935) — один из крупнейших религиозных мыслителей, лидер религиозного сионизма. С начала 1904 г. раввин в г. Яффо (Яффа). В годы Первой мировой войны жил в Великобритании. С 1921 года — верховный раввин ашкеназской общины в Эрец-Исраэль.
- ⁶³ **Бялик Хаим-Нахман** (1873–1934) — выдающийся поэт, прозаик, общественный деятель, участник сионистского движения. С 1921 года жил в Эрец-Исраэль. В. (З.) Жаботинский перевел на русский язык многие его произведения.
- ⁶⁴ **Вандик Эдвард М.** — капитан 38-го батальона.

- ⁶⁵ **Астор Нэнси** (1879–1964) — политический деятель, первая женщина — член Палаты общин, жена британского политического деятеля Уолдорфа Астора. В конце 1930-х — начале 1940-х гг. обвинялась в связях с т. н. Клайвденской кликой — группой сторонников сближения с нацистской Германией.
- ⁶⁶ **Япп Артур** (1869–1936) — Генеральный секретарь Ассоциации молодых христиан Великобритании с 1912 по 1934 г.
- ⁶⁷ **Шенфилд У.** — майор британской армии. По воспоминаниям Жаботинского, «...тот самый единственный еврейский офицер в Лондоне, который с самого начала отнесся к нам по-человечески» (Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). 1985. С. 203).
- ⁶⁸ **Сэмюэль Фредерик Дадли** (1874–1951) — подполковник британской армии, происходил из «старой английской» еврейской семьи; воевал во Франции, затем дал согласие перейти в Еврейский легион и был назначен командиром 39-го батальона. В. Жаботинский писал о нем: «...он служил на французском фронте, командовал хорошим батальоном, ожидал с уверенностью близкого производства в бригадные генералы. Капитан Саламан написал ему, что нам нужны еврейские офицеры для легиона: он рас прощался со своим полком — не малая и не легкая жертва для командира на четвертом году кампании — и перевелся к нам...» (Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). 1985. С. 263). Его архив находится в университете г. Саутгемптон (Великобритания).
- ⁶⁹ **Марголин Элиазер** (1874–1944) — политический и военный деятель. Родился в России. С 1892 года жил в Эрец-Исраэль. В 1900 году эмигрировал в Австралию. В составе австралийских войск в различных офицерских званиях участвовал в Первой мировой войне. Воевал во Франции и в Галлиполи. В звании подполковника возглавил 39-й батальон королевских стрелков, сформированный из евреев-добровольцев из США и Канады. С лета 1918 г. воевал на территории Эрец-Исраэль. С декабря 1919 г. командовал всем Еврейским легионом. Содействовал созданию еврейской самообороны в период погромов 1920–1921 гг. В знак несогласия с новым курсом британской политики на Ближнем Востоке вышел в отставку и вернулся в Австралию, где стал одним из руководителей сионистского движения (см. о нем: *Gouttman R. An Anzac Zionist Hero: The Life of Lt.-Colonel Eliazer Margoilin*. Melburn, 2006).
- ⁷⁰ **Кинг** — полковник британской армии, сотрудник военного министерства.
- ⁷¹ **Грэм** — полковник британской армии, сотрудник военного министерства.
- ⁷² **Дэвис Фрэнсис Джон** (1864–1948) — британский военный деятель, генерал, в годы Первой мировой войны командовал дивизией на Западном фронте. С 1916 по 1919 год — начальник секретариата военного министерства.

ГЛАВА V. КОШЕРНАЯ ПИЩА

⁷³ **Религиозные предписания** иудаизма требуют соблюдения особых законов при отборе и приготовлении пищи. Наиболее строго соблюдаются следующие правила: Мясо, которое можно употреблять в пищу, должно принадлежать только парнокопытным жвачным животным, например овце и корове. Кошерное мясо не должно содержать крови. Кошерные мясные продукты не должны содержать свинины, жил, жира, синтетических добавок, сои, ГМО. Разрешено есть виды рыб, имеющих чешую и плавники. Любые моллюски употреблять запрещается. Нельзя употреблять в пищу птицу в том случае, если птица хищная. Все другие виды птиц разрешены к употреблению. При приготовлении пищи нельзя смешивать мясные и молочные продукты.

⁷⁴ **Шаббат** (Суббота) — седьмой день еврейской недели, день отдыха.

⁷⁵ **Филистимляне** — в данном случае автор имеет в виду «нееврейское окружение».

⁷⁶ **Кьюбитт Бертрам** (1862–1942) — гражданский сотрудник Военного министерства Великобритании в период Первой мировой войны.

⁷⁷ **Алленби Эдмунд Генри** (1861–1936) — британский военный деятель. Командовал различными частями на Западном фронте. В июне 1917 г. в звании генерала был назначен командующим Египетским экспедиционным корпусом. В дальнейшем Э. Г. Алленби с 1919 по 1925 г. находился на Ближнем Востоке в качестве Верховного комиссара Египта и Судана, до получения этими странами независимости. Алленби ушел в отставку в 1925 г. С 1926 года и до конца жизни — ректор Эдинбургского университета.

ГЛАВА VI. ОТПРАВКА В ПАЛЕСТИНУ

⁷⁸ **Брукс Гораций** (1865–1936) — издатель, политический деятель. В 1918–1919 гг. был лордом-мэром Лондона.

⁷⁹ **Лондонский Сити** — административно-территориальное образование со статусом в центре Большого Лондона. Мировой финансовый центр. Согласно исторически сложившимся привилегиям, на его территории парады, шествия, демонстрации и даже приезд короля могут быть разрешены только лордом-мэром.

⁸⁰ **Степни** — микрорайон Ист-Энда.

⁸¹ **Ллойд Фрэнсис** (1853–1926) — британский военный деятель, генерал-лейтенант. С 1913 по 1919 г. — командующий лондонским военным округом. В период Первой мировой войны руководил противовоздушной обороной города.

⁸² **Лидли Дуглас** — капитан, адъютант Паттерсона, позднее начальник штаба т. н. колонны Паттерсона.

⁸³ **Рипли** — майор, заместитель Паттерсона в 38-м батальоне.

⁸⁴ **Холден Дэвис** — капитан медицинской службы в британской армии, участник формирования Еврейского легиона.

- ⁸⁵ **Фальк Лейб Айзек** (1889–1957) — родился в России, учился в нескольких иешивах Литвы, с 1911 г. жил в Великобритании. В 1915 году вступил в Еврейский Легион. Был раввином всех трех батальонов. В 1922 году переехал в Австралию, где служил раввином в синагоге Сиднея. Поддерживал сионистское движение, редактировал журнал *Australian Jewish Chronicle*. Мемуарист.
- ⁸⁶ **Таранто** — портовый город на берегу Тарентского залива (северная часть Ионического моря, на крайнем юге Италии), военно-морская база итальянского флота.
- ⁸⁷ **Фаэнца** — город в Италии в провинции Эмилия-Романия.
- ⁸⁸ **Скотт Морис Фицджеральд Харден** — полковник британской армии, начальник военного лагеря в период Первой мировой войны на территории Италии.
- ⁸⁹ **Уэйк** — капитан, ветеран британской армии, служил в лагерях подготовки воинского состава, расположенных в Италии.
- ⁹⁰ **Камино-аль-Тальяменто** — небольшой городок в Италии недалеко от Венеции.
- ⁹¹ **Пулиан** — офицер британской армии, в звании капитана служил в 38-м батальоне.

ГЛАВА VII. СНОВА В ЗЕМЛЕ ЕГИПЕТСКОЙ

- ⁹² **Де Менаше Розетта (Роза)** (1875–1949) — еврейский общественный деятель в Египте, жена барона **Феликса де Менаше** (1865–1943), банкира, одного из руководителей еврейской общины Египта и сионистского деятеля начала XX в.
- ⁹³ **Уингейт Фрэнсис Реджинальд** (1861–1953) — военный и государственный деятель. С 1899 по 1919 год — генерал-губернатор Англо-Египетского Судана, затем генерал-губернатор Египта. Сторонник проарабской ориентации.
- ⁹⁴ **Гатеньо Морис Самуил** (р. 1877) — предприниматель, еврейский общественный деятель в Египте.
- ⁹⁵ **Франко Мозес** (р. 1887) — еврейский общественный деятель, предприниматель в Египте.
- ⁹⁶ **Коэн Альфред** (р. 1881) — еврейский общественный деятель, предприниматель в Египте.
- ⁹⁷ **Больс (Бойлс) Луис-Жан** (1867–1930) — военный деятель, участник Первой мировой войны. С 1916 года — генерал-майор, начальник штаба Египетского экспедиционного корпуса. В 1919–1920 годах — Глава британской администрации в Палестине. Сторонник проарабской ориентации. После еврейского погрома в Иерусалиме 1920 г., явно с «подачи» «россиян» его стали называть «маленький Плеве», имея в виду бывшего министра внутренних дел России В. К. Плеве, которого обвиняли в организации в 1903 г. Кишиневского погрома.

- ⁹⁸ Имеется в виду библейское повествование о пребывании евреев в пленау в Египте.
- ⁹⁹ **Измаильян** — в данном случае, вероятно, имеются в виду некие безродные потомки библейского Измаила.
- ¹⁰⁰ **Королевство Хиджаз** — арабское государство на нынешней территории Саудовской Аравии, провозгласившее в 1916 г., при поддержке англичан, независимость от Османской империи и направившее для удара по турецкой армии вооруженные группы бедуинов. Спустя несколько лет, в 1925 г., было ликвидировано с помощью тех же англичан.
- ¹⁰¹ **Фейсал I ибн Хусейн** (1883—1933) — основатель и первый король современного Ирака, первый и последний король Сирии. В годы Первой мировой войны командовал арабскими частями в составе Экспедиционного корпуса генерала Алленби, воевавшего против турок.
- ¹⁰² **Абдалла I ибн Хусейн** (1882—1951) — первый король Иордании (1946—1951) и основатель иорданской династии Хашимитов. С 1921 года эмир Трансиордании. В 1909—1916 годах был депутатом турецкого парламента и его вице-председателем. Был связан с английскими властями в Египте. В 1916—1918 годах руководил арабскими частями, осаждавшими турецкие гарнизоны в Хиджазе. Был министром иностранных дел государства Хиджаз. В 1920 году провозглашен королем Ирака, однако через год был отстранен в пользу своего старшего брата Фейсала, перед этим изгнанного французами из Сирии. В 1921 году при помощи Англии стал эмиром Трансиордании, а после объявления ее независимости, с 25 мая 1946 г., — королем. Лига арабских государств поставила Абдаллу во главе армии, которая должна была помешать реализации плана раздела Палестины и создания государства Израиль, что планировалось осуществить после отмены британского мандата и вывода британских войск. В результате арабо-израильской войны 1948—1949 гг. к королевству отошли восточные районы Палестины. После аннексии Западного берега Иордана название королевства Трансиордания было изменено на королевство Иордания. Абдула ибн Хусейн был застрелен 20 июля 1951 г. членом палестинской террористической организации на пороге мечети Аль-Акса в арабской части Иерусалима.
- ¹⁰³ **Липси Самуил М.** — лейтенант 38-го батальона; происходил из еврейской религиозной семьи г. Глазго (Шотландия).
- ¹⁰⁴ **Ротшильд Джеймс Арманд де** (1878—1957) — представитель французской династии Ротшильдов, предприниматель и политический деятель, сторонник сионистского движения, участник Первой мировой войны. В начале войны воевал во Франции. С 1917 года в звании майора воевал в составе 39-го батальона в Эрец-Исраэль. Позднее, с 1929 по 1945 г., — член Британского Парламента от Либеральной партии.

ГЛАВА VIII. ПАСХА

- ¹⁰⁵ **Робертсон Эдвард Б.** — генерал Египетского экспедиционного корпуса.
- ¹⁰⁶ **Пресный хлеб (маца).** Главная заповедь праздника Песах/Пейсах — употреблять в пищу только пресный хлеб и не иметь в доме ничего квасного — как память об исходе евреев из Египта.
- ¹⁰⁷ **Глускин Зеев** (1859—1949) — предприниматель, общественный деятель, сторонник сионистского движения, один из создателей и руководителей винодельческой фирмы «Кармель».
- ¹⁰⁸ **Ришон ле-Цион** — одно из первых новых еврейских поселений в Эрец-Исраэль. Основано в 1882 г. сторонниками палестинофильского движения из России.
- ¹⁰⁹ **Кэмпбелл Уолтер** (1864—1936) — военный деятель, генерал-лейтенант, главный квартирмейстер британских вооруженных сил в Египте в 1916—1920 гг. С 1923 по 1927 год — главный квартирмейстер британских вооруженных сил.
- ¹¹⁰ **Принц Артур Коннаутский и Страханский** (1883—1938) — член британской королевской семьи и внук королевы Виктории. Являясь британским принцем, носил титул *Его Королевское высочество*. С 1920 по 1924 год был генерал-губернатором Южно-Африканского Союза.
- ¹¹¹ **Семья Ааронсонов** — поселенцы в Эрец-Исраэль, активные участники и создатели подпольной антитурецкой нелегальной организации «Нили» (*Нэцах Исраэль ло иешаккер* — «Вечность Израиля не обманет»): **Израиль Фишель Ааронсон** (1849—1939) — один из основателей в Эрец-Исраэль поселения Зихрон-Я'аков, отец руководителей тайной организации «Нили» — Ахарона, Александра и Сары. В Эрец-Исраэль обосновался с 1882 г., куда приехал из Румынии. **Ахарон Ааронсон** (1876—1919) — агроном, основатель «Нили». Во время Первой мировой войны Ахарон создал группу «Нили», вначале состоявшую только из членов его семьи и друзей. Члены группы собирали сведения о турецкой армии и пытались установить связь с английским штабом в Египте. В 1916 году Ахарон пробрался через Германию в Копенгаген, а оттуда выехал в Лондон. Он доставил английской контрразведке ценные сведения и разработал план постоянного сотрудничества между «Нили» и английским командованием в Египте. Информация, которую доставляли Ааронсоны и другие члены «Нили», оказала значительное влияние на планирование Палестинской кампании. Весной 1918 г. Ахарон Ааронсон вернулся в Эрец-Исраэль в качестве члена Сионистского комитета. Затем был членом сионистской делегации на Парижской мирной конференции и участвовал в составлении меморандума о границах Палестины. 15 мая 1919 года он погиб при перелете из Лондона в Париж. **Александр Ааронсон** (1888—1948) — один из основателей «Нили». В 1915 году пробрался в Египет, чтобы установить связь между

«Нили» и английским командованием. Оттуда поехал в США, где активно участвовал в агитационной кампании в поддержку Антанты. **Сара Ааронсон** (1890–1917) — член «Нили». После отъезда Ахарона руководила операциями группы и пересыпала информацию англичанам в Египет. Была арестована, подвергнута пыткам и 1 октября 1917 г., для того чтобы никого не выдать, покончила с собой.

¹¹² **Моисей** — Библейский персонаж, пророк, законодатель, один из основоположников иудаизма, возглавил Исход евреев из египетского плена.

ГЛАВА IX. ОТПРАВКА НА ФРОНТ

¹¹³ **Газа** — важный стратегический центр между Египтом и Израилем. Согласно Библии — столица филистимлян; исторически поочередно завоевывалась египтянами, греками, римлянами, арабами и турками. Одно время входила в состав древнееврейского государства. До 1967 года принадлежала Египту. В настоящее время формально считается частью Палестинской автономии. В Газе до 1929 г. находилась крупная еврейская община.

¹¹⁴ **Самсон** — библейский персонаж, предводитель иудеев в борьбе с филистимлянами (Книга Судей).

¹¹⁵ Согласно легенде, Самсон был окружен филистимлянами и заперт в Газе. Но он, сорвав городские ворота, унес их с собой и поставил на вершине горы напротив г. Хеврон.

¹¹⁶ **Филистия** — небольшой участок на юго-востоке побережья Средиземного моря (Ашдот, Ашкелон, Газа, Гат). В Библейские времена место поселения прибывших с островов Эгейского моря (XII в. до н. э.) греческих племен, известных в исторической традиции как «народы моря». На древнееврейском языке эти племена именовались «плиштим» (пелештим). Они были ассимилированы в период эллинизации в результате завоевания Александра Македонского. Позднее подавление римлянами восстания евреев в Иудее привело к тому, что римляне, желая уничтожить все следы пребывания евреев на этой земле, переименовали всю территорию Израиля и Иудеи в Филистию.

¹¹⁷ **Бер-Шева** — важный стратегический центр, позволяющий контролировать пути передвижения в сторону Египта, Средиземного и Красного морей. В Библии известен как центр колена Иуды. В ходе многочисленных войн неоднократно разрушался и восстанавливался. В начале XX в. был превращен турками в укрепленный пункт, контролирующий пустыню Негев. В настоящее время — научный и промышленный центр в Израиле.

¹¹⁸ **Дан** — район на берегу Средиземного моря недалеко от Яффы. В Библии — место проживания представителей колена Данова.

¹¹⁹ **Шефела** — западная часть территории колена Иуды, предгорье Иудейских гор.

- ¹²⁰ **Гора Гезер** — имеется в виду город, расположенный на одной из возвышенностей в предгорье Иудейских гор. Согласно Библии — место решающего сражения царя Давида (правил в 1005–965 гг. до н. э.) с филистимлянами.
- ¹²¹ **Эфраимские горы** — цепь гор (самая известная — гора Гаризим), идущая к равнине Сарон и к побережью Средиземного моря.
- ¹²² **Иудейские горы** — горы, расположенные от Иерусалима до Иудейской пустыни. Название получили от колена Иуды. Частью этих гор является гора Сион.
- ¹²³ **Средиземное море.**
- ¹²⁴ **Лод** — древний еврейский город, до римского завоевания — один из центров талмудизма. Согласно христианской традиции — место захоронения Георгия Победоносца.
- ¹²⁵ **Сарафанд** — поселок, расположенный к западу от Иерусалима. В 1920–1930-е годы крупная британская военная база.
- ¹²⁶ **Яффа (Яффо)** — один из древнейших портовых городов на Средиземном море. Крепость в Древнем Израиле. Место, куда в XIX–начале XX в. прибывали первые сторонники палестинофильского, а затем и сионистского движения из Европы и Америки. В настоящее время часть Тель-Авива.
- ¹²⁷ **Реховот** — сельскохозяйственное поселение в Эрец-Исраэль, основанное в 1890 г. евреями из Польши, сторонниками палестинофильского движения.
- ¹²⁸ **Хаим бен Симон (1869–1925)** — хахам-бashi Египта, глава еврейской (сепардской) общины Египта.
- ¹²⁹ **Эль-Кубаб** — поселок к западу от Иерусалима.
- ¹³⁰ **Бейт-Нуба** — деревня недалеко от г. Хеврон.
- ¹³¹ **Моррис Э. М.** — бригадный генерал.
- ¹³² **Видимо, Эль Харит** — в настоящее время деревня на территории Палестинской автономии.
- ¹³³ **Самария** — историческая область и город в Древнем Израиле. В настоящее время частично находится на территории Палестинской автономии.
- ¹³⁴ **Эмери У. Б.** — бригадный генерал; командовал 31-й пехотной бригадой на Палестинском фронте.
- ¹³⁵ **Наблус (Шхем)** — древнееврейский город, центр Самарии. В настоящее время находится на территории Палестинской автономии.
- ¹³⁶ **Самарийцы (самаритяне)** — небольшая этнорелигиозная группа, проживающая как в Израиле, так и на территории Палестинской автономии. В целом исповедует иудаизм, но в то же время имеет с ним ряд концептуальных различий. Согласно историческим преданиям — потомки насильно переселенных из Месопотамии в период Ассирийского завоевания представителей племени гутиев. По древнееврейской традиции — потомки колена Иосифа.

- ¹³⁷ С точки зрения очевидца и участника, наиболее полно военные операции еврейского легиона описаны в мемуарах В. (З.) Жаботинского «Слово о Полку (Повесть моих дней)» (Тель-Авив, 1985).
- ¹³⁸ **Стронг** — подполковник, командир гренадерского полка.
- ¹³⁹ **Сангар** — фортификационное укрепление, в основном в виде насыпи.
- ¹⁴⁰ **Абрахам Симон** (1890–?) — лейтенант 38-го батальона. Награжден Военным крестом.
- ¹⁴¹ **Энджел Дж.** — рядовой 38-го батальона. Награжден медалью «За воинскую службу».
- ¹⁴² **Браун Т. Б.** — капитан 38-го батальона. Награжден Военным крестом.
- ¹⁴³ **АНЗАК** (*Австралийский и Новозеландский армейский корпус*) — воинское формирование Австралии и Новой Зеландии, сформированное для участия в Первой мировой войне. АНЗАК активно участвовал в боях в Египте и в Галлиполи. Командиром корпуса был назначен Уильям Бидвуд. В начале 1916 г. АНЗАК был расформирован, а вместо него были созданы 1-й и 2-й корпус. До сих пор в Австралии и Новой Зеландии отмечается «День АНЗАК» как память о действиях этого подразделения в годы Первой и Второй мировых войн.

ГЛАВА X. НАБЛУССКИЙ ФРОНТ

- ¹⁴⁴ **Миньян** — кворум из десяти взрослых мужчин (старше 13 лет), необходимый для общественного богослужения и для ряда религиозных церемоний.
- ¹⁴⁵ **Еврейский университет в Иерусалиме** основан в 1925 г. Первый камень был заложен в 1918 г. на горе Скопус. Идея о его создании неоднократно высказывалась руководителями национального и сионистского движения.
- ¹⁴⁶ **Моавитские горы** — горная гряда, идущая вдоль Мертвого моря; названа по имени неоднократно упоминавшегося в Библии семитского племени моавитян, в дальнейшем ассимилированного евреями и окончательно исчезнувшего в период арабского завоевания.
- ¹⁴⁷ **Скопус** — гора на северо-востоке Иерусалима. Место расположения основного комплекса зданий Еврейского университета.
- ¹⁴⁸ **Баал (Баал)** — божество у западно-семитских племен, финикийцев и карфагенян. Культ этого божества противоречил установлениям иудаизма. В Древнем Израиле пророки Илия и Иеремия боролись с ним вплоть до полного физического уничтожения его поклонников (3-я Книга Царств. 19: 10; Иеремия. 19:13).
- ¹⁴⁹ **Сторрс Рональд Генри Амхерст** (1881–1955) — британский государственный деятель, дипломат, полковник. В 1917–1926 годах — первый губернатор Иерусалима, глава гражданской администрации как Иерусалима, так и Иудеи. Мемуарист (см.: *Storrs R. Orientations*).

London, 1939; The private letters and diaries of Sir R. Storrs. Cambridge, 1999).

¹⁵⁰ **Перси Уильям Роберт Уэсли** (1867–1937) — политический и государственный деятель, юрист, журналист, член Британского Парламента, с 1912 г. член Палаты Лордов, в 1918 г. помощник военного губернатора Иерусалима. Позднее в качестве министра входил в разные правительства. В 1936–1937 годах возглавлял Специальную правительственную комиссию по Палестине (Комиссия Пиля).

¹⁵¹ Действительно, Дж. Г. Паттерсон, несмотря на все свои заслуги и награды, как начал войну в звании подполковника, так в этом звании ее и закончил. Это, видимо, был уникальный случай в британской армии.

¹⁵² **Стенелюс** — лейтенант 38-го батальона.

¹⁵³ **Стерилитис** — лейтенант 38-го батальона.

¹⁵⁴ **Смайт** — лейтенант 38-го батальона.

¹⁵⁵ **Вечный жид** (Агасфер) — персонаж средневековых легенд, человек, осужденный Богом на вечные скитания. Одна из популярных фигур европейской литературы XIX в.

¹⁵⁶ **О'Хара Е. Р.** — подполковник, участник Галлиполийской операции. На палестинском фронте — главный квартирмейстер 10-й пехотной дивизии.

¹⁵⁷ **Мак-Кензи Ши Джон Стюард (Ши Джон)** (1869–1966) — военный деятель, в Палестинской кампании генерал-майор, командующий 60-й пехотной дивизией.

¹⁵⁸ Первые мемуарные книги Дж. Г. Паттерсона, посвященные его жизни и приключениям в Африке: «The Man-Eaters of Tsavo» и «In the Grip of the Nyika».

¹⁵⁹ **Иерихон** — согласно Библии — первый город, взятый Иисусом Навином после возвращения евреев из египетского пленения. В настоящее время — город на территории Палестинской автономии (Книга Навина. 6:14–16).

ГЛАВА XI. ПЕРЕХОД В ИОРДАНСКУЮ ДОЛИНУ

¹⁶⁰ **Рамаллах** (Рама; Рамалла) — древнееврейский город эпохи Судей (1-е Царство. 7:17). В настоящее время — столица Палестинской автономии.

¹⁶¹ **Четвуд Филипп Уолхаус** (1869–1950) — британский военачальник, фельдмаршал (1933). С началом Первой мировой войны был назначен командиром 5-й кавалерийской бригады, переброшен во Францию и воевал в составе британских экспедиционных сил. Участник сражений на Марне, Эне, второй битвы при Ипре. В 1915 году назначен командиром 2-й кавалерийской дивизии, которая была переброшена в Египет. Участвовал в основных операциях против турецких войск на Палестинском фронте: в трех сражениях при Газе,

Иерусалимской операции и в сражении при Мегиддо. В 1916 году командовал Пустынным конным корпусом, с 1917 г. — 20-м армейским корпусом. После выхода в отставку возглавил Британское королевское географическое общество.

^{161a} **Стена Плача** — часть древней стены вокруг западного склона Храмовой Горы в Старом городе Иерусалима, ограждавшей Второй Иерусалимский Храм до его разрушения римлянами в 70 г.

¹⁶² **Вифлеем (Бейт-Лехем)** — согласно Библии — место рождения царя Давида и место смерти Рахили (Книга Руфи. 1–4). Согласно христианской традиции — место рождения Иисуса.

¹⁶³ **Гробница Рахили** — место захоронения Рахили — согласно Библии — жены патриарха Иакова, матери Иосифа и Вениамина.

¹⁶⁴ **Иосафатова долина** — место битвы царя Иосафата с моавитянами (Книга Бытия. 14:17). «Долина, в которой Б-г будет судить».

¹⁶⁵ **Кедронская долина** — долина, отделяющая Храмовую гору от горы Елионской. Проходит к востоку от Старого города.

¹⁶⁶ **Мечеть Омара** — одна из главных мусульманских святынь. Построена в 1193 г. на Храмовой горе на месте разрушенного римлянами иудейского Храма и названа в честь халифа Омара.

¹⁶⁷ **Золотые ворота** — ворота в Старый город. Согласно Библии (Книга Пророка Иезекииля. 44: 1–3), «И сказал Господь: ворота эти будут затворены, не отварятся, и никакой человек не войдет ими. Ибо Господь Б-г Израилев вошел ими, и они будут затворены». Согласно легенде, через эти ворота должен войти в Иерусалим Мессия. Поэтому турецкий султан Сулейман Великолепный в 1541 г. приказал их замуровать.

¹⁶⁸ **Сион** — гора в пределах Иерусалима, на которой находилась крепость («город Давидов»). Место захоронения царя Давида. Символ сионистского движения.

¹⁶⁹ **Шовель (Шаувель) Генри Джордж (1865–1945)** — командующий Австралийской кавалерийской дивизией, затем т. н. Пустынным корпусом. Первый австралийский офицер, получивший звание генерал-лейтенанта Британских вооруженных сил (см.: *Hill A. J. Chauvel of the Light Horse. A Biography of General Sir Harry Chauvel*. Melbourne, 1978).

¹⁷⁰ **Иорданская долина** — долина, простирающаяся от озера Кинерет до Эйлатского залива (Красное море). По этой долине протекает река Иордан.

¹⁷¹ Вероятно, **Маале-Адумим** — поселение в Иудейской пустыне, известное еще с древнейших времен. Находится в 8 км от Иерусалима по дороге на Иерихон. Во все времена здесь находился укрепленный пункт, контролировавший дороги на Западный берег реки Иордан. В настоящее время — город в Израиле.

¹⁷² **Добрый самаритянин** — библейская притча, согласно которой

«ближним к Богу» оказывается тот, кто первым безвозмездно приходит на помощь пострадавшему.

¹⁷³ **Вади Кельт** — русло ручья в Иудейских горах, вокруг которого располагаются несколько православных монастырей, в том числе и монастырь Св. Георгия.

¹⁷⁴ **Илия** (ивр. Элияху) — библейский пророк в Израильском царстве, IX в. до н. э.

¹⁷⁵ **Цур-Орив** — (евр. скала Орива; скала Ворона) скала близ Иордана. Местность эта получила свое название от имени мадиамского вождя Орива, побежденного Гедеоном (Книга Судей. 7:20–25).

¹⁷⁶ **Галаад** — историческая область Древнего Израиля, находится на восточном берегу Иордана. По христианской традиции — место, где жили Иоанн Креститель и Иисус.

¹⁷⁷ **Козел Отпущения** — религиозный ритуал в иудаизме эпохи Первого храма: животное, которое, после символического возложения на него грехов всего народа, отпускали в пустыню. Обряд исполнялся в праздник *Йом Киппур*. Он символизирует очищение от всех грехов и уничтожение последствий всех дурных дел сынов Израиля в результате полного раскаяния. К рогам козла привязывали кусок красной шерсти, и когда животное выводили из ворот храмового двора, один из коэнов разрывал этот кусок шерсти пополам: одну половину вешал над воротами, а другую — снова привязывал к рогам козла. Если раскаяние народа было искренним и чисто-сердечным, то в тот момент, когда козла сбрасывали со скалы, кусок красной шерсти, повешенный над воротами, становился белым. Согласно Книге пророка Исаии, «если будут грехи ваши как пурпур, побелеют они как снег, а если будут ярко-красными, станут белыми, подобно шерсти».

¹⁷⁸ **Иисус Навин** — библейский персонаж, военачальник, преемник Моисея, руководитель завоевания Ханаана.

¹⁷⁹ **Ходжсон Генри Уэст** (1868–1930) — британский офицер, генерал-майор, командир австралийской конной дивизии.

¹⁸⁰ **Ауджа** — в настоящее время населенный пункт на Западном берегу реки Иордан, между Маале-Адумимом и Иерихоном.

¹⁸¹ **Гилгал** — в данном случае некогда укрепленное место на севере Иудейской пустыни, где евреи впервые остановились после перехода через Иордан по пути из Египта.

¹⁸² **Бакшиш** — в албанском, сербском, болгарском, румынском, македонском и турецком языках означает «взятку» в обычном европейском смысле.

¹⁸³ По библейскому преданию, разведчики, посланные Моисеем из Синайской пустыни в землю Ханаанскую, доложили ему о том, что «...пришли мы в землю, в которую ты послал нас... и течет она молоком и медом».

¹⁸⁴ Аналогия с королевой Великобритании Викторией.

¹⁸⁵ склона долины (хинди).

¹⁸⁶ **Олдершот** — город в Великобритании, в котором находилась крупнейшая в стране в начале XX в. военная база.

ГЛАВА XII. НАША ПОЗИЦИЯ НА МЕЛЛАХЕ

¹⁸⁷ **Уиган Джон Тайсон** — военный деятель, служил в АНЗАК в чине бригадного генерала, командовал 7-й конной бригадой.

¹⁸⁸ **Пустынный конный корпус** — кавалерийский корпус, воевавший на стороне Антанты в годы Первой мировой войны на Ближнем Востоке (Синай, Палестина) в 1917—1918 гг. Был сформирован в декабре 1916 г., командующим был назначен генерал Филипп Четвуд. Помимо кавалерийских частей поддержку корпусу осуществляли и пехотные части, прикрепленные к ней. В составе корпуса находились: Конная дивизия АНЗАК, Имперская конная дивизия, Имперская корпусная верблюжья бригада, 42, 52 и 53-я пехотные дивизии. В августе 1917 г. корпус после его реорганизации возглавил генерал Генри Шовел (см.: *Preston R. M. P. The Desert Mounted Corps: An Account of the Cavalry Operations in Palestine and Syria, 1917—1918. Charleston, 2009*).

¹⁸⁹ **Лод** — древнеизраильский город, некогда центр иудаизма и сопротивления Риму. Находится в 20 км от Тель-Авива.

¹⁹⁰ Позднее В. Жаботинский, находившийся в то время на этих позициях в звании лейтенанта, вспоминал: «Старшие офицеры у нас часто и озабоченно об этом шептались. Даже полковник, хотя и улыбаясь, сердито ворчал: «Худшее время года, самый опасный пункт на всем фронте, и пулеметы вместо пушек! Лестное доверие к еврейским батальонам...» (Жаботинский В. (З.). Слово о полку (Повесть моих дней). 1985. С. 243).

¹⁹¹ Большая, произведенная в Австро-Венгрии пушка, установленная на одном из хребтов горной цепи Галаад за Иорданом, которую англичане «ласково» называли Джерико-Джэн — **«Анюта иерихонская»**.

¹⁹² **Чейтор Эдвард** (1868—1939) — австралийский военный деятель, генерал-майор, участник англо-бурской и Первой мировой войн.

¹⁹³ **Урия Хеттейнин** — библейский персонаж, полководец царя Давида, муж Версавии. Желая его гибели, Давид приказал поставить Урию там, где будет «самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер» (2-я Книга Царств. 11:15).

ГЛАВА XIII. ЖИЗНЬ НА МЕЛЛАХЕ

¹⁹⁴ **Брукснер Михаэль Фредерик** (1882—1970) — австралийский военный и политический деятель. Участник операции в Галлиполи, затем командовал различными подразделениями в АНЗАК, в том числе в чине полковника был начальником штаба кавалерийской дивизии. После войны на протяжении многих лет — депутат Парламента Австралии; министр транспорта в 1932—1941 гг.

¹⁹⁵ **Нимрин (Кфар-Нимрин)** — населенный пункт, известный еще в Древнем Израиле. В настоящее время поселение в Израиле.

¹⁹⁶ **Рамот-Гилеад** — древнеизраильский город; в 9–8 вв. до н. э. место вооруженного соперничества между иудейскими царями. В настоящее время — поселение на Западном берегу Иордана.

¹⁹⁷ **Раббат-Аммон** — древний город, столица аммониан, одного из т. н. народов моря, населявших территорию Древнего Израиля. В настоящее время — Амман, столица Иорданского Хашимитского королевства, или Иордании.

¹⁹⁸ **Эванс** — лейтенант 38-го батальона.

¹⁹⁹ **Мендес Маурицио** — лейтенант 38-го батальона, выходец из богатой сефардской семьи.

ГЛАВА XIV. НАШИ ПЕРВЫЕ НАГРАДЫ

²⁰⁰ **Сапиешвили Иосиф** — грузинский еврей, рядовой 38-го батальона, первый солдат Еврейского легиона, награжденный медалью «За храбрость».

²⁰¹ **Гордон Йосель** (1893–?) — рядовой 38-го батальона. Родился в России, в период *Второй алии* (период 1904–1914 гг., за который в Палестине поселилось около 40 тысяч евреев из Восточной Европы) переехал в Эрец-Исраэль. Отъезд из Российской империи был вызван волной еврейских погромов на ее территории. Был членом партии «Поалей-Цион» (Рабочие Сиона).

²⁰² **Маркс Роберт** (1895–1918) — рядовой 38-го батальона. Похоронен в Иерусалиме на британском военном кладбище на горе Скопус.

²⁰³ **Грейман** — рядовой 38-го батальона.

²⁰⁴ **День Искупления** — Йом Киппур (Судный день) — один из важнейших религиозных праздников в иудейской традиции — День Искупления и Примирения. Этот день отличается особо строгим постом.

²⁰⁵ **Кокс Чарльз-Фредерик** (1863–1944) — австралийский военный и политический деятель, генерал, в Палестинской кампании командовал бригадой в составе Австралийского и Новозеландского корпуса, сенатор.

²⁰⁶ **Рири Гринвиль де Лаун** (1865–1937) — военный и политический деятель Австралии, командующий Австралийской кавалерийской дивизией в Палестинской кампании; позднее министр обороны Австралии и представитель в Лиге Наций.

²⁰⁷ **Мелдрам Уильям** (1865–1964) — новозеландский военный деятель, командующий новозеландской конной стрелковой бригадой в Палестинской кампании.

ГЛАВА XV. ЗАХВАТ БРОДА УМ-ЭШ-ШЕРТ

²⁰⁸ Согласно одной из версий, «Почтеннейший орден Бани» (англ. *The Most Honourable Order of the Bath*) — британский рыцарский орден, был основан Георгом I 18 мая 1725 г. Название происходит от древ-

него обряда, когда претендентов подвергали ночному бодрствованию с постом, молитвой и купанием накануне получения рыцарства (церемония прекратилась в 1815 г.). Другая версия связывает возникновение **Ордена Бани** (*Order of the Bath*) с именем Вильгельма I Завоевателя, царствовавшего в 1066–1087 гг., который, согласно легенде, отличал своих воинов в Нормандии и в Англии, посвящая их в рыцари.

²⁰⁹ **Кросс Гарольд Барнет** — лейтенант 38-го батальона. Участник боев на Западном фронте. В Ерейском легионе служил с октября 1917 г. Будучи раненым, попал в плен, но бежал и продолжил службу. После войны — банковский служащий в Лондоне.

²¹⁰ Обращаясь к бойцам Ерейского легиона, генерал Чейтор сказал: «Форсируя Иордан, Вы в немалой степени помогли достижению дальнейшей победы, одержанной в Дамаске».

²¹¹ **Эс-Сальт** — небольшой город в 20 км от Аммана. В настоящее время находится на территории Иордании.

ГЛАВА XVI. ПРОПАВШИЙ ОБОЗ

²¹² **Милдемер Самуил** (1889–1918) — рядовой 38-го батальона. Похоронен на британском военном кладбище в Иерусалиме на горе Скопус.

²¹³ **Эльфман М.** — капрал 38-го батальона. Награжден медалью «За воинскую службу».

²¹⁴ **Буллок А. Б.** — лейтенант 38-го батальона. Награжден Военным крестом.

²¹⁵ **Каннингем Гордон** — капитан 38-го батальона Ерейского легиона.

²¹⁶ **Смайл** — квартирмейстер 38-го батальона.

ГЛАВА XVII. ПЕРЕБРОСКА В РАМОТ-ГИЛЕАД

²¹⁷ **Браун Т. Б.** — капитан, начальник штаба 38-го батальона. Награжден Военным крестом.

²¹⁸ **Андерсон** — майор АНЗАК.

²¹⁹ **Камерон Джеймс** — лейтенант 39-го батальона. Награжден Военным крестом.

²²⁰ **Наблус** — библейский Шхем — город на Западном берегу Иордана, священный центр самаритян.

ГЛАВА XVIII. ПОБЕДНЫЙ ВЕНЕЦ

²²¹ **Иоав** — библейский персонаж, племянник царя Давида и его полководец. Отличился при взятии Иерусалима, после чего возглавил народное ополчение. Он успешно воевал против арамеев (сирийцев), аммонитян и адомитян. Иоав руководил осадой Раввы и овладел «водой города», подготовив тем самым завоевание города Давидом. Был убит по приказу царя Соломона.

²²² **Иезекииль** — один из великих Библейских пророков времен Вавилонского пленения.

²²³ **Черкесы** — общее название представителей северокавказских народов, переселившихся в ходе русско-турецких войн XIX в. на территорию Оттоманской империи. Значительная часть «чекесов» была расселена и на Ближнем Востоке и в настоящее время проживает в Израиле, Сирии и Иордании.

²²⁴ **Хермон** — самая высокая гора в Израиле (2814 м над уровнем моря), часть горного массива на границе между Ливаном, Сирией и Израилем.

²²⁵ **Гаарец** (ивр.) — земля (страна, родина).

ГЛАВА XIX. СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАЛЕСТИНЫ

²²⁶ **Ибрагим-паша** (1789–1848) — египетский военный и государственный деятель. На протяжении многих десятилетий вел, при поддержке Великобритании, в целом успешные войны с Турцией за гегемонию на Ближнем Востоке.

²²⁷ **Левант** — общее название стран восточной части Средиземноморья.

²²⁸ **Шарон** — часть Израильской прибрежной равнины на востоке Израиля.

²²⁹ **Акра** (соврем. Акко) — древнефиникийский, а затем древнееврейский город на севере Израиля, вблизи границы с Ливаном.

²³⁰ Также Изреэльская долина, Ездрелонская долина, долина Мегиддо.

²³¹ **Мером** (бibil. название; соврем. Бар-эль-Гуле) — глубокое болотистое озеро в северной части Иудеи, через которую протекает река Иордан.

²³² **Битва при Акре** (соврем. Акко) — неудачная попытка Наполеона в марте 1799 г. взять штурмом крепость Акра, ставшая одной из причин эвакуации его войск из Египта. По словам самого полководца, «если бы Акр был взят, французская армия кинулась бы на Дамаск и Алеппо и в одно мгновенье была бы на Евфрате... Шестьсот тысяч человек (христиан) присоединились бы к нам, и, как знать, что бы из этого вышло? Я дошел бы до Константинополя, до Индии; я изменил бы лицо мира!» (цит. по: Мережковский Д. С. Наполеон. М., 1993).

ГЛАВА XX. СКАНДАЛ С ИЕРУСАЛИМСКИМ ГОСПИТАЛЕМ

²³³ **Оппенгеймер** — медицинская сестра, возглавлявшая еврейский медперсонал в военном госпитале в Каире.

ГЛАВА XXI. ЖИЗНЬ В ЛОДЕ

²³⁴ **Ллойд Уильям** (1887–1918) — капрал 38-го батальона. Похоронен на британском военном кладбище в Иерусалиме на горе Скопус.

²³⁵ **Фергюсон Эустэк Уильям** (1884–1927) — врач, биолог, зоолог. В годы Первой мировой войны служил в австралийских подразделениях. В период Палестинской кампании возглавлял полевой госпиталь.

ГЛАВА XXII. В РАФЕ

²³⁶ **Рафа (Раффах)** — в настоящее время, поселение на севере сектора Газа на границе с Израилем.

²³⁷ **Сэндисон Дункан** — капитан 38-го батальона.

²³⁸ **Уоллас** — капитан медицинской службы. Служил в Каирском госпитале Насрия.

ГЛАВА XXIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ АНЗАКОВ

²³⁹ **Битва при Газе** (Битва при Бер-Шеве). Войдя в Палестину, англичане весной 1917 г. дважды пытались прорвать турецкий фронт под Газой, однако каждый раз им приходилось возвращаться на исходные позиции. После того как вторая битва за Газу в апреле 1917 г. окончилась полной неудачей, вместо генерала Арчибальда Мюррея, главнокомандующего британскими силами в Египте и Палестине, был назначен генерал Эдмунд Алленби. В течение летнего перерыва в кампании обе стороны значительно усилили свои войска в этом районе. К осени численность турецких войск составила около 45 000 человек, британских — около 90 000. В британскую группировку входили австралийские и новозеландские (АНЗАК), а также французские подразделения. Битва за Бер-Шеву была началом широкого британского наступления, вошедшего в историю как третья битва за Газу (октябрь–ноябрь 1917 г.). Его целью был прорыв турецкой линии обороны, протянувшейся от Газы на средиземноморском побережье на полсотни километров до Бер-Шевы, важного центра региона. В конце октября англичане перешли в наступление. Фронт был прорван, и турки были вынуждены отступать. Англичане продолжили наступление и заняли города Яффо (Яффу) (17 ноября), Иерусалим (9 декабря) и Иерихон (21 февраля 1918 г.) (см.: *Hughes M. Allenby and British strategy in the Middle East 1917–1919*. London, 1999).

²⁴⁰ **Кролл Гиффорд** — офицер медицинской службы в подразделениях АНЗАК.

²⁴¹ **Марквелл Уильям Эрнест** — офицер АНЗАК, участвовал в Галлиполийской операции, погиб в октябре 1917 г. в битве при Бер-Шеве.

²⁴² **Ньюкомб Стюарт Фрэнсис** (1878–1956) — военный деятель, полковник, участник англо-бурской войны; в Первой мировой войне участвовал в Галлиполийской операции и в битве за Газу.

ГЛАВА XXIV. ВЫДАЮЩИЙСЯ ДЕНЬ

- ²⁴³ **Флигельстон Теодор Хайнц** (р. 1895–?) — подполковник, командовал 39-м батальоном. Позднее участник Второй мировой войны в составе британской армии. За участие в Палестинской кампании был награжден «Военным крестом».
- ²⁴⁴ **Блум М.** — капрал 38-го батальона. Награжден медалью «За храбрость».
- ²⁴⁵ **Эльфман** — ефрейтор 38-го батальона. Награжден медалью «За храбрость».
- ²⁴⁶ **Робинсон Абрахам Яааков** (1899–?) — уроженец ЮАР, в британской армии служил с 15 лет, участвовал в боях на Западном фронте. В Еврейский легион перешел в 1917 г. Позднее служил в полиции ЮАР. Награжден медалью «За воинскую службу».
- ²⁴⁷ **Плант С. М.** — сержант 38-го батальона. Награжден медалью «За воинскую службу».
- ²⁴⁸ **Рузвельт Теодор** (1858–1919) — политический и государственный деятель. Президент США с 1901 по 1909 г. Лауреат Нобелевской премии мира за 1906 г.
- ²⁴⁹ **Рузвельт Квентин** (1897–1918) — младший сын Теодора Рузвельта. В 1916 году учился в Гарвардском университете. После вступления США в войну поступил на службу в авиацию. 10 июля 1918 года был сбит во Франции за линией фронта. Германская армия использовала гибель Квентина Рузвельта в пропагандистских целях; была выпущена открытка с фотографией самолета и мертвого пилота. Квентин Рузвельт был похоронен германской армией со всеми воинскими почестями.
- ²⁵⁰ **Дети Т. Рузвельта:** Теодор, Арчибальд, Кермит, Квентин.
- ²⁵¹ **Першинг Джон** (1860–1948) — военный деятель. В 1917 году командовал экспедиционными силами США во Франции, затем всеми американскими войсками в Европе. С 1921 года начальник Генерального штаба армии США. Мемуарист.
- ²⁵² **Битва в Аргонском лесу** — многодневные ожесточенные боевые действия войск Антанты во Франции в сентябре 1918 г., завершившиеся победой над германской армией.
- ²⁵³ **Моссери Жак** (1884–1934) — общественный деятель; выходец из известной банкирской сефардской семьи в Египте; секретарь Сионистской комиссии в Палестине в 1918 г.

ГЛАВА XXV. ЗАПРЕТ НА ВХОД В СВЯЩЕННЫЙ ГОРОД

- ²⁵⁴ **Эль-Ариш** — в настоящее время административный центр и крупный город провинции Северный Синай в Египте.
- ²⁵⁵ **Паркер** — полковник британской армии, комендант города Эль-Ариш на Синайском полуострове.
- ²⁵⁶ **Адриан** (76–138) — римский император с 117 г. Активный проводник антииудейской и антихристианской политики.

²⁵⁷ **Опресники** — пресный не квашеный хлеб, маца.

²⁵⁸ **Лазарус Марк** — лейтенант 40-го батальона.

²⁵⁹ **Агада** — религиозные тексты, которые читаются во время Седера — трапезы, проводимой в первую пасхальную ночь. Это в первую очередь повествование об Исходе евреев из Египта. Рассказ начинается с вопроса: «Чем отличается эта ночь от всех (остальных) ночей?» Ответом является текст Агады.

²⁶⁰ **Сионистская комиссия** — чрезвычайный орган, который возглавлял и координировал в 1918–1921 гг. деятельность сионистского движения в Эрец-Исраэль. Комиссия, образованная решением правительства Великобритании как «консультативный орган при британской администрации в Палестине по всем делам, касающимся евреев или могущим повлиять на создание национального очага для еврейского народа», должна была положить начало практическому осуществлению принципов, сформулированных в Декларации Бальфура. Предполагалось включить в Сионистскую комиссию представителей еврейства всех государств Антанты. В состав Сионистской комиссии вошли: от Великобритании — Х. Вейцман, председатель комиссии; И. М. Зиф, секретарь комиссии (позднее Ж. Моссери); М. Д. Идер (Эдер) (1865–1936); Дж. Коуэн (1868–1932); А. [Л.] Саймон (1881–1965); от Франции — президент Альянс Израилете С. Леви (1863–1935); от Италии — А. Леви-Бьянчини. Все они были назначены правительствами своих государств. В работе Сионистской комиссии участвовал также Дж. де Ротшильд, официально не состоявший членом Сионистской комиссии. От британского правительства к Сионистской комиссии был прикомандирован У. Ормсби-Гор. Сионистская комиссия фактически взяла на себя функции Палестинского бюро (основного представительного органа Всемирной Сионистской организации в Эрец-Исраэль). Сфера деятельности комиссии включала: поддержание контактов между ишувом и британскими военными властями; распределение материальной помощи евреям Эрец-Исраэль, поступавшей от американской благотворительной организации Джойнт; руководство восстановлением сельскохозяйственных поселений, заброшенных в годы Первой мировой войны, и строительством новых; воссоздание еврейских учреждений и ассоциаций, работа которых была прервана в результате военных действий; организацию возвращения в Эрец-Исраэль евреев, покинувших страну или высланных из нее турецкими властями. Обстановка, сложившаяся в Эрец-Исраэль весной и летом 1918 г., не благоприятствовала работе Сионистской комиссии. Северная часть страны оставалась под контролем турецких войск. Британская военная администрация, многие чиновники которой были настроены антисионистски, а в ряде случаев и антисемитски, стремилась ограничить полномочия членов комиссии, запрещала евреям приобретать землю, давала разрешения на въезд в страну

лишь тем, кто постоянно проживал в ней до 1914 г., и даже препятствовала опубликованию в Эрец-Исраэль текста Декларации Бальфура. В сентябре 1918 г., после отъезда Х. Вейцмана из Эрец-Исраэль, главой Сионистской комиссии стал М. Д. Идер (Эдер). По окончании Первой мировой войны, в конце 1918 — начале 1919 г., в Сионистскую комиссию вошли представители сионистских организаций России (среди них В. Жаботинский и М. Усыскин) и США. Прекращение боевых действий на Ближнем Востоке (октябрь 1918 г.), передача Лигой Наций Великобритании мандата на Палестину (апрель 1920 г.) и в особенности переход управления страной к гражданской администрации (май 1920 г.) способствовали активизации деятельности Сионистской комиссии. Она руководила приемом и устройством десятков тысяч репатриантов третьей алии, начавшейся в 1919 г., покупкой земельных участков, на которых затем создавались новые сельскохозяйственные поселения.

²⁶¹ **Бергер Софья** — сионистский деятель из США. В Эрец-Исраэль жила с 1917 г. Член Сионистской комиссии. В 1921—1928 годах возглавляла Сиротский комитет.

²⁶² **Седер** — центральное событие Песаха — пасхальный вечер. Проведение седера тщательно регламентировано и состоит из множества элементов. В эту ночь евреи должны прочитать пасхальную Агаду, где рассказывается об Исходе из Египта, и провести пасхальную трапезу в соответствии с традицией.

²⁶³ **Фриденвальд Гарри** (1864—?) — родился в США, врач, один из лидеров сионистского движения.

²⁶⁴ **Галут** (изгнание) — вынужденное пребывание еврейского народа вне Эрец-Исраэль. В галуте Песах традиционно, подчеркивая особое, не свободное положение народа, начинают отмечать на день позже.

ГЛАВА XXVI. ЧЕМПИОНАТ ПО БОКСУ

²⁶⁵ Возможно, автор имел в виду тот факт, что евреи Великобритании в начале XIX в. играли ведущую роль в развитии этого вида спорта.

²⁶⁶ **Гольдберг** — сержант 38-го батальона.

²⁶⁷ **Иды** (лат. *Idus*, от этруск. *iduare*, «делить») — в римском календаре так назывался день в середине месяца. **Мартовские иды** — 15 марта по римскому календарю, день убийства в 44 г. до н. э. Юлия Цезаря.

²⁶⁸ **Пейп** — капитан 38-го батальона.

²⁶⁹ **Чайков** — солдат 38-го батальона; скрипач, музыкальный деятель.

ГЛАВА XXVII. ЗАХВАТЫВАЮЩАЯ СНАЧКА

²⁷⁰ **Скотт Морис Фицджеральд** — командир 40-го батальона Ерейского легиона.

²⁷¹ **Эль-Кантара** — город в Египте на берегу Суэцкого канала — военная база, центр охраны Суэцкого канала.

²⁷² **Хоскин Артур Реджинальд** — генерал-майор, участник англо-бурской войны, командир 3-й (Лахорской) дивизии в Индийском корпусе в Палестинской кампании в 1917–1918 гг.

²⁷³ **Сагиб** — в данном случае — знатное лицо, европеец в странах Востока, в частности в Индии.

²⁷⁴ **Джессоп Уильям** — Генеральный секретарь Ассоциации молодых христиан в Египте в 1913–1921 гг.

²⁷⁵ **Уззиэль Бенцион Меир Хай** (1880–1953) — религиозный и общественный деятель. В 1911 году был назначен турецкими властями верховным сефардским раввином общины Яффы и ее окрестностей. Во время Первой мировой войны Уззиэль защищал перед турецкими властями многих представителей ишува, за что был выслан в Дамаск. Позднее ему было разрешено вернуться в Эрец-Исраэль, и он прибыл в Иерусалим незадолго до входа в город британских войск. В 1921 году Уззиэль был назначен на трехлетний срок главным раввином Салоник (Греция). С 1923 года — Главный сефардский раввин Тель-Авива. В 1939 году, после смерти Главного раввина Яакова Меира, он был назначен верховным сефардским раввином Эрец-Исраэль.

²⁷⁶ **Хаан Якоб Исраэль де** (1881–1924) — поэт, прозаик и журналист, общественный и политический деятель Эрец-Исраэль. Родился в Голландии в еврейской традиционной семье. Писал на голландском и английском языках. Был активным членом Социалистической партии Нидерландов. Его первые романы вызвали в обществе скандал («Трубопроводы» (1904) и «Патологии» (1906)), поскольку носили не только ярко эротический характер, но и имели явно гомосексуальный подтекст. Незадолго до начала Первой мировой войны Хаан вернулся к иудаизму и примкнул к религиозному крылу сионистского движения. С 1918 года жил в Эрец-Исраэль. Разочаровавшись в сионистских светских и религиозных руководителях ишува, присоединился к противникам политического сионизма из организации «Агудат Исраэль». Как противник создания еврейского государства, установил контакты с представителями арабского национального движения и антисионистскими кругами Великобритании и США. Он активно призывал британские власти и Лигу Наций воспрепятствовать еврейской иммиграции в Палестину. Политическая активность Хаана расценивалась сионистами как предательство. При этом в обществе активно дебатировались слухи о его гомосексуальных наклонностях, которым придавался и политический подтекст. 30 июня 1924 г. Хаан был убит в Иерусалиме. Убийство было организовано и осуществлено бойцами еврейского сопротивления («Хаганы») во главе с А. Техоми. Судьба Я. де Хаана послужила сюжетом для романа А. Цвейга «Де Фрингт возвращается домой».

²⁷⁷ **Яффе Бецалель** (1868–1925) — сионистский деятель в России и Эрец-Исраэль. Участник первых Сионистских конгрессов, на 8-м

(1907) был избран в Исполнительный комитет. С 1909 года жил в Эрец-Исраэль. В 1910 году возглавил общество «Геулла», скупавшее земли для евреев, прибывавших в страну. В годы Первой мировой войны боролся против турецких репрессий. В 1918 году организовал «временный комитет» ишува и объединил в единую общину евреев Яффы и Тель-Авива, которую возглавлял до конца жизни.

²⁷⁸ **Ахарони Исраэль** (1882–1946) — натуралист, зоолог. Эмигрировав из России, учился в Пражском университете. С 1904 года поселился в Эрец-Исраэль. Работал в Зоологическом музее и преподавал в Иерусалимском университете.

²⁷⁹ «**Праздник Кущей**» (Суккот) — один из основных религиозных еврейских праздников, отмечаемых осенью; начинается 15 числа месяца тишрей и продолжается семь дней. В это время, по традиции, следует выходить из дома и жить в сукке (шатре, куще), вспоминая о скитаниях евреев по Синайской пустыне.

ГЛАВА XXVIII. ДАМАСК

²⁸⁰ Имеется в виду Александрия, город, в котором жила **Гипатия Александрийская** (370?–415) — философ, математик, астроном.

²⁸¹ Возможно, в данном случае **Бутрос** — известная христианская (маронитская) семья в Ливане, давшая в XX в. стране нескольких кардиналов и патриархов.

²⁸² **Баальбек** — древний город в Ливане, некогда религиозный центр, где поклонялись Баалу и Дионису. Первые регулярные упоминания появились во времена завоевания Сирии Александром Македонским в 332 г. до н. э. В правление императора Октавиана Августа (27 г. до н. э. — 14 г. н. э.) превращен в римскую колонию; в I—III веках здесь было построено много римских храмов. В VII веке Баальбек захватили арабы. С XVI века известно о наличии здесь грандиозных руин, которые стали обязательным пунктом посещения европейскими путешественниками. Среди его главных достопримечательностей — Храм Юпитера, Храм Вакха, Храм Венеры.

²⁸³ **Архитráв**, или эпистелион (итал. *architrave*, от греч. ἀρχή, «архи», *над-*, главный и лат. *trabs* балка), — архитектурный термин.

²⁸⁴ **Антиливан** (от греч. — напротив Ливана) — горная цепь, протянувшаяся с юго-запада на северо-восток между Ливаном и Сирией. Современная граница Сирии и Ливана проходит в основном по верхней части горной цепи. Южная оконечность гор находится на территории Голанских высот. Горы простираются к востоку от хребта Ливан, который идет в параллельном направлении. К западу расположаются долина Бекаа (на севере) и долина реки Нахр-эль-Хасбани (на юге). На востоке, в Сирии, лежит Восточное плато, на котором расположился город Дамаск. Хребет Антиливан имеет протяженность около 150 км. На севере он простирается почти до широты сирийского города Хомс. На юге хребет врезается в Голанские высо-

ты. Высочайшая вершина — гора Хермон, высота 2814 метров. В настоящее время — курорт на территории Израиля.

²⁸⁵ **Нааман-сириец** — библейский персонаж, герой повествования об исцелении от проказы пророком Елисеем сирийского военачальника царя Венадада (4-я книга Царств. 5:27).

²⁸⁶ **Саладин** (Салах ад-Дин) (1137–1193) — государственный и военный деятель, происходил из знатной курдской семьи. Правитель (султан) Египта и Сирии. Победил крестоносцев в многолетней войне и овладел Палестиной, в том числе и Иерусалимом.

²⁸⁷ **Юсеф** — известная на Ближнем Востоке арабская семья, члены которой традиционно занимались медициной и политической деятельностью в XIX–XX вв.

²⁸⁸ **Исмаилиты** — в данном случае — сторонники одной из шиитских сект в исламе.

²⁸⁹ **Леви-Бьянчини Анджело** (1887–1920) — деятель сионистского движения, дипломат, офицер итальянского флота, участник Первой мировой войны. Был членом Сионистской (Палестинской) комиссии и участвовал в международной конференции в Сан-Ремо. Убит бедуинами на территории Трансиордании.

²⁹⁰ **Бетшан (Бейтшан, Бейт-Шан, Бейт-Сан)** — древнеизраильская крепость на севере Израиля.

²⁹¹ **Сисара** — библейский персонаж, военачальник Иавина, царя асортского. Потерпел поражение от войск под предводительством Варака и вдохновляемых Деворой.

²⁹² **Иавин Асорский (Явин)** — царь Ханаанский, преследовавший иудеев в эпоху Судей. Его войско, которым командовал Сисар, было разбито войсками Варака и Деворы (Деборы) (Книга Судей. 4:5).

²⁹³ **Девора (Дебора)** — героиня библейской книги Судей, четвертая по счету судья Израиля и пророк эпохи Судей (XII–XI в. до н. э.). Согласно Библии, Девора была женщиной, вдохновленной Богом: «Жила под Пальмою Девориною, между Рамою и Вефилем (Бет-Элем), на горе Ефремовой; и приходили к ней сыны Израилевы на суд» (Книга Судей. 4:5). В борьбе против ханаанейского царя Явина (Иавина), правившего в Хацоре (ок. 1200–1125 гг. до н. э.), объединив часть «колен израилевых» и поставив во главе своего войска полководца Варака (Барака), сама приняла участие в битве с войсками царя Явина, вблизи Мегиддо. У потока Кишон израильское ополчение встретилось с войском царя Явина, возглавляемым полководцем Сисерой. Ободренные счастливыми предсказаниями Деворы и ее личным присутствием на поле брани, израильтяне близ Мегиддо наголову разгромили Сисеру. В память об этой победе Дебора и Барак сложили благодарственный гимн Богу, известный под названием «Песнь Деворы» (Книга Судей. 5).

²⁹⁴ **Гедеон** — библейский персонаж, пятый по счету из судей израильских. В XI веке до н. э., в условиях религиозной и политической

раздробленности евреев, мадианитяне (мидианиты), амаликитяне и другие племена совершали набеги на израильскую территорию. «И весьма обнищал Израиль» (Книга Судей. 6:6). В борьбе с ними проявил себя военачальник Гедеон и его братья. После гибели братьев Гедеон с отрядом в 300 воинов сделал удачное ночное нападение на мадианитян, которых было, «как саранча и как песка на берегу моря». Гедеон приказал своим воинам, в руках которых были кувшины с зажженными светильниками, разбить кувшины, трубить в трубы и кричать: «Меч Господа и Гедеона!» В ночной суматохе противники израильян рубили друг друга и в беспорядке бежали за Иордан.

²⁹⁵ **Саул** — Царь Саул (2-я половина XI в. до н. э.) — библейский персонаж, первый царь Израиля (1029–1005 гг. до н. э.), создатель регулярной еврейской армии. В ветхозаветном повествовании — воплощение правителя, поставленного на царство по воле Бога, но ставшего Ему неугодным. Согласно Первой Книге Царств, он был выбран и помазан на царство пророком Самуилом. Будучи серьезно ранен и проигрывая битву с филистимлянами при горе Гельве (или гора Гельвайская), Саул покончил жизнь самоубийством.

²⁹⁶ **Ионафан** — библейский персонаж, старший сын царя Саула, друг и сторонник Давида в период его противостояния с Саулом (1-я Книга Царств. 13). Был убит вместе с отцом и братьями в гельвайской битве (на горе Гильбоа) с филистимлянами и оплакан Давидом: «Краса твоя, Израиль, поражена на высотах твоих! Как пали сильные! Горы Гельвайские! Да не сойдет ни роса, ни дождь на вас, и да не будет на вас полей с плодами; ибо там повержен щит сильных. Щит Саула».

²⁹⁷ **Тавор (Фавор)** — гора в Изреельской долине в Нижней Галилее, т. н. место Преображения — священное место для христиан. В древнееврейской истории — место многих битв.

²⁹⁸ **Назарет (Нацерет)** — древнееврейский город в Нижней Галилее. В христианской традиции — город, в котором прошли детство и юность Христа.

²⁹⁹ **Илия** — библейский персонаж, израильский пророк времен царя Ахава и его сына Ахазии (9 в. до н. э.). Согласно Библии, возглавил борьбу против идолопоклонства в лице насаждавшегося царским двором культа Ваала, за социальную справедливость и политическую независимость (1-я Книга Царств. 18:4, 13; 19:2).

³⁰⁰ **Абдул-Баха** (1844–1921) — религиозный деятель, один из основателей бахаизма (бехаизма), религии, возникшей в Иране на почве шиитского ислама во второй половине XIX в.

ГЛАВА XXX. ПАДЕНИЕ ГОЛИАФА

³⁰¹ **Биллингсгейт** — рыбный рынок в Лондоне.

ГЛАВА XXXI. ЖАЛОБЫ

³⁰² **Брандайс — Брандайз Луис Дембиц** (1856–1941) — американский юрист, первый еврей, ставший в 1916 г. членом Верховного суда США. Брандайз начал интересоваться еврейскими проблемами лишь за несколько лет до назначения в Верховный суд. В 1914 году, с начала Первой мировой войны, Брандайз стал председателем Временного комитета по общесионистским делам. Его связи с Вильсоном и с высшими представителями государственной администрации сыграли важную роль в поддержке США Декларации Бальфура и позднее британского мандата на Палестину. В 1919 году Брандайз посетил Эрец-Исраэль. Впоследствии он разработал ряд проектов по экономическому развитию ишува.

³⁰³ **Даунинг-стрит** — улица в Лондоне, на которой в доме № 10 находилась и находится по сей день резиденция британских премьер-министров.

ГЛАВА XXXII. ПУТЕШЕСТВИЕ К ГАЛИЛЕЙСКОМУ МОРЮ

³⁰⁴ Вероятно, период с 14 по 24 июля 1920 г., когда французская армия подавила восстание арабов под руководством Юсефа аль-Азмеха и Сирия стала Французской колонией.

^{304а} **Гадаринские свиньи** — евангельский сюжет, повествующий об исцелении Иисусом «бесноватых в Земле Гадаринской» путем переселения их душ в свиней, стадо которых паслось на берегу Тивериадского озера. После этого свиньи бросились в воду с высокого берега и утонули. Тема многократно использовалась в литературе, в том числе Ф. М. Достоевским в «Бесах».

³⁰⁵ Болотистое озеро, через которое протекает река Иордан.

³⁰⁶ **Капернаум** — древний город, располагавшийся на северо-западном побережье Тивериадского моря (сейчас — озеро Кинерет), в Галилее, в Израиле. Упоминается в Новом Завете как родной город апостолов Петра, Андрея, Иоанна и Иакова. Согласно Новому Завету, в этом городе Иисус Христос проповедовал в синагоге и совершал многочисленные чудеса.

³⁰⁷ **Вифсаида Галилейская** — город, расположенный к востоку от реки Иордан на северо-западе от Галилейского озера, около городов Капернаум и Хоразин (Мф. 11:21). Согласно евангельскому рассказу, Вифсаида Галилейская была родиной апостолов Андрея, Петра и Филиппа.

³⁰⁸ **Тверия (Тивериада)** — город на западном берегу Тивериадского озера в Галилее, на северо-востоке Израиля. Тверия входит в число четырех святых для евреев городов (*Иерусалим, Хеврон, Тверия и Цфат*). В нем находятся гробницы Рамбама (рабби Моше бен-Маймона — Маймонида), рабби Иоханана Бен-Закая и рабби Акивы. Свое название город получил от имени римского императора Тиберия. Согласно Иосифу Флавию, город построен в 17 г. н. э. Иродом

Антипой в честь императора Тиберия. После разрушения Иерусалима в 70 г. и особенно после основания на месте Иерусалима Элии Капитолины иерусалимские евреи переселились в этот город, ставший надолго центром еврейства.

³⁰⁹ **Ирод Антипа** (20 г. до н. э. — после 39 г. н. э.) — сын царя Ирода I и его жены, самаритянки Малтаки. После смерти Ирода I римский император Август утвердил Ирода Антипу правителем Галилеи и населенных евреями областей Заиорданья. Правил в течение более 40 лет (4 г. до н. э. — 39 г. н. э.). Ирод Антипа построил новую столицу по эллинистическому образцу, назвав ее Тверией в честь императора Тиберия. Брак Ирода Антипы с женой его брата Иродиадой, противоречивший еврейскому закону, вызвал недовольство в народе. Публично порицавший этот брак Иоанн Креститель был заключен в темницу, а затем казнен по настоянию Иродиады. При Калигуле в Риме усилилось влияние Агриппы I, врага Ирода Антипы. В 39 г. н. э. Ирод Антипа был отправлен в ссылку, а его владения присоединены к царству Агриппы I.

³¹⁰ **Апостол Петр** (умер около 67 г. в Риме) — согласно Новому Завету — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа. Родился в Вифсаиде в семье рыбака. Первоначальное имя Шимон (Симон). Согласно Евангелию, имя Петр (Камень) ему дал Иисус. Он был рыбаком, как и его брат Андрей. Встретив Петра и Андрея, Иисус сказал: «Идите за Мной, и Я вас сделаю ловцами человеков» (Мф. 4:19). На вопрос Иисуса ученикам, что они о нем думают, Петр сказал, что он есть «Христос, сын Бога живого». В ответ Иисус произнес: «Я говорю тебе: ты — Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного: и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах, и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» (Мф. 16:18–19).

³¹¹ **Францисканцы** — монахи католического нищенствующего ордена, основанного в Италии в 1207–1209 гг. Франциском Ассизским. Организация францисканцев выросла из религиозного братства (монархитов), созданного с целью проповеди в народе евангельских истин (бедность, аскетизм, любовь к ближнему и др.). Францисканцы, одетые в коричневую шерстяную туннику, перепоясанные веревкой, в сандалиях на босу ногу, странствовали по стране с проповедями. Активно занимались миссионерской деятельностью, в том числе и на Святой земле.

³¹² **Венделен** — вероятно, **Венделин Хинтеркойзен** — монах Францисканского ордена, архитектор ряда монастырей, в том числе участвовал в перестройке монастыря Бичевания в Иерусалиме.

³¹³ **Филиппо Джустини** (1852–1920) — кардинал. Секретарь Священной Конгрегации по делам епископов и монашествующих. Секретарь Священной Конгрегации Дисциплины Таинств. Префект Священной Конгрегации Дисциплины Таинств (1914–1920).

- ³¹⁴ **Мигдаль-ха-Эмек** — поселение, в настоящее время город, расположенный на севере Израиля, над Изреельской долиной, в 6 км к юго-западу от Назарета, на расстоянии 30 км от Хайфы, 40 км от Тверии, 10 км от Афулы и 110 км от Тель-Авива.
- ³¹⁵ **Мария Магдалина** — согласно христианской традиции, родилась в Мигдаль-Эль и была преданной последовательницей Иисуса Христа; христианская святая, которая, согласно евангельскому тексту, следовала за Христом, присутствовала при его Распятии и была свидетельницей его воскрешения.
- ³¹⁶ **Маймонид — Моше бен Маймон (Рамбам)** (1135 (1138)–1204) — выдающийся еврейский философ, талмудист, раввин, врач и разносторонний ученый, кодификатор. Один из самых ярких представителей культуры испано-арабского еврейства своего времени.
- ³¹⁷ **Меир** — один из крупнейших законоучителей середины II в. Ученик рабби Акивы, которым и был возведен в раввинский сан. Вследствие гонений на евреев со стороны императора Андриана Меир был вынужден бежать из Эрец-Исраэль. После возвращения стал одним из руководителей Синедриона в Уше. С именем Меира традиционно связывают известную гробницу Меира Чудотворца (Меир Ба‘ал ха-Нес) на берегу озера Кинерет. Гробница была хорошо известна в дiasпоре. Почти в каждом еврейском доме можно было найти «кружку Меира Ба‘ал ха-Неса», куда хозяйка дома опускала мелкую монету перед зажиганием субботних свечей. Поскольку народная молва приписывает усыпальнице чудотворную силу, распространился обычай жертвовать на ее содержание деньги, свечи и светильное масло.
- ³¹⁸ **Бен Акива — рабби Акива** (17–137) — выдающийся мудрец периода танаим, один из величайших законоучителей, талмудист, кодификатор, основоположник систематизации Устной Торы. Рабби Акива принимал активное участие в восстании Бар-Кохбы против императора Адриана. Был казнен римлянами, принял мучительную смерть. Похоронен в Тиверии (современная Тверия) на берегу озера Кинерет.
- ³¹⁹ **Иосиф** — библейский персонаж, сын Иакова и Рахили (Книга Бытия. 29:30–31; 30:22–24); отец Менаше и Эфраима, родоначальников двух колен Израилевых. Согласно Библии, 17-летний Иосиф, пасший, как и его братья, скот Иакова, вызвал их ненависть тем, что «доводил... худые слухи о них» до сведения отца. Братья решили убить его. Один из братьев, Реувен, втайне надеясь спасти Иосифа, предложил бросить его в находившуюся неподалеку яму. В итоге братья продали Иосифа в караван, направлявшийся в Египет за 20 мер серебра.
- ³²⁰ **Иоанн Креститель** (6–2 гг. до н. э. — ок. 30 г. н. э.) — согласно Евангелиям, ближайший предшественник Иисуса Христа, предсказавший пришествие Мессии; жил в пустыне аскетом, крестил в

водах Иордана Иисуса Христа; был обезглавлен из-за того, что обличал в своих проповедях методы правления и личную жизнь царя Ирода Антипы.

³²¹ Трумпельдор Иосиф (1880–1920) — общественный и политический деятель, активный участник сионистского движения в России. Во время русско-японской войны был тяжело ранен; фактически первый еврей, получивший офицерское звание в русской армии, оставаясь иудеем. В начале века присоединился к сионистскому движению, проповедовал идею создания в Эрец-Исраэль сельскохозяйственных коммун, основал для этого организацию «Гехалут». С 1912 года Трумпельдор жил в Эрец-Исраэль, где сначала работал на сельскохозяйственной ферме «Мигдал», а затем в кибуце «Дгания». Когда началась Первая мировая война, он, как русский подданный, был выслан в Египет. В Александрии, вместе с В. Жаботинским и Дж. Г. Паттерсоном, создал в составе британской армии из числа евреев, изгнанных турками, т. н. Отряд погонщиков мулов и принял участие в Галлиполийской операции. В июне 1917 г., после Февральской революции, вернулся в Россию; занимался активной сионистской деятельностью. В 1919 году Трумпельдор вернулся в Эрец-Исраэль, где организовывал охрану сельскохозяйственных еврейских поселений. Погиб в бою с арабами при защите поселения Тель-Хай (см. о нем: Иосиф Трумпельдор. Гехолут. Новый путь: Биография. Воспоминания. Статьи / Сост. и подг. текстов И. Легкодух и Д. Лосев; Коммент. И. Легкодух. Феодосия; М., 2012).

ГЛАВА XXXIII. СТРАННЫЕ МЕТОДЫ ЕГИПЕТСКОГО ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА

³²² Смэйтс Иен Христиан (1870–1950) — британский и южноафриканский военный и политический деятель, участник англо-бурской, Первой и Второй мировых войн, фельдмаршал. В годы англо-бурской войны командовал партизанскими отрядами буров. В 1917–1919 годах — член Военного кабинета Великобритании, командующий британскими войсками в Африке; дипломат, философ, один из создателей Лиги Наций, а позднее ООН. Неоднократно назначался премьер-министром Южно-Африканского Союза (см. о нем: *Hancock W. K. Smuts: The Sanguine Years, 1870–1919. Vol. 1–2: Fields of Force, 1919–1950. London, 1962–1968*).

³²³ Ошибка: В. Жаботинский был корреспондентом газеты «Русские ведомости».

³²⁴ Полное выражение: «Притесняя других, мудрый делается глупым, и подарки портят сердце» (Книга Екклесиаста. Гл. 7).

ГЛАВА XXXIV. ПЕРВЫЙ ИУДЕЙСКИЙ

³²⁵ Менора (букв. «светильник») — золотой семиствольный светильник, семисвечник, который, согласно Библии, находился в Скинии

Собрания во время скитания евреев по пустыне, а затем и в Иерусалимском храме, вплоть до разрушения Второго Храма. Является одним из древнейших символов иудаизма и еврейских религиозных атрибутов и наиболее распространенной национальной и религиозной еврейской эмблемой.

³²⁶ **Песнь Симеона Богоприимца** («Ныне отпущаешь...») — приводимые в Евангелии от Луки слова Симеона Богоприимца, которые он произнес в Иерусалимском Храме в день Сретения (Евангелие от Луки. 2:29–32). Песнь вошла в состав богослужебных песнопений христианских церквей.

ГЛАВА XXXV. ИЕРУСАЛИМСКИЙ ПОГРОМ

³²⁷ Характеристика антисемитских настроений в руководстве британской военной администрации, данная Дж. Г. Паттерсоном, во многом совпадает с точкой зрения В. Жаботинского, который, анализируя действия во время погрома в Иерусалиме главы военной администрации генерала Л. Бойлса, назвал его «уменьшенным Плеве», имея в виду министра внутренних дел России, одного из виновников еврейского погрома в Кишиневе в 1903 г. (см.: Жаботинский В. (З.) Слово о полку (Повесть моих дней). 1985. С. 278).

³²⁸ Вероятно, имеется в виду полковник **Габриэль Эдмунд Вивиан** (1875–1950). Позднее его, по настоянию Верховного комиссара Палестины Г. Сэмюэля, отзывали на родину.

³²⁹ **Гора Нево** (гора Моисея) — находится на северной оконечности Мертвого моря. Согласно Библии, с нее Б-г показал Моисею Землю Обетованную: «И взошел Моисей с равнин Моавитских на гору Нево, на вершину Фасги, что против Иерихона, и показал ему Господь всю землю Галаад до самого Дана» (Второзаконие. 34:1).

³³⁰ **Неби Муса** (араб.) — могила пророка Моисея, одинаково почитаема как в иудейской, так и в исламской традиции. Находится в Иудейской пустыне, недалеко от Иерусалима.

³³¹ **Свиrepый гунн** — в данном случае собирательный образ варваров. Первоначально «Свиrepый гунн» — Аттила, вождь племенного союза, воевавшего с Римом. Образ «свиrepого гунна» вошел в мировую, в том числе русскую, литературу (А. Блок; Н. Гумилев).

³³² См.об этом: Жаботинский В. За сутки. Гл. из кн. «Крепость в Акко» // В. Жаботинский. Избранное. Тель-Авив, 1990. С. 328–334; Кац З. Одинокий волк. Т. 1. Иерусалим, 2006.

³³³ **Черчиль Уинстон** (1874–1965) — британский политический и государственный деятель. В 1918 году — военный министр. В период между двумя мировыми войнами, исходя из интересов Великобритании, не был сторонником усиления еврейского присутствия в Эрец-Исраэль. В 1922 году, находясь на посту министра колоний, издал «Белую книгу», в которой декларировалось резкое ограничение еврейской эмиграции в Эрец-Исраэль. Мемуарист.

ГЛАВА XXXVI. РАССВЕТ

³³⁴ Конференция в Сан-Ремо в 1920 г. — заседание Верховного совета держав Антанты, состоявшееся 19–26 апреля 1920 г. в г. Сан-Ремо (Италия). В ней участвовали премьер-министры Англии (Д. Ллойд Джордж), Франции (А. Мильеран), Италии (Ф. Нитти). От Японии был посол Кейсиро Мацуи. Представитель США прибыл на конференцию в качестве наблюдателя. На конференции, среди прочих, были рассмотрены вопросы о мирном договоре с Турцией и о распределении мандатов Лиги Наций на территории, заселенные арабами. По результатам переговоров Великобритания получила мандат на Палестину и Ирак, а Франция — на Сирию, включая современный Ливан.

³³⁵ Ротшильд Эдмон де (1845–1934) — барон, финансист, общественный деятель, филантроп, представитель французской ветви рода Ротшильдов, организатор еврейского поселенческого движения в Палестине в конце XIX — начале XX в. В 1882 году Эдмон де Ротшильд начал выкупать участки земли в Палестине и наряду с этим стал активно поддерживать там еврейское поселенческое движение. Ротшильд осуществлял прямое руководство этой деятельностью в качестве президента специально созданного при Еврейском колонизационном обществе Палестинского совета. С представителями руководства сионистского движения Ротшильд начал сотрудничать в 1913 г. Тогда же он впервые встретился с лидером сионистского движения Хаимом Вейцманом и поддержал его план основания в Иерусалиме Еврейского университета. В декабре 1914 г. на новой встрече с Х. Вейцманом он открыто присоединился к борьбе за создание в Эрец-Исраэль еврейского государства. Похоронен в Израиле.

³³⁶ Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) — британский государственный и политический деятель. Член палаты общин (1890–1945). Премьер-министр Великобритании (1916–1922). Ллойд Джордж поддерживал идею создания Еврейского национального очага в Эрец-Исраэль и обнародования Декларации Бальфура. В апреле 1920 г. на конференции в Сан-Ремо добился успеха британской дипломатии, в том числе и в вопросе о мандате на Палестину. Мемуарист (см.: *Ллойд Джордж Д. Военные мемуары: В 6 т. М., 1934–1937; Виноградов К. Б. Ллойд Джордж. М., 1970*).

³³⁷ Полностью: «Ибо на мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется плач, а на утро радость» (Псалом 29:6).

ПРИЛОЖЕНИЕ I

НАГРАДНОЙ СПИСОК

Орден «За боевые заслуги»
Боевой крест
Боевой крест с нашивкой
Боевой крест
Боевой крест с нашивкой
Боевой крест с нашивкой
Медаль «За безупречную службу»
Боевая медаль
« «
« «
« «
« «
« «
« «
Отмечен за доблесть

« «
« «
« «
« «
« «
« «
« «
« «
« «
« «

майор Э. Нил
капитан Д. Лидли
капитан Т. Браун
мл. лейтенант Т. Флигельстон
мл. лейтенант Дж. Кэмерон
мл. лейтенант Э. Буллок
капрал С. Плант
капрал М. Блум
ст. капрал М. Эльфман
 рядовой И. Сапиешвили
 рядовой Д. Гордон
 рядовой Д. Энджел
 рядовой Э. Робинсон
майор Р. Рипли
капитан Д. Каннингем
лейтенант Саймон Абрахамс
ст. сержант П. Тенненс (погиб)
ст. сержант Ч. Блэк
капрал У. Бенджамин
 рядовой Д. Блюменталь
 рядовой Н. Карштадт

СПИСОК ПОТЕРЬ

38-ГО БАТАЛЬОНА КОРОЛЕВСКИХ СТРЕЛКОВ

Убиты

лейтенант Б. Вольф
сержант Б. Леви
сержант Ч. Леви

рядовой С. Милдемер
 рядовой С. Грейман
 рядовой Р. Маркс

Скончались от ран и болезней

ст. сержант П. Тенненс
ст. капрал А. Ллойд

рядовой М. Диц
 рядовой У. Вайнберг

ст. капрал Х. Стронг
 рядовой Б. Брик
 рядовой Ч. Серембер
 рядовой Д. Редлих
 рядовой С. Харт
 рядовой Л. Блэк
 рядовой Я. Голдрих
 рядовой Д. Малкин
 рядовой П. Соборинский
 рядовой С. Абрахамсон
 рядовой С. Розенберг

рядовой Д. Берман
 рядовой Н. Фримен
 рядовой Х. Кантер
 рядовой Д. Леви
 рядовой Н. Алик
 рядовой М. Биншток
 рядовой М. Блументаль
 рядовой Л. Аллоновиц
 рядовой М. Фрейнер
 рядовой М. Галинский
 рядовой Д. Шафт

Ранены

капитан мед. службы А. Джкулиан
лейтенант Х. Кросс

рядовой А. Робинсон,
 рядовой П. Лефкович

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Комитет содействия благосостоянию 38–42-го батальонов королевских стрелков, известных также как Еврейский полк, или «Иудеи»

Гражданский исполнительный комитет

Достопочтенный лорд Ротшильд, президент

Г-н Ланда, секретарь	Д. Эттингер, эск.[вайер]
Г-жа Д. Херц	Леопольд Франк, эск.
Г-жа В. Вейцман	Л. Гринберг, эск.
Д. Кили, эск., член парламента	М. Кайе, эск.
Сэр Адольф Так, баронет	доктор Гудман Леви
Э. Адлер, эск.	Лайонел Уолфорд, эск.
Джозеф Коэн, эск.	Генри Вольф, эск.
Доктор М. Эдер	

Почетные члены

Подполковник Дж. Паттерсон, кавалер ордена «За боевые заслуги»
Подполковник Ф. Сэмюэл, кавалер ордена «За боевые заслуги»
Подполковник Э. Марголин, кавалер ордена «За боевые заслуги»
Майор У. Шонфилд
Майор С. Липсон, канадские войска
Лейтенант У. Лангхорн
Лейтенант В. Жаботинский
Лейтенант С. Липси
Сержант Джозеф Коэн

Комитет содействия благосостоянию

Г-жа Д. Герц, председатель

Г-н Генри Вольф, почетный секретарь

Г-жа М. Эпштейн, председатель Комитета по благосостоянию

Г-жа Пол Гудмен, председатель Комитета по питанию

М. Ланда, эск., председатель Комитета по литературе

Г-жа Э. Роусон, председатель Комитета помощи семьям

Г-жа Генри Вольф, председатель Комитета гостеприимства

Г-жа Франческа Вульф, председатель Комитета развлечений

М. Уоллах, эск.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Ааронсон Александр 70, 218–219
Ааронсон Ахарон 70, 218–219
Ааронсон Израиль Фишель 218–219
Ааронсон Сара 70, 218–219
Абдалла ибн Хусейн 217
Абдул Баха (Сейид Али Мухаммад Ширази) 168, 236
Абрахам Симон 75–76, 221, 243–244
Авраам 38, 146
Адриан 230
Александер Давид 15
Александр Македонский 127
Алик Н. 244
Алленби Эдмунд Генри 20–22, 53, 63–64, 68, 73, 80, 83–84, 86, 106–107, 109–110, 130, 141, 145, 149, 189, 205, 215
Аллоновиц Л. 244
Амфитеатров А.В. 12
Андерсон 118, 227
Андрин 154
Антиох Эпифан 80, 206
Артаксеркс 38
Астор Нэнси 49, 214
Ахад Гаам (Гинцберг Ашер Гирц) 13
Ахарони Исраэль 161–162, 234
- Бадо Аркадий 24
Бакстон 92
Бальфур Артур Джеймс 14, 17, 21, 34–35, 39, 70, 141, 176, 180, 203, 206, 210
Бар-Закай Б. 24
Бар-Кохба Шимон 18, 30, 44, 206
Бейлис Менахем Мендль 18
Бен Акива (рабби Акива) 184, 239
Бен-Гурион Давид 21
Бенджамин У. 243
- Бендов (Бен-Дов) Яааков 29, 205
Бен-Цви Ицхок 21
Бергер Софья 154, 232
Берман Д. 244
Биншток М. 244
Благовещенская М.П. 12
Блум М. 147, 230, 243
Блументаль М. 243
Блэк Л. 244
Блэк Ч. 243
Блюменталь Д. 244
Больс Луис Жан 22, 63, 106, 136, 142, 172, 216
Брандайз Луис Дембиц 180, 237
Браун Т.Б. 75–76, 117, 147, 221, 227, 243
Брик Б. 244
Бродбент И.Н. 143
Брукс Гораций 215
Брукснер Михаэль Фредерик 99, 118, 225
Буллок Э. 114, 135, 147, 227, 243
Бурак 157
Бутрос 164
Бьянчини (Леви-Бьянчини) Анджело 166, 231, 235
Бялик Хаим Нахман 48, 213
- Вайнберг У. 243
Вандик Эдвард 49, 213
Вахтина Полина 24
Вейцман Вера 245
Вейцман Хаим 9–10, 12–15, 30, 36–37, 40–42, 44, 65, 70, 78–79, 141, 192, 197, 208
Венделин Хинтеркайзен 182, 238
Вивиан Габриэль Эдмунд 241

* При составлении Указателя имен я стремился привести по возможности более полные персональные данные упомянутых в нем лиц. — *В. Кельнер*

- Витербо (Хопкин) 61
 Вольф Бернард 47, 78, 213
 Вольф Г. 245
 Вольф Люсъен 15
 Воробьёва-Сорока М. 24
 Вульф Ф. 245
- Галинский М. 244
 Гамалиил 31, 206
 Гамильтон Йен 30, 205
 Гапон Григорий 13
 Гатеню Морис Самуил 61, 216
 Гедеон 167, 235
 ГеоргV (король) 38
 Герц Д. 245
 Герцель Теодор 14, 108
 Гиппратия Александрийская 164
 Гланц М. 24
 Гликин 184
 Глускин Зеев 68, 161, 218
 Голдрих Я. 244
 Гольдберг 156, 232
 Гольдфарб 157
 Гончарок Михаил 24
 Гордон Йосель 104, 107, 226
 Грейман 104–105, 226
 Гринберг Леопольд Яаков 36, 44, 211, 245
 Гроссман 182
 Гроссман Меир 209
 Грэм 50, 214
 Гудман П. 245
 Гур М. 24
- Девора (Дебора) 167, 235
 Дейлпимпел Ф. 133
 Дерби Эдвард Георг 39, 41, 44, 187, 194, 212
 Джессоп Уильям 161, 233
 Джулиан А.В. 60, 112–114, 244
 Джустини Филиппо 184, 238
 Диц М. 243
 Дэвис Фрэнсис Джон 50, 214
 Дэвис Холден 29, 56, 129–130, 215
- Жаботинский Владимир (Зеев) 9–16, 18, 21–22, 24, 32–33, 36, 40, 44, 48, 54, 58, 112–113, 154, 172, 187–190, 192, 198, 201–202, 206, 209
- Зиф И.М. 231
- Иавин Ассорский 167, 235
 Иаков 184
 Ибрагим-паша 126, 228
 Иванов Александр 24
 Иезекиэль 122
 Иеремия 35
 Иисус Навин 90–92, 112, 151, 224
 Илия 89, 167, 236
 Иоав 122, 227
 Иоанн Креститель 185, 239
 Ионафан 167, 236
 Иосиф 63, 184, 239
 Ирод Антипа 182, 185, 238
 Иродиада 185
 Иуда Маккавей 30, 44, 206
- Камерон Джеймс 120, 147, 227, 243
 Каннингем Гордон 114, 227, 243
 Кантер Х. 244
 Каплан Вера 24
 Карштадт Н. 243
 Кацнельсон Берл 21
 Кили Джеймс Даниэль 44, 55, 212, 245
 Кинг 50, 214
 КирII Великий 34, 210
 Кокс Чарльз Фредерик 105, 226
 Коннаутский Артур (принц Коннаутский и Страханский) 68, 218
 Коэн 157
 Коэн Альфред 61, 216
 Коэн Джозеф 32, 36, 43–44, 55, 70, 209, 231
 Кролл Гиффорд 145, 229
 Кросс Гарольд Барнет 111–114, 138, 207, 244
 Кук (мед. сестра) 28, 182
 Кук Абрахам-Ицхак 48, 213
 Кьюбитт Бертрам 52, 215
 Кэмпбелл Уолтер 68, 218
- Лазарус Марк 154, 231
 Лангхорн У. 245

- Ланда Меир Джек 36, 44, 211, 245
 Леви Д. 103, 244
 Леви С. 231
 Леви см. Бьянчини
 Леви Ч. 245
 Лефкович П. 244
 Лидли Дуглас 55, 117, 135, 140, 147, 215, 243
 Липси Самуил М. 65–66, 159, 217
 Липсон Соломон 36, 211
 Литвинов Максим 15
 Ллойд Джордж Дэвид 13–14, 17, 19, 70, 203, 206, 242
 Ллойд Уильям 135, 228
 Ллойд Фрэнсис 55, 215
 Локшин Александр 25
 Лоув Гарри 121
 Лоуренс Т.Э. (Лоуренс-Аравийский) 19
- Маймонид см. также Моше бен Маймон (Рамбам) 184, 239
 Майский Иван 15
 Мак-Кензи Ши Джон Стюард см. также Ши Джон 83–84, 169, 222
 Мак-Магон Г. 19
 Мак-Миллан Арнольд 24
 Мак-Миллан Светлана 24
 Макреди Невилл 30, 51–54, 130, 133, 205
 Максвелл Дж. 11
 Малкин Д. 244
 Марголин Элиазер 18, 40, 70–71, 118–119, 136, 214
 Мария Магдалина 184, 239
 Мардермот Дж. Р. 47, 56, 213
 Марквелл Уильям Эрнст 229
 Маркс Роберт 104, 226, 243
 Массов Александр 24
 Меир Яаков 184–185, 239
 Мелдрам Уильям 105, 226
 Менаше Розетта де 60, 216
 Менаше Феликс де 216
 Мендес Маурицио 103, 226
 Милдемер Самуил 113–114, 227, 243
 Мильеран Александр 242
 Моисей 70, 198, 219
 Монтерио Эдвин 15, 52
- Монтефиоре Клод 15
 Моррис Э.М. 73, 220
 Моссери Жак 151, 230
 Моше бен Маймон (Рамбам) 184
 Муравская Николь 7
 Мюррей Арчибалд 19, 205
- Нааман сириец 165, 235
 Набоков Константин 18
 Наполеон Бонапарт 127
 Натанс Бенджамин 24
 Нельсон Горацио 127
 Нетаньягу Бенцион 24
 Нетаньягу Биньямин 24
 Нетаньягу Йонатан 24
 Нил Джеральд 47, 81, 97, 112, 116–117, 120, 123, 147, 213
 Нил Э. 74, 243
 Нитти Франческо Саверио 242
 Новикова Ольга 24
 Ноулс Роберт 49–50, 213
 Ньюкомб Стюарт Фрэнсис 146, 229
- О'Хара Е.П. 82, 222
 Оклэнд Кэмпбелл Геддес 38, 211
 Омар 88
 Оппенгеймер 228
 Орив 89
 Ормсби-Гор Георг 36, 211
- Пальмерстон Г.Дж.Т. 21
 Паркер 153, 230
 Паттерсон Джон Генри 7, 11–12, 15–16, 18, 20–24, 63, 71, 106, 132, 134, 147, 150–151, 154, 172, 178
 Пейп 158, 232
 Перси Уильям Роберт Уэсли 80, 222
 Першинг Джон 150, 230
 Петр 182, 238
 Петров А.М. 10
 Плант С.М. 147, 230, 243
 Плеве В.К. 216
 Потт 162
 Поунал Ассхетон 45, 213
 Примроуз Нил (Нейл) Джеймс 36–37, 210
 Пулиан 58, 216

- Рабин Ицхак 24
 Рахиль 87
 Редлих Д. 244
 Риппли 56, 97, 102, 113–116, 215, 243
 Рири Гринвиль де Лаун 105, 226
 Робертсон У. 19
 Робертсон Эдвард Б. 67, 71, 217, 243
 Робинсон Авраам Яаков 147, 230, 244
 Розенберг С. 244
 Ротшильд Джеймс де 36, 65–66, 73, 159, 217
 Ротшильд Лайонел Уолтер де 17, 34, 36, 38–39, 210
 Ротшильд Эдмон де 203, 242
 Роусон Э. 245
 Рузвельт Арчибалд 150, 230
 Рузвельт Квентин 150, 230
 Рузвельт Кермит 150, 230
 Рузвельт Теодор 149, 230
 Рутенберг Пинхас 13
 Руфф 87
- Савл (Саул) 167, 236
 Сайкс Марк 36, 50, 211
 Саймон А. 231
 Саладин 165, 235
 Саламан Рэдклифф 36, 44, 46, 49, 56, 70, 119, 130, 135–136, 142, 211
 Самсон 72, 219
 Сапиешвили Иосиф 104, 107, 226, 243
 Серембер Ч. 244
 Сибаг-Монтефиори Эдмонд 36, 211
 Симеон (Хаим Бен Симон) 73, 220
 Сисара 167, 235
 Скотт Морис Фицджеральд 159, 216, 232
 Смайт 82, 114–115, 222, 227
 Смэлтс Иен Христиан 187, 240
 Соборинский П. 244
 Соколов Нахум 32, 209
 Соколова Алла 24
 Станислаус Эдвард 205
 Стенелюс 81, 222
 Стерилитис 81, 222
 Сторрс Рональд Генри Амхерст 21, 80, 221
 Стритец П. 11
- Стронг Х. 74, 221, 244
 Сэмюэль Герберт 14, 31, 203, 206
 Сэмюэль Фредерик Дадли 18, 49, 159, 214
 Сэндисон Дункан 140, 229
- Танкинов 157
 Тенненс П. 243
 Техоми А. 233
 Трумпельдор Иосиф 10–11, 40, 185, 240
- Уззиэль Бенцион Меир Хай 161, 233
 Уиган Джон Тайсон 94, 225
 Уингейт Фрэнсис Реджинальд 61, 216
 Уоллас 142, 229
 Уоллах М. 245
 Уолфорд Лайонел Дэвид 45, 213
 Урий Хеттейнин 98, 100, 225
 Усышкин Менахем 232
 Уэйк 58, 216
- Фальк Лейб Айзек 29, 56, 58, 79, 90, 154, 216
 Федченко Валентина 24
 Фейсал I ибн Хусейн 19, 65, 205, 217
 Фергюсон Эустэк Уильям 136, 229
 Флигельстон Теодор Хайнц 147, 230, 243
 Франк Леопольд 45, 213, 245
 Франк Э. 245
 Франко Мозес 61, 216
 Франкс 157
 Фредман Мейер 55, 213
 Фрейнер М. 244
 Фриденвальд Гарри 155, 232
 Фримен Н. 244
- Хаан Яacob Исаэль де 161, 233
 Хазан Владимир 24
 Харден Скотт 57
 Харрис Г. 113, 117, 120, 129
 Харт С. 244
 Хатчинсон Э.Р. 36, 50, 53, 210
 Хемингуэй Эрнест 12
 Ходжсон Генри Уэст 90, 92, 97, 224
 Хоровец Брайен 24

- Хоскин Артур Реджинальд 160–161, 169, 233
Хусейн (Абдала I ибн Хусейн) 19, 65
- Чайков 158, 232
Чаплин Чарли 101
Чаувел Генри Джордж 205
Чейтор Эдвард 97, 99, 104, 106, 109–110, 112, 117–119, 121, 123, 131, 133, 135, 144–145, 147, 151, 205, 225
Чемберлен Дж. 14
Черчилль Уинстон 202, 241
Четвуд Филипп Уолхаус 87, 222
Чичерин Георгий 15
Чуковский К.И. 12
- Шафт Д. 244
Шенфилд У. 49, 214
Ши Джон см. также Мак-Кензи Ши
Джон Стюард 83–84, 169, 222
Ширбан Н. 24
Шовель (Шауфель) Генри Джордж 88, 97, 223
- Эванс 102–103, 226
Эдер (Идер) Давид Монтэгю 36, 44, 211, 231
Эдин 165
Эдлер (Адлер) Э. 44
Эстрайх Геннадий 24
Эйтан Р. 24
Эльфман М. 114, 147, 227, 230, 243
Эмери Леопольд Чарльз Моррис 37, 50, 86, 211
Эмери У.Б. 74, 220
Энджел Дж. 75, 147, 221, 243
Эпштейн М. 245
Эпштейн Яааков (Яков) 46, 213
Эттингер Д. 245
Эшкол Леви 21
- Юлий Цезарь 127
Юсеф 235
Юсеф аль Азмеха 237
- Ядин И. 24
Япп Артур 49, 214
Яffe Бецалель 161, 233

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аббасия 134
Абуэйна 74
Адриатика 57
Авран 126
Австрия 192
Акаба 125
Акра 126–127, 168, 228
Александрия 18, 59–62, 116, 161, 164, 208
Алеппо 124, 165, 170, 173
Амман 100, 109, 117, 119, 121–123, 138, 148
Аманские горы 123
Америка 33, 63
Англия 11, 13, 23, 30, 32, 41, 46, 58, 62, 65, 70, 106, 128, 132, 140, 167, 169–170, 180, 190, 192, 196–197
Антиливан 164–165, 234
Аравийская пустыня 126, 152
Ауджа 90, 93–94, 96, 98, 105, 110, 114–115, 117, 224
Африка 11–12
Ашкilon 20

Баальбек 164, 234
Балканы 208
Барад 166
Башан 122
Бейрут 65, 124, 164–165
Бейсан 167
Бейт-Нуба 220
Белах 134, 171–172, 195
Бельгия 32
Бер-Шева 20, 72, 145–146, 152, 205, 219
Бир-Салем 66, 152, 159–162, 166, 169, 170–171, 178
Ближний Восток 15, 17, 65, 203
Босфор 207
Бриндизи 57–58

Вади-Белата 74
Вади-Джиб 74–75
Вади-Кельт 89–90, 224
Вади-Меллаха 94, 97
Вади-Тиюра 74
Вади-Фусель 89
Вади-Хареб 74–75
Великобритания 9, 12, 14–15, 187, 203, 207
Веллингтон 151
Вест-Индия 84, 149
Вифания 88
Вифлием (Бейт-Лехем) 87, 223
Вифсаида 181, 237
Восточная Африка 58

Газа 20, 72, 126, 144, 168, 205, 219, 229
Галилейское озеро (море) 166, 185–186
Галилея 126, 166, 185, 198
Галлиполи 12, 16, 42, 50, 60, 167, 207
Гацар-Енион 164
Гезер 72, 220
Гелвуй 167
Гелиополис 153
Германия 192, 208
Гилгаль 91, 224
Гилеад (Рамот-Гилеад) 122, 126, 139, 226
Греция 128

Дамаск 123–124, 126, 137–138, 148, 164–165, 167, 205
Дан 72, 219
Дарданеллы 30, 207
Даунинг-стрит 237
Дераа 166
Джизр-эль-Дамех 123
Дильджиния 74, 81
Долина Бека 164

- Египет 11–12, 30, 44, 53, 58, 61–62, 71–72, 125–126, 132, 139, 152–153, 157, 168, 177, 182, 205
 Ездрелон 126
 Ездрелонская долина 126, 166
 Емаф 164
 Зейтун 67
 Иерихон 84, 87–88, 90–92, 105, 117, 129, 222
 Иерусалим 8, 20, 48, 59, 67, 74, 78–80, 87–88, 104, 129–131, 134–136, 153, 158, 166, 192, 196, 199, 202–203, 205
 Изреельская долина 90, 98, 100, 109, 111, 166
 Индия 11
 Иннискиллинг роуд 86
 Иордан 64, 76–78, 86, 94, 96, 110, 112–114, 166, 181, 183
 Иорданская долина 88–89, 94, 99, 109–110, 115, 126, 129, 139, 142, 148, 166, 173, 186, 198, 223
 Иосафатова долина 88, 223
 Ирак 65
 Ирландия 12
 Ист-Энд 14, 17, 41, 54, 212
 Италия 11–12, 58
 Иудейская пустыня 88–89, 129
 Иудейские горы 67, 72, 95–96, 220
 Иудея 60, 62, 65, 80, 126, 166
 Каир 18, 60–62, 65, 70, 73, 134, 142, 148, 156, 161, 170, 173
 Кампино-аль-Тальяменто 58
 Кантар (Эль-Кантар) 160, 172–173, 191, 202, 232
 Капернаум 181–184, 237
 Кармель 167
 Кедрон 223
 Киннерет 181
 Кипр 159, 177
 Кишон 167
 Константинополь 146, 207
 Копенгаген 192
 Красное море 125
 Краун-Хилл 45
 Курах 36, 210
 Ливан 234
 Лион 56
 Лод 72, 94, 123, 129, 135–136, 139, 160, 220, 225
 Лондон 13, 45, 54, 133, 205
 Маале-Адумим 88, 223
 Мадеба 109
 Марсель 58
 Масличная гора 87–88, 104, 130, 212
 Медина 165
 Меллах 96, 98, 102, 105, 111, 114, 129, 147
 Мертвое море 78, 89, 126, 181, 198
 Мессина 177
 Мигdal 184, 239
 Моав 126
 Моавитские горы 78, 117, 121, 123, 221
 Мраморное море 207
 Наамех 90, 92
 Наблус 74–75, 120, 123, 220, 227
 Назарет 167, 236
 Нево 198, 241
 Нил 127
 Нимрин 100, 117–118, 123, 129–130, 226
 Новая Зеландия 151
 Нью-Йорк 62
 Олдершот 92, 225
 Палестина 8, 14, 29, 31, 33, 42–44, 53–54, 60, 62–63, 65, 69, 80, 95, 106, 125–127, 141–142, 173, 176, 180, 186–188, 195–199, 203–204, 206, 208
 Петтикоут-лейн 48
 Пинск 208
 Плимут 30, 45–46, 48–49, 52, 56, 62, 106
 Польша 14, 33, 41, 209
 Рамлех 160
 Раммалах 86, 222

- Рамот-Гилеад 100, 226
Рафа 125, 139–140, 143–145, 147, 152–156, 159, 170, 229
Реховот 72, 161, 220
Рим 184
Ришон-Ле-Цион 68, 72–73, 143, 161
Россия 8–9, 13, 33, 41, 58, 62, 187, 192, 196, 218
Румыния 32, 205
Самария 73, 99, 126, 166–167, 220
Саамах 166
Сан-Ремо 203, 206, 208
Сарафанд 72–73, 220
Саутгемптон 54, 56, 58, 211
Сен-Жермен 56
Сербия 32
Синай 168
Синайская пустыня 71, 125, 152, 154, 168
Сион 88, 223
Сирийская пустыня 126–127
Сирия 64–65, 72, 126, 157
Сити 54, 215
Скопус 78–79, 221
Средиземное море 57, 123, 126, 139, 220
Степни 55, 215
Сурафенд 136
Суэцкий канал 125
США 64, 171, 195
- Таврские горы 123
Тавор 167, 236
Талаат-эд-Дам 88
Тальяменто 57, 216
Таранто 57–58, 216
Тверия 181–182, 184–185, 237
Тивериадское озеро 186
Тель-Авив 150
Тель-эль-Орвайм 89
Тель-эль-Сав 145
Туль-Керем 123
- Турция 9, 125, 128, 139
Ум-Суф 73
Ум-эш-Шерт 96, 99–100, 104, 111–113, 148–149
- Фаэнца 57, 216
Фивы 164
Филистия 126, 219
Фландрания 179
Франция 11, 41, 45, 49–50, 62, 65, 70, 179, 205
- Хайфа 125, 159, 166–168, 186, 204
Харит 73
Хеврон 129, 145–146, 198, 200
Хельмия 61, 67–68, 70, 104
Хермон 122, 126, 228
Хиджаз 64, 109, 121, 148, 217
- Цфат 8
- Ченис-стрит 45, 49
- Шарон 126, 228
Швейцария 127, 208
Шеллал 144
Шербур 56
Шефела 72, 219
Шунат-Нимрин 112, 117
Шхем 74
- Эль-Ариш 152–153, 156–157, 230
Эль-Кубаб 73, 220
Эль-Сальт 100, 112, 117–122, 137, 148, 227
Эль-Ховейж 119
Эфраимские горы 72, 86, 98, 220
- Ярмук 166
Яффа (Яффо) 20, 62, 67–68, 72, 97, 108, 123–124, 126, 134, 150, 161, 168, 186, 190, 197, 220

Научное издание

Джон Генри Паттерсон

С ИУДЕЯМИ В ПАЛЕСТИНСКОЙ КАМПАНИИ

Серия «Эпоха войн и революций»; вып. 4

Вступительная статья и комментарии *В. Е. Кельнер*

Перевод с английского *А. В. Глебовская*

Редактор, корректор *Е. И. Васьковская*

Верстка *М. Ю. Кондратьева*

Дизайн *А. Ю. Ходот*

Подписано в печать 15.01.2014

Формат 60 ×90 1/16. Печать офсетная

Усл. печ. л. 16,75. Тираж 600 экз.

Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге

191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А

e-mail: books@eu.spb.ru

тел.: +7 812 386 7627

факс: +7 812 386 7639

Сайт и интернет-магазин Издательства:

www.eupress.ru

Отпечатано в типографии

издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,

192007 Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40

тел./факс (812) 766-05-66

e-mail: renome@comlink.spb.ru

www.renomespб.ru

СЕРИЯ «ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ»

Приближается столетняя годовщина начала Первой мировой войны. История войны и порожденных ею конфликтов продолжает оставаться «горячей» и активно используется в современной культурной, общественной и политической жизни. Юбилей 2014 года станет своеобразным индикатором: в оценке событий 100-летней давности проявляются особенности современного развития различных стран и международных объединений.

Для России эта годовщина имеет особое значение. Долгое время революция 1917 года заслоняла в исторической памяти предшествующие ей события, а история России вырывалась из контекста мирового конфликта. В последнее время историки осознают необходимость рассматривать период 1914–1922 годов как комплекс войн, социальных и политических конфликтов.

Мы хотели бы внести свой вклад в осмысление истории этой переломной эпохи. В серии «Эпоха войн и революций» будут выходить оригинальные и переводные исторические исследования, переиздания, источники, имеющие особое значение для понимания конфликтов, в поле влияния которых мы порой находимся и сейчас.

Редакционный совет серии:

Б. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук), С. Маркс (Университет Клемсон, Южная Каролина, США), Л. Новикова (Московский государственный университет), П. Рогозный (Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук), М. Стокдейл (Университет штата Оклахома, США), М. Фрейм (Университет Данда, Великобритания)

Уже вышли из печати:

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ ПОСЛАНИЯ ВЕРХОВНОМУ ПРАВИТЕЛЮ И ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ АДМИРАЛУ А.В. КОЛЧАКУ. Ноябрь 1918 – ноябрь 1919 г. Сб. документов / сост. и науч. ред. В.В. Журавлев. – 2012 – 624 с.

«ПРЕТЕРПЕВШИЙ ДО КОНЦА СПАСЕН БУДЕТ»: женские исповедальные тексты о революции и гражданской войне в России / В. П. Шелепина, Н. А. Щербачева, М. А. Сливинская, Е. И. Лакиер, А. В. Линден; сост., подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. О. Р. Демидовой. – 2013 – 262 с.

Ник Барон. КОРОЛЬ КАРЕЛИИ. ПОЛКОВНИК Ф.ДЖ. ВУДС И БРИТАНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ НА СЕВЕРЕ РОССИИ В 1918–1919 гг. : история и мемуары / пер. с англ. А. Голубева. – 2013 – 346 с.

Джордж Генри Паттерсон. С ИУДЕЯМИ В ПАЛЕСТИНСКОЙ КАМПАНИИ / пер. с англ. А. Глебовской, науч. ред. и comment. В. Кельнера. – 2014 – 254 с.

В ближайших планах:

Генерал граф Рюдигер фон дер Гольц. МИССИЯ В ФИНЛЯНДИИ И ПРИБАЛТИКЕ

Ханну Иммонен. МЕЧТАЯ О НОВОЙ РОССИИ. ВИКТОР ЧЕРНОВ, 1873–1952

Пол Фуселл. БОЛЬШАЯ ВОЙНА И СОВРЕМЕННАЯ ПАМЯТЬ

БОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

Джон Генри
Паттерсон

С ИУДЕЯМИ
В ПАЛЕСТИНСКОЙ
К А М П А Н И И

Известный путешественник и искатель приключений, участник войн, которые вела Великобритания в Африке, и литератор, сын протестанта и католички, подполковник британской армии Джон Генри Паттерсон, волею судеб, был поставлен во главе необычного воинского подразделения – Еврейского легиона. Легион состоял из представителей российского, британского и американского еврейства. Он стал частью истории еврейского национального движения, своеобразным провозвестником создания Государства Израиль. Эта книга – детальное описание истории создания Легиона и его участия в сражениях 1917–1918 гг.

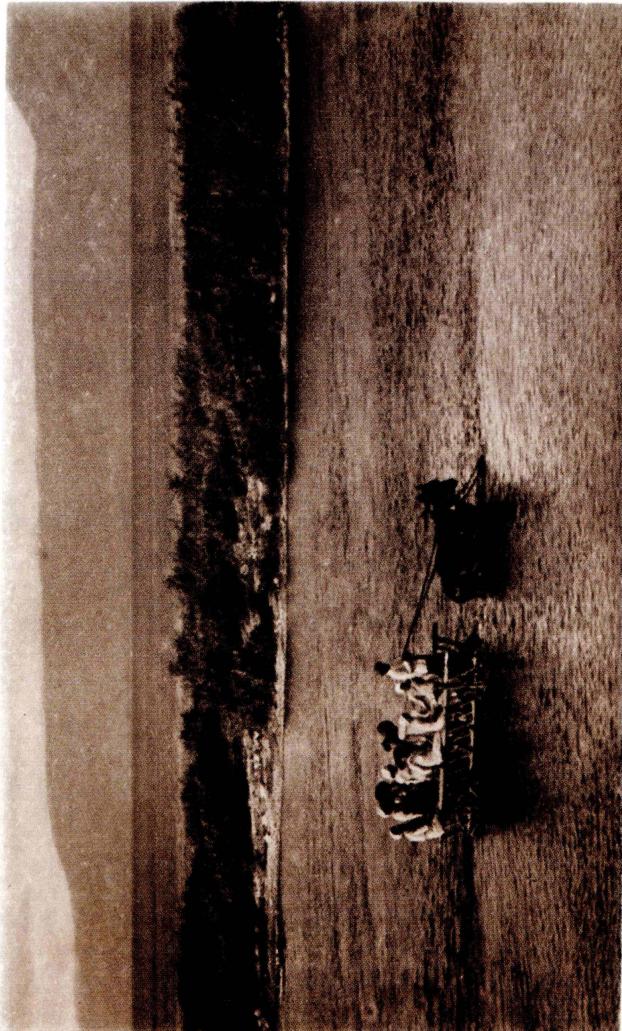
КАРТА
ПАЛЕСТИНЫ

для изучения спасшего историй
Ветхого и Нового завѣтъ.

А Капитанъ Деснаго
Изѣрзинскаго
Зеизинскаго
Изѣрзера
Макеинца
Ефроско

Д Балтий Деснаго
В Пинскаго
Гроднаго
Годзево
Рудзинаго

Иорданъ и Геннисаретскіе озера въ Дагании.

№ 235. „ברון לְבָנָן“ תְּבִרָה

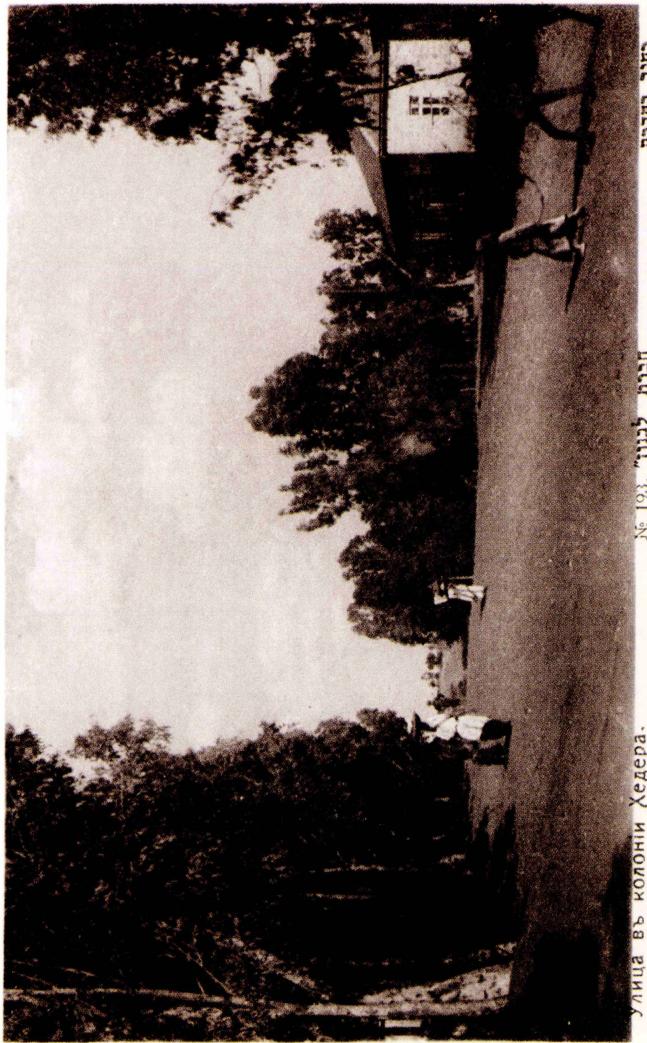
הירדן ותעלת ברונן, תברה

Переправа через Иордан
(открытика из коллекции Центра «Петербургская Муданка», ЕУСПб).

JÉRUSALEM. Muraille de lamentation des Juifs.
JERUSALEM. Jew's walling place.

Вид Стены Плача в Иерусалиме в начале XX в.
(открытика из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

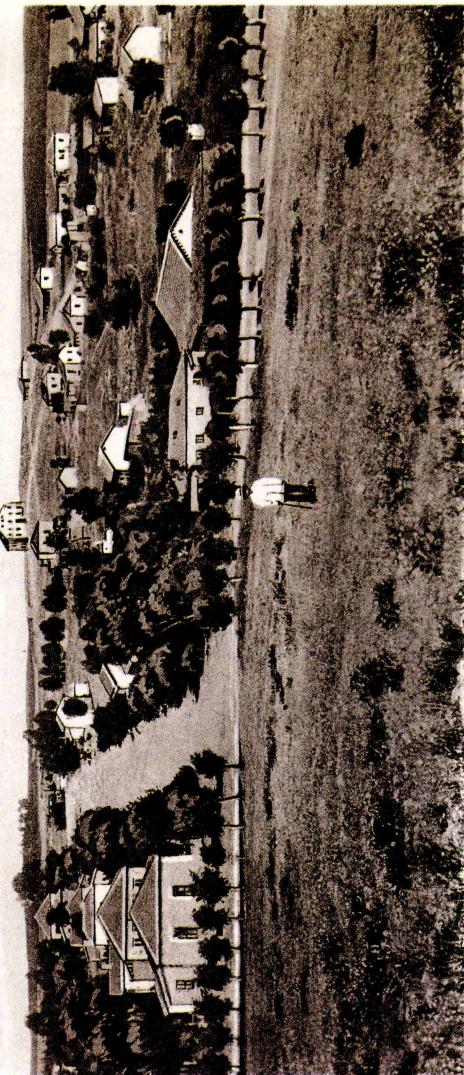

улица въ колонии Хедера.

№ 193. חדרה יהודית

הדרה יהודית

Еврейское поселение Хедера
(открытика из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

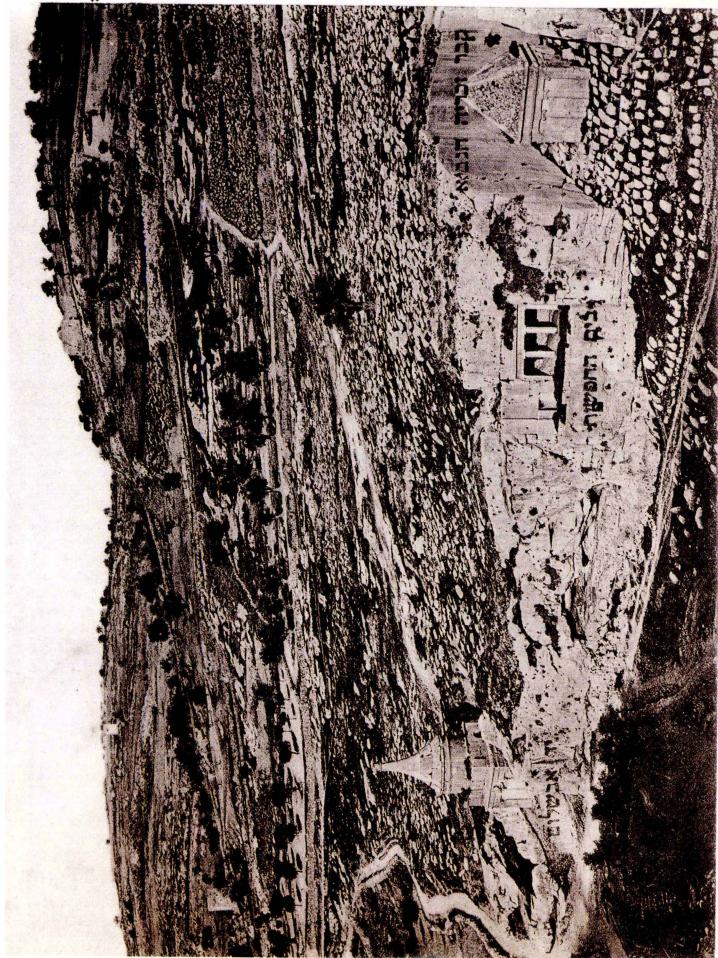
Вид на еврейское поселение в Палестине
(открытика из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

No. 416. Kunstsverein Photo by Leo Wiener, Berlin NW. 23.

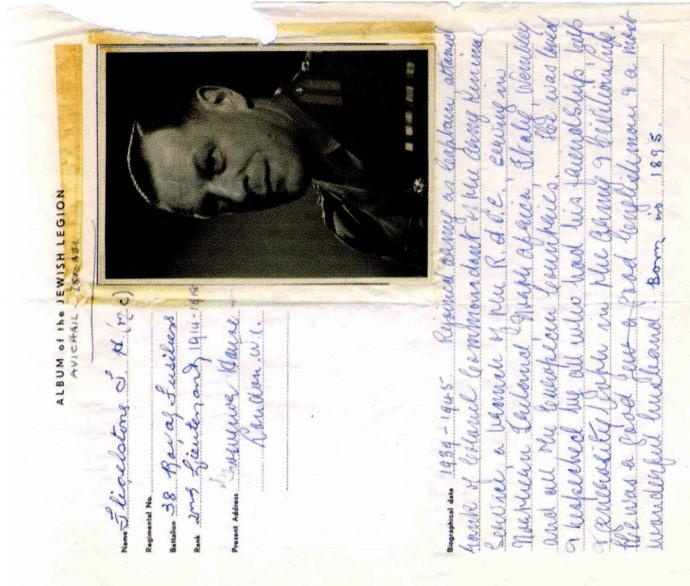
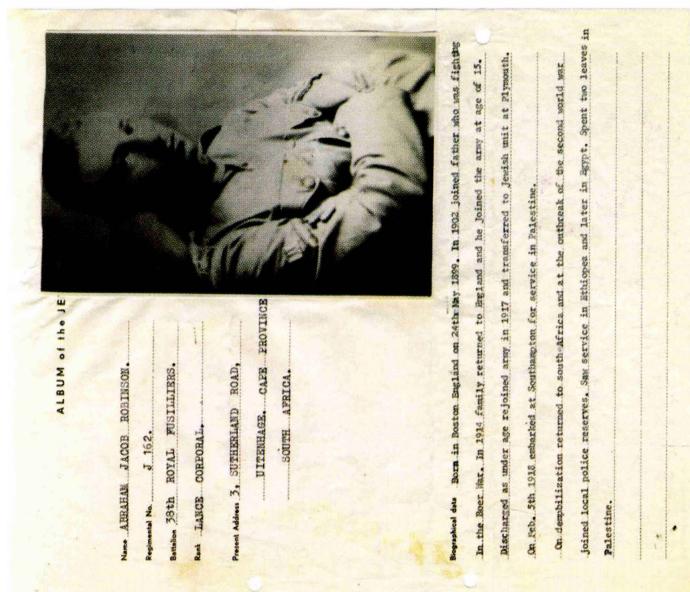
DR 117 75
(Palastina.)

Macchabaei rova.

Qlberge.

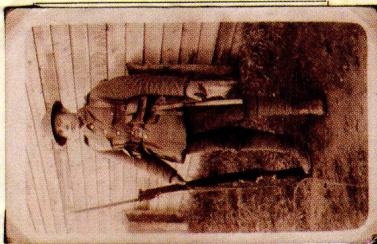
Масличная гора
(открытика из коллекции Центра «Петербургская Иудаика», ЕУСПб).

Робинсон Абрахам Яков. Солдат Легиона
(из фондов Музея Легиона. Нетания, Израиль).

Флигельстон Теодор Хайнц. Офицер Легиона
(из фондов Музея Легиона. Нетания, Израиль).

CATALOGUE OF THE JEWISH LEGION

for dor Joseph
Segmental No. 38 Royal Windsor
Priory Rochester at my
Present Address 1644 Clinton Ave
1128

Biographical data	1862	1863	1864	1865	1866	1867
Birth	6/1	6/1	6/1	6/1	6/1	6/1
Age	36	37	38	39	40	41
Place of birth	1862-1863	1863-1864	1864-1865	1865-1866	1866-1867	1867-1868
Place of residence	1862-1863	1863-1864	1864-1865	1865-1866	1866-1867	1867-1868
Family	1862-1863	1863-1864	1864-1865	1865-1866	1866-1867	1867-1868
Occupation	1862-1863	1863-1864	1864-1865	1865-1866	1866-1867	1867-1868
Relatives	1862-1863	1863-1864	1864-1865	1865-1866	1866-1867	1867-1868

ALBUM of the 1st FISH LEGION

Name SIMON ABRAHAM S.
 Registration No. 21458
 Qualification 3x Royal Teachers
 Department 2nd Lieutenant
 Rank
 Present Address Campfield House
 Former Address Grosvenor
 Lancaster

Biographical data
Born 1890. Studied at New York
School of Art, also at St. Edwards College, C. S.
Lived and taught at Liverpool University. Dem Intermediate C. S.
C. T. Certified Teacher and was numbered in Despatch
for a short while less than 9 years. Won Silver Medal
of the South African District Federation (Meander Valley)
James teaching in Liverpool and at
the Town of Durban where he
taught Holy Nat. School at
Pawpaw Road for several years receiving
no pay but board. Mandated by Rev. P. H. and
a group of Sabdenians in their books on the
subject.

Гордон Иосиф. Солдат Легиона (из фондов Музея Легиона. Нетания, Израиль).

Абрахам Симон. Офицер Легиона
(из фондов Музея Легиона. Негания, Израиль).

ALBUM of the JEWISH LEGION

Name H. B. CROSS
 Regiment No. 1000
 Battalion 38 Bn. R.F.
 Rank LIEUTENANT
 Present Address 67 Woodlands
LONDON
N. W. II

Biographical Note
 Enlisted as Private in Royal Warwickshire Regiment, May 1916.
 Commissioned January 1917. Sent to France April 1917.
 Transferred to 38 Royal Fusiliers October 1917. promoted to
 Captain and Gallantry Cross 1918.
 Awarded and awarded to York 21.8.18. selected for
 Command and Service in Battalion 16.9.18.
 Promoted Lieutenant, January 1918.
 Batt. Command Officer selected 9.7.18. Honored 1918.

ALBUM of the JEWISH LEGION

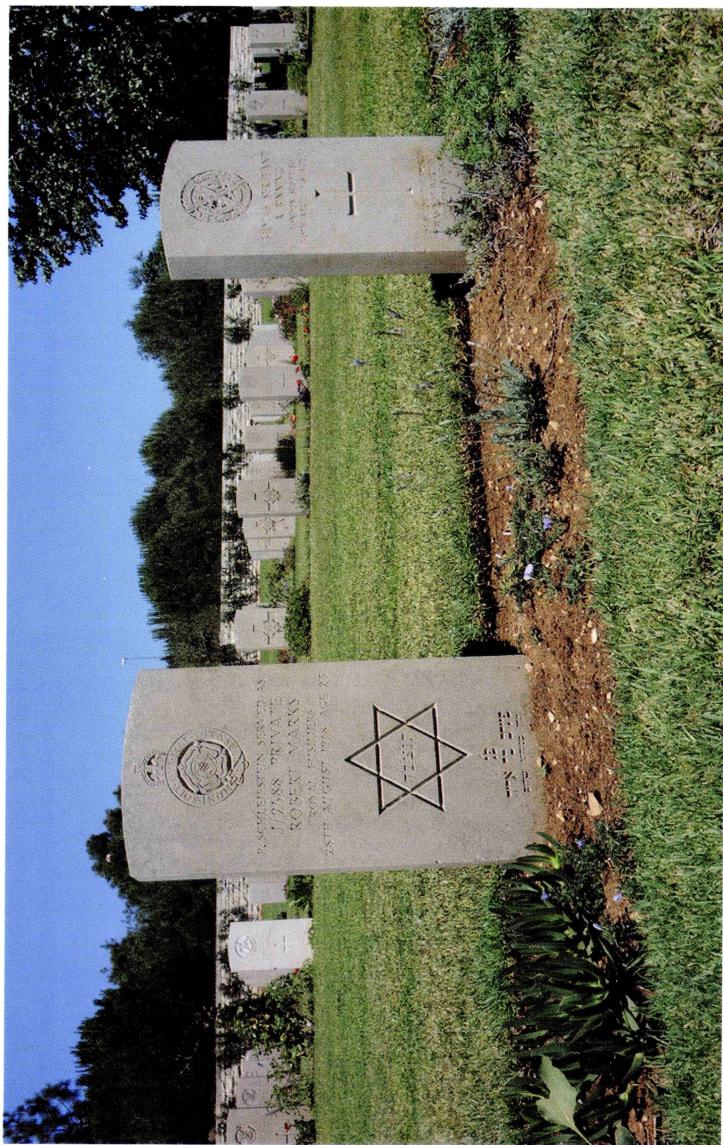

Name MARKS R.
 Regiment No. J 2589
 Battalion 38 Bn. R.F.
 Rank PLT
 Present Address .....

Biographical Note
 VOLUNTEERED FOR ARMY (UNDER AGE)
 WAS KILLED BY A SNIPER AUG 28th 1918
 BURIED BRITISH WAR CEMETERY MOUNT SCOTTES
 WAS THE LOWEST O.F. FIVE CHILDREN

Крос Гарольд Барнет. Офицер Легиона
 (из фондов Музея Легиона. Нетания, Израиль).

Маркс Роберт. Солдат Легиона. Погиб в 1918 г.
 (из фондов Музея Легиона. Нетания, Израиль).

Могила рядового Роберта Маркса на Британском военном кладбище.
Иерусалим.

Еврейский участок на Британском военном кладбище.
Иерусалим.

Могила лейтенанта Бернарда Вольфа на Британском военном кладбище.
Иерусалим.